

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

51 2025
ЧАСТЬ IX

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джозеф Стиглиц* (1943), американский экономист-кейнсианец.

Джозеф Стиглиц родился в 1943 году в городе Гэри (штат Индиана, США) в небогатой еврейской семье. Его отец, Натаниэль Стиглиц, был страховым агентом, а мать Шарлотта (урожденная Фишман) — школьной учительницей. Стиглиц учился в Амхерстском колледже, где был главой студенческого совета, а затем продолжил обучение в Массачусетском технологическом институте (МТИ), где защитил докторскую диссертацию.

В 1965–1966 годах Стиглиц занимался исследовательской работой в Чикагском университете, в 1966–1970 годах — в Кембриджском университете в Великобритании. В то время его изыскания были посвящены проблемам экономического роста, инноваций и перераспределения доходов. Вернувшись в США, он начал работать в Йельском университете, где специализировался на экономике рисков, что в конечном счете привело его к главной теме научных исследований — теории информационной экономики.

В дальнейшем Стиглиц занимал академические должности во многих ведущих американских и британских университетах: Оксфорде, Станфорде, Принстоне и др. В 1992 году он переехал в Вашингтон, чтобы работать в администрации президента США Билла Клинтона — входил в состав Совета экономических консультантов при президенте США и возглавлял этот совет. В 1997–2000 годах Стиглиц был старшим вице-президентом и главным экономистом Всемирного банка. С 2000 года он является профессором Колумбийского университета.

Научные интересы Стиглица широки и многообразны, однако в центре его внимания всегда оставались проблемы сбора, анализа и распространения информации, принятия решений в условиях недостаточной информации, а также роль неполной информации в конкурентном процессе. В ряде новаторских статей, преимущественно обобщавших результаты анализа рынков страховых услуг, он показал, что нельзя утверждать, будто нерегулируемая конкуренция оптимизирует экономическое благосостояние или хотя бы приведет к равновесию спроса и предложения; тем более это неверно в отношении монополистической конкуренции и олигополии.

Будучи кейнсианцем и сторонником активной роли государства в экономике, Стиглиц подвергает жесткой критике неограниченный рынок, монетаризм и неоклассическую экономическую школу вообще, а также неолиберальное понимание глобализации и политику Международного валютного фонда в отношении развивающихся стран. По его мнению, современный капитализм может и должен быть усовершенствован. Критикуя «неолиберальный крен» в экономическом образовании, Стиглиц написал учебник по основам экономики, который был

призван устранить такой перекосяк в процессе преподавания экономики.

Стиглиц не только известный экономист, он активно участвует в политической и общественной жизни США. В 2000 году на базе Колумбийского университета он создал научное сообщество экономистов и политологов «Инициатива за политический диалог» (The Initiative for Policy dialogue), цель которого — помочь странам с переходной и развивающейся экономикой выработать альтернативные пути развития и укрепить гражданское общество. Он также возглавлял комиссию экспертов при председателе Генеральной Ассамблеи ООН по реформированию международной валютно-финансовой системы и международную комиссию, задачей которой была выработка критериев оценки экономической деятельности и социального прогресса без опоры на ВВП страны.

Стиглиц был редактором и членом редколлегий многих специализированных журналов: *Journal of Public Economics*, *Review of Economic Studies*, *American Economic Review*, *Journal of Economic Theory*, *Journal of Economic Perspectives* и др.

В 2001 году Стиглиц совместно с американскими экономистами Джорджем Акерфолом и Майклом Спенсом был удостоен Нобелевской премии «за анализ рынков с несимметричной информацией», то есть таких рынков, на которых одни участники обладают большим объемом информации, чем другие.

Научные заслуги и общественно-политическая деятельность Стиглица отмечены и другими престижными наградами, среди которых — медаль Джона Бэйтса Кларка за научные достижения; премия Джеральда Лоэба за выдающуюся финансовую журналистику, премия «Глобальная экономика», присуждаемая Кильским институтом мировой экономики.

Стиглиц — член Американской академии искусств и наук, Национальной академии наук США, Эконометрического общества и Американского философского общества. Он был президентом Восточной экономической ассоциации и президентом Международной экономической ассоциации.

Джозеф Стиглиц является почетным доктором более 40 университетов, в том числе Кембриджского, Гарвардского и Оксфордского, иностранным членом Российской академии наук и Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, кавалером ордена Почетного легиона.

В 2011 году журнал *Time* назвал Стиглица одним из 100 самых влиятельных людей в мире, а журнал *Foreign Policy* включил его в список 100 ведущих мировых мыслителей.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Осадчая Ю. М.

Эволюция института судебного представительства в России: историко-правовой анализ 585

Осоткин Е. А.

Права и обязанности субъектов налоговых правоотношений: классификация и характеристика 589

Осоткин Е. А.

Проблемы защиты прав налогоплательщиков в Российской Федерации..... 591

Остапенко Е. В.

Правовая категория недвижимости в Российской Федерации, Франции и Великобритании. Сравнение со сходными правовыми конструкциями во Франции и в Великобритании 595

Пашина М. А.

Классификация видов правонарушений юридических лиц 598

Петрова Е. В.

Характерные особенности и проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права 600

Почекунин К. Н.

Язык уголовного судопроизводства: перформативный подход (теоретическая часть) 604

Пустовая А. Е., Керпелец В. М.

Международно-правовое регулирование труда несовершеннолетних работников 609

Раев Ю. В.

Предъявление для опознания лица в условиях тактического риска..... 611

Ромаденкова Т. А.

Полномочия органов публичной власти в сфере обеспечения конституционного права на образование..... 613

Рустамова Ш. К.

Права предпринимателей как объект правовой охраны и защиты 615

Сагадеев М. Б.

Сравнительно-правовой анализ ответственности за бандитизм и организацию преступного сообщества в законодательстве отдельных зарубежных стран 616

Сагарев И. Ю., Шевченко Д. А.

Современные вызовы международному гуманитарному праву: новые конфликты и технологии 620

Сагарев И. Ю., Шевченко Д. А.

Право на благоприятную окружающую среду: от разъяснений Верховного Суда к правоприменительной практике 621

Сагарев И. Ю., Шевченко Д. А.

Цифровые активы в международном частном праве: современные вызовы и пути решения 623

Садчиков Е. О.

Административно-правовые механизмы обеспечения качества и безопасности продовольственной продукции 624

Сацкевич Т. К., Коршунова К. С.

Задержание транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, направленная на ограничение имущественных прав 627

Серова М. С.

Защита персональных данных работника в условиях цифровизации: баланс интересов и пределы контроля работодателя..... 629

Смирнов А. В.

Совершение преступлений несовершеннолетними лицами. Анализ проблематики через психолого-педагогический и правовой аспекты..... 632

Смирнова П. Ю.

Страхование ответственности владельцев беспилотных транспортных средств: новые вызовы 635

Солопов В. В., Евсеев Д. Е. Методические и тактические особенности проведения прокурором проверок в целях реализации приоритетных направлений деятельности на современном этапе.....	637	Хажметов Э. М. Проблемы и перспективы судебной защиты прав предпринимателей в системе антимонопольного регулирования Российской Федерации	647
Урмагамбетова А. Б. Роль и полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса: современное состояние и дискуссионные вопросы.....	639	Хасанов В. Ю. Актуальные проблемы при проведении государственных и муниципальных закупок и рекомендации по их решению	650
Фрейман А. Н. Защита прав субъектов налоговых правоотношений	642	Хахлютина Ю. О. Дипломатический статус города Куйбышева в годы Второй мировой войны	652
Фрейман А. Н. Юридическая ответственность за неуплату налогов	644	Хвостова Е. А. Особенности государственной регистрации объектов недвижимости и прав на них в Российской Федерации, Бразилии и Китае ...	654

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Эволюция института судебного представительства в России: историко-правовой анализ

Осадчая Юлия Маратовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится историко-правовой анализ становления и развития института судебного представительства в России. Исследование охватывает период от Древней Руси до советского времени, выделяя ключевые вехи нормативного регулирования и трансформации роли представителя. Особое внимание уделено судебной реформе 1864 года как моменту оформления профессиональной адвокатуры и последующей ее ликвидации в советский период. Автор приходит к выводу, что эффективность института представительства напрямую зависит от его независимости, уровня профессионализма и детальности законодательной регламентации.

Ключевые слова: судебное представительство, адвокатура, присяжные поверенные, историко-правовой анализ, судебная реформа 1864 года, гражданский процесс.

Что суд, что адвокатура — это продукты эволюции государства и права: суд был создан для разрешения конфликтов между лицами, а адвокатура для оказания квалифицированной юридической помощи.

Термин «адвокатура» происходит от латинского слова *advocatio*, что означает «приглашение для юридической консультации или в качестве судебного защитника», то есть такое понимание деятельности адвоката связывается с судебным процессом. Именно такое понимание института адвокатуры позволяет утверждать о наличии тесной связи между адвокатурой и судом и между возникновением данных институтов отсутствует большой разрыв.

Однако все же присутствовал период времени, когда суд существовал, а институт представительства отсутствовал. К примеру, анализ древнейшего источника русского права, Русской правды [2], не позволяет выявить нормы, которые регламентировали бы институт представительства в судебном процессе. Личное присутствие сторон в судебном процессе был общим правилом, а потому в Древней Руси сторона самостоятельным образом защищала себя на суде.

Сбор доказательств происходил непосредственно теми, чьи права были нарушены, данное лицо собирало доказательства, а уже после выступало перед судом [3]. В прениях стороны задействовали разные способы и приемы, чтобы доказать свою невиновность.

К примеру, присяга невинности, на западе ее также называли компургация — обвиняемое лицо клялось в своей невиновности, а затем приводило определенное число людей, которые могли под присягой подтвердить его слова [4].

Ордалии или же «Божий суд» — возложение на подсудимого испытание огнем и железом. Далее данное испытание было заменено на испытание полем, которое проводилось между потерпевшей стороной и подсудимым. Сторона признавалась выигравшей в случае победы в такой поединке, так как признавалось, что воля Бога на стороне победителя [5].

Институт судебного представительства впервые получил свое нормативное закрепление в Псковской судной грамоте [6], которая была принята во второй половине 15 века. Данный нормативно-правовой акт установил круг лиц, которые могли выступать представителями в суде и доказывать невиновность лица. Следовательно, данные лица могли выступать и с помощью своего красноречия убеждать в невиновности лица в совершении того или иного деяния.

В Судебнике от 1497 г. [7] также определенное внимание уделялось вопросу судебного представительства. На тот период времени судебный представитель осуществлял следующее: составлял различные заявления, осуществлял их подачу, присутствовал на суде, предоставлял доказательств, по просьбе доверителя заявлял о переносе судебного заседания, однако представители не имели никаких процессуальных прав.

В Соборном уложении от 1649 г. [8] представительство допускается лишь в определенных случаях: наличие болезни, которая препятствует явиться на судебное заседание, именно в таком случае лицо может назначить вместо себя своего доверителя.

Однако наличие болезненного состояния должно было установить специальное должностное лицо. Данное поло-

жение было обусловлено тем, что на тот период времени судебный процесс еще не разделялся на гражданский и уголовный, а потому он носил общий инквизиционный характер, а потому существовали достаточно широкие возможности для обвинения и весьма скудные для защиты.

Помимо прочего возможность иметь представителя в суде детерминировалась сословием и категорией дела. К примеру, в тексте вышеуказанного нормативного акта указывалось, что помещичьи крестьяне не имели право иметь судебного представителя по имущественным спорам, то есть такое право существовало лишь у «высших сословий».

Стоит также отметить, что в Соборном уложении отсутствовали какие-либо требования к представителям, такой пробел сводил к минимуму эффективность данного правового института, так как лица, не имея на то специальных знаний и опыта осуществляли представительство в суде, что лишь негативно сказывалось на судьбе доверителя.

В 18 веке предпринимались попытки по учреждению адвокатуры, однако цари были против. К примеру, Екатерина II полагала, что если «законы написаны на русском языке, то они понятным каждому и даже самым посредственным умам, а потому нет никакой целесообразности в учреждении адвокатуры» [9].

Однако так или иначе существовал институт «стряпчества», что, по сути, означало судебное представительство, несмотря на это в законодательстве того периода не содержалось его определение и правовая регламентация.

Также была распространена практика, когда на улицах, в кабаках некоторые лица давали свои консультации, как выиграть судебное дело, в том числе и разными «судебными хитростями».

Таким образом, до судебной реформы от 1864 г. институт представительства обозначался разными терминами «стряпчие, ходатаи, заступники» и т. д. и их правовая регламентация была достаточно слабой. То есть в законодательстве того времени и даже в Своде законов Российской империи [10] не предусматривалось создание внутренней организации у таковых лиц, отсутствовали требования к ним, а потому данную деятельность могли осуществлять даже те лица, которые не имели юридического образования, помимо прочего отсутствовал контроль за их деятельностью.

В 60-е годы XIX в. пришло понимание о необходимости реформирования судебной системы России, как в целом, так и некоторых институтов, которые тесно связаны с ней, а именно речь идет про институт судебного представительства.

Так, при проведении судебной реформы от 1864 г. была устранена общая инквизиционная форма процесса, стал вводиться процесс смешанного типа, который сочетал в себе как инквизиционную форму, так и состязательную, последнее как раз и явилось неким катализатором для возникновения института представительства.

В Учреждении судебных установлений [11] было закреплено, что «судебная власть распространяется на лиц всех сословий и на все дела: гражданские и уголовные». Помимо прочего в данном акте определялся круг лиц, принимающих участие в судебном процессе и среди таковых перечислялись и присяжные поверенные, которые либо назначались, либо избирались. То есть данный акт ознаменовал новый этап судебного представительства.

Вторая глава вышеупомянутого акта была непосредственным образом посвящена правовой регламентации института присяжных поверенных. В рамках данной главы к присяжным устанавливались требования, данные требования касались уровня образования, а также требования к стажу, а именно то, что лицо должно иметь 5 лет опыта в сфере судебного делопроизводства.

То есть законодатель того времени не предусматривает перечисление конкретных должностей, он лишь обозначает соответствующую область, что представляется нам весьма верным решением. Помимо прочего данное требование засчитывалось, если лицо 5 лет занималось судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников.

В ст. 355 Учреждения судебных установлений исчерпывающим образом определялось, кто не может выступать в качестве присяжного поверенного, к примеру, им не могло выступать лицо, не достигшее 25 лет, запрет стоял также в отношении иностранных лиц, лиц, признанных банкротами, состоящих на службе и т. д.

Каждый присяжный поверенный должен быть приписан к определенной судебной палате, а потому его место жительства определяется в том городе той палаты, где он приписан — такое решение, как нам кажется, было обусловлено для обеспечения равного доступа к правосудию среди обычных граждан, для недопущения чрезмерной конкуренции среди адвокатов в рамках одного города, то есть присяжные поверенные распределялись сбалансированным образом по территории всего государства [12].

Именно государственный совет утверждает точное количество присяжных поверенных в городах, делается это на основе предложения Министерства юстиции по представлениям судебных палат.

Совокупность судебных палат образовывали округа, где присяжные избирали из своего числа членов для совета, который осуществлял функции надзора за всеми состоящими в данном округе поверенными. Формирование совета осуществлялось голосованием путем простого большинства.

Относительно количественного состава, то в законодательстве предусматривалось, что число членов должно быть прямо пропорционально числу подведомственных совету присяжных, однако в любом случае устанавливались нижние и верхние границы: не менее 5 и не более 15.

После того как совет сформирован, информация о его составе передавалась прокурору, а также публиковалась для всеобщего ознакомления.

Совет присяжных поверенных характеризовался определенным набором прав и обязанностей. К примеру,

к числу обязанностей относили рассмотрение заявлений лиц, которые изъявили желание приписаться к числу присяжных поверенных или выйти из этого звания; рассмотрение жалоб в отношении присяжных поверенных, назначение поверенного для безвозмездной помощи лицам, пользующимся «правом бедности» и другие обязанности, которые исчерпывающим образом отражены в ст. 367 Учреждения судебных установлений.

Как уже было отмечено нами ранее, помимо обязанностей совет также обладает определенным набором прав, к примеру, одним из таковых — это возможность подвергать поверенного наказанию, в случае допущения им нарушения своих обязательств. Выделялось 5 видов наказаний, которые могут применить совет поверенных: предупреждение; выговор; запрещение отправлять обязанности поверенного в течение определенного срока, однако такой срок не может превышать 1 год; исключение из числа поверенных; преданию поверенного суду для уголовного разбирательства.

Стоит отметить, что если совет лишил лица статуса присяжного поверенного, то он терял данный статус в пределах всего государства.

В том случае, если поверенный был два раза подвергнут наказанию в виде запрещения отправлять временно свои обязанности, то в случае повторного совершения нарушения, заслуживающее такого же наказания, лицо подлежит исключению советом из числа поверенных.

В любом случае перед применением любого взыскания в отношении поверенного необходимо сначала запросить его объяснения. В том же случае, когда объяснение в установленный срок не было предоставлено, то совет разрешает дело на основе той информации, которая ему известна. Следовательно, совет сам решает какая причина неявки или непредставления объяснения должна признаваться уважительной.

Когда в отношении поверенного была применена та или иная мера наказания, то совет сообщает об этом прокурору.

Вне зависимости от решения совета частное лицо может подать на поверенного в суд с целью взыскания причиненных ему действием поверенного убытков.

Предусматривалось право поверенного обжаловать решения совета, кроме случаев, когда в рамках такого решения поверенный привлекался к ответственности в виде предостережения и выговора. Такие жалобы подавались в судебную палату и их срок не мог превышать 2 недель с момента их вынесения советом.

В том случае, если совет присяжных поверенных отсутствует, то права и обязанности данного органа принадлежат местному окружному суду.

Также в Учреждении судебных установлений исчерпывающим образом перечисляются права и обязанности присяжных поверенных. К примеру, одно из прав — это хождение по делам в том округе судебной палаты, к которой приписан поверенный.

В том случае, если поверенный принял дело в одном округе, а оно было перенесено в другой округ, то пове-

ренный на основании воли представляемого может продолжить представлять его интересы до завершения рассмотрения дела, одно в таком случае поверенный подчиняется тому совету, в котором проходит рассмотрение дела. Следовательно, присяжный поверенный вынужден переехать в другой город, а потому для начала он должен передать находящиеся у него дела другому поверенному [13].

Присяжные поверенные могут подавать просьбы и другие бумаги от имени тяжущейся стороны. Причем тяжущийся может доверить поверенному хождение по делу во всем его объеме, а может уполномочить его на совершение лишь одного действия. Разрешается иметь сразу несколько поверенных и их число никаким образом не ограничивается.

Тяжущаяся сторона может выдавать доверенность на ведение судебных дел лицам, не принадлежащим к числу присяжных поверенных, к примеру, речь идет про родителей, супруга, детей.

Покупка прав своих доверителей по судебным тяжбам не допускается, любые сделки, совершенные поверенным в таком случае, будут признаваться недействительными.

Поверенный в суде не может действовать в качестве поверенного против своих родителей, жены, детей, родных братьев, сестер, дядей и двоюродных братьев и сестер. Также такое лицо не может быть поверенным обеих тяжущихся сторон по делу.

В ст. 403 анализируемого акта закрепляется норма о сохранении конфиденциальности: поверенный обязан сохранять в тайне сведения, ставшие ему известными, о доверителе и даже в случае его отстранения и после окончания судебного дела.

Присяжный обязуется вести список дел, которые поручены ему, данный список стоит предоставлять в совет поверенных в случае возникновения такого требования.

Именно таким образом институт поверенных с незначительными изменениями существовал вплоть до 1917 г., пока не произошла октябрьская революция.

Новая власть жестко отрицала достижения прошлого государства, а потому ранее действовавшие акты отменялись. Так, в 1917 г. был принят Декрет № 1 СНК «О суде» [14], в котором упразднялся институт присяжных поверенных и устанавливалось, что в качестве таковых могут выступать все «неопороченные граждане» вне зависимости от пола, которые пользуются гражданскими правами. То есть профессиональные представители с того времени отсутствовали, как итог была уничтожена «буржуазная» революция и ее достижения за 19 век.

Следующий акт по хронологии — это Декрет № 2 «О суде» [15] от 1918 г., который учредил «коллегии право-защитников», как в форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты, то есть только эти лица обладали полномочиями выступать в суде. Формирование данных коллегий осуществлялось Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

То есть с приходом к власти большевиков институт судебных представителей был заменен на искусственно созданную структуру, которая полностью подчинялась го-

сударственному органу власти, он ее формировал и контролировал, а потому ни о какой независимости речи и не шло.

В 1923 г. принимается первый процессуальный кодекс РСФСР, в котором упоминается институт представительства. Так, в ст. 12 ГПК РСФСР [16] устанавливается, что лица в суде могут вести свои дела лично или через представителей. Помимо прочего в тексте данного нормативного акта можно обнаружить различные виды представительства, к примеру, добровольное, законное, назначенное, уполномоченное. Также устанавливались полномочия представителей, перечень лиц, которые не могли выступать в качестве таковых.

Несмотря на всю свою прогрессивность, данный правовой институт не был все же подробно раскрыт в нормативном акте, отражались лишь его общие аспекты без детализации.

В 1964 г. был принят новый гражданский процессуальный кодекс [16], который также подтвердил возможность участия в деле представителей стороны. В данном акте устанавливалось, что если лицо ведет свое дело лично, то это не мешает ему иметь представителя по этому делу.

В ГПК РСФСР от 1964 г. была целая глава, посвященная регламентации института представительства, а именно речь идет про представительство юридических лиц, оформление соответствующих полномочий, определение круга лиц, которые не могли выступать в качестве представителей, институт законного представительства и т. д.

В ст. 44 ГПК РСФСР исчерпывающим образом перечислялись лица, которые могли выступать в качестве представителей в суде, к примеру, к таковым относили адвокатов, работников государственных учреждений, предприятий, кооперативных и общественных организаций (однако лишь в случае, если дело касается этих учреждений, предприятий и организаций), один из соучастников при наличии поручения других соучастников и т. д.

Полномочия представителя должны быть выражены в доверенности, которая оформлялась в нотариальном порядке, однако законодатель допускал, что в определенных случаях такие доверенности могут быть удостоверены организациями, в которых работает доверитель, в лечебном учреждении, в котором доверитель находится на излечении, воинской частью, если доверитель является военнослужащим.

Полномочия адвоката удостоверяются ордером, стоит также отметить, что полномочия представителя могут

быть также выражены в устном заявлении доверителя на суде.

По общему правилу полномочие на ведение дел в суде не предоставляло право на передачу дела в третейский суд, на признание или отказ от иска, на изменение предмета иска и т. д., то есть речь идет не обо всех процессуальных правах, данные положения должны быть специальным образом обозначены в выданной доверенности.

В ст. 48 ГПК РСФСР перечисляются лица, которые не могут быть представителями в суде, к примеру, к таковым относят несовершеннолетних лиц и лиц, состоящих под опекой и попечительством, лица, исключенные из коллегии адвокатов, а также судьи, следователи и прокуроры.

Таким образом, по итогу данного параграфа можно сделать следующие выводы.

Впервые институт судебного представительства был закреплен в тексте Псковской судной грамоты — данный нормативно-правовой акт установил круг лиц, которые могли выступать представителями в суде и доказывать невиновность лица. В Соборном уложении от 1649 г. представительство допускалось лишь при наличии болезни, которая препятствовала явке в суд. Более того представительство могли осуществлять любые лица, не имея при этом соответствующего образования и опыта.

Ситуация изменилась лишь в 1864 г., где в ходе проведенной судебной реформы был также затронут институт судебного представительства. На законодательном уровне устанавливались требования к присяжным поверенным, определялся круг лиц, которые не могут быть поверенными, определялся правовой статус совета присяжных поверенных, его процедура формирования, функции, права и обязанности, меры наказания, применяемые советом к присяжным, права и обязанности присяжных поверенных.

С 1917 г. по 1923 г. институт судебных представителей был заменен на искусственно созданную структуру, которая полностью подчинялась государственному органу власти, он ее формировал и контролировал.

В ГПК РСФСР от 1923 г. происходит первое регулирование института представительства в советском праве, несмотря на всю свою прогрессивность, данный правовой институт не был все же подробно раскрыт в нормативном акте, отражались лишь его общие аспекты без детализации. В ГПК РСФСР 1964 г. целая глава была посвящена регулированию института представительства в суде и данные положения были более подробными.

Литература:

1. Сохраннов И. Н. История представительства в гражданском и арбитражном процессе // Академическая публикация. 2021. № 3. С. 287.
2. Русская правда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html>.
3. Иренева Л. Л. История гражданского процесса в отечественном праве // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2019. № 1. С. 72.
4. Овчинников И. Г. История развития института адвокатуры // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: Сборник научных статей по материалам XII Международной на-

- учно-практической конференции, Уфа, 15.08.2023. Том Часть 1. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 260.
5. Боннер А. Т. Проблемы совершенствования института судебного представительства в Российской Федерации // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: Сборник статей к юбилею Е. И. Носыревой / Отв. редактор Д. Г. Фильченко. — Москва: Инфотропик Медиа, 2020. С. 10.
  6. Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/psg>.
  7. Судебник 1497 г. [Электронный ресурс] https://elf.ucoz.net/Pravo/IOGP/sudebnik_1497.pdf.
  8. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>.
  9. Миняйленко Н. Н., Кеклис А. Ю. Судебное представительство в гражданском судопроизводстве России (историко-теоретический аспект) // Пролог: журнал о праве. 2020. №. 2 (26). С. 3.
  10. Свод законов Российской империи от 1830 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>.
  11. Учреждение судебных установлений от 1864 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>.
  12. Ивакин В. Н. Профессиональное судебное представительство: история возникновения // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 69. №. 1. С. 53.
  13. Старикова Н. А. История развития судебного представительства в России / Н. А. Старикова, Е. А. Артамонова, Г. А. Могилевский // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Кемерово, 28 ноября 2020 года. Том 2. — Кемерово: Общество с ограниченной ответственностью «Западно-Сибирский научный центр», 2020. С. 402.
  14. Декрет СНК «О суде № 1» от 1917 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm.
  15. Декрет СНК «О суде № 2» от 1918 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude2.htm. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 1922 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/grk_22.
  16. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 1964 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks.

Права и обязанности субъектов налоговых правоотношений: классификация и характеристика

Осоткин Евгений Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена классификации и особенностям правового статуса участников налоговых отношений, а также анализу существующих подходов к их классификации. Автор детально рассматривает основные положения, регулирующие права и обязанности субъектов налоговых правоотношений.

Ключевые слова: субъекты налоговых правоотношений, налогоплательщики, права и обязанности.

Rights and obligations of subjects of tax legal relations: classification and characterization

This article is devoted to the classification and features of the legal status of participants in tax relations, as well as the analysis of existing approaches to their classification. The author examines in detail the main provisions regulating the rights and obligations of subjects of tax legal relations.

Keywords: subjects of tax legal relations, taxpayers, rights and obligations.

Взаимоотношения, регулируемые правом между субъектами гражданского оборота, оказывают значительное воздействие на экономические показатели их деятельности или деятельности представляемых ими лиц.

Поэтому неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, направленных на обеспечение прав налогоплательщиков, влечет за собой наступление юридической ответственности. Таким образом, изучение особенностей

взаимодействия участников налоговых правоотношений, их прав и обязанностей, включая аспекты обеспечения и защиты их прав, приобретает особую значимость.

Признание за налогоплательщиками субъективных прав является следствием добровольного самоограничения государственной власти, зафиксированного в нормативных правовых актах. Вследствие этого, подавляющее большинство субъективных прав налогоплательщиков находят свое воплощение посредством обращения в фискальные или иные уполномоченные государственные инстанции.

Субъективное налоговое право налогоплательщика может быть реализовано только через уполномоченные государственные органы, что обусловлено как относительной природой налогового обязательства, так и спецификой этого механизма. Государство удовлетворяет интерес налогоплательщика, проявляя определенное самоограничение своих фискальных интересов. Ярким примером является налоговая льгота, которая предполагает полный или частичный отказ государства от взимания налога [3, с. 234].

Исключение составляют лишь некоторые субъективные права налогоплательщика, которые реализуются без активных действий с его стороны. К примеру, право не подчиняться неправомерным требованиям налоговых органов. Тем не менее, подобные права налогоплательщика встречаются редко и не влияют на общее свойство его субъективных прав, описанное выше.

Анализ юридической литературы показывает, что права налогоплательщиков делятся на две категории: безусловные и относительные. Безусловные права предоставляют налогоплательщику свободу действий, и налоговые органы не вправе вмешиваться в их реализацию. Относительные права, напротив, могут быть реализованы только при соблюдении определенных условий, установленных законом, и на основании решения уполномоченного органа [6, с. 45].

Важно понимать, что даже те права налогоплательщика, которые считаются безусловными и субъективными, требуют активных действий и письменного оформления со стороны налоговых органов. В качестве иллюстрации, право на получение информации может быть удовлетворено лишь путем получения официального письменного ответа от налоговой инспекции.

Законодательное закрепление субъективных прав налогоплательщиков осуществляется либо путем их прямого указания, либо через установление обязанностей фискальных органов. Последнее означает, что если закон возлагает на налоговые органы определенные обязательства, то это автоматически подразумевает наличие у налогоплательщиков соответствующих прав. Важно отметить, что налоговое законодательство также содержит нормы, которые, не формулируя права и обязанности граждан и организаций напрямую, тем не менее, по мнению некоторых авторов, позволяют сделать вывод об их существовании на основе их содержания. К таким

нормам относят, например, ст. 3 НК РФ, которая определяет фундаментальные начала налогового законодательства.

К правам налогоплательщиков относится право на равное налогообложение независимо от формы собственности, организационно-правовой формы предпринимательской деятельности, места нахождения и иных оснований, носящих дискриминационный характер; право на справедливое и соразмерное взимание налогов; право на экономически обоснованное налогообложение; право на взимание налогов, не препятствующее реализации конституционных прав и свобод.

В отличие от простого законного интереса, субъективное налоговое право налогоплательщика — это юридически закреплённая мера того, что ему разрешено делать для реализации своих интересов. Эта мера обеспечена соответствующими обязательствами со стороны налоговых органов и их представителей, а также возможностью получить защиту со стороны государства при возникновении такой потребности [2, с. 59].

Существенным недостатком приведенного выше определения является игнорирование того, что субъективное право налогоплательщика всегда является следствием исполнения им налоговой обязанности, то есть производным от нее. Эта взаимозависимость становится очевидной даже при анализе официально закреплённых прав налогоплательщиков, которые можно условно разделить на следующие группы: права на получение информации, необходимой для правильного исполнения обязанности по уплате налогов (подп. 1 и 2 п. 1 ст. 21 НК РФ); права, возникающие в связи с исполнением обязанности по уплате налогов (подп. 3–6 п. 1 ст. 21 НК РФ); права, при осуществлении мероприятий контроля за своевременностью и полнотой уплаты налогов (подп. 7–11, 15 п. 1 ст. 21 НК РФ); права, гарантирующие соблюдение законодательства государственными органами при взимании налогов (подп. 12–14 п. 1 ст. 21 НК РФ) [1].

Существуют и другие классификации прав налогоплательщиков в теории налогового права, свидетельствующие об их производной природе. Например, разграничение прав на организационно-имущественные и организационные наглядно показывает, насколько тесно они связаны с обязанностью по уплате налогов, и каким образом эта связь проявляется. Организационно-имущественные права возникают при реализации налоговой обязанности, в то время как организационные — до или после ее выполнения.

Статус налогоплательщика в налоговых правоотношениях определяется не его личным желанием, а императивными требованиями закона, которые выражаются в его обязанностях. В связи с этим в юридической науке его статус характеризуется как «обязанный» [4, с. 243].

Таким образом, для эффективной защиты прав налогоплательщика представляется необходимым четко зафиксировать его обязанности и определить пределы их выполнения.

Субъективная налоговая обязанность характеризуется такими чертами, как: необходимость определенного поведения, предписанного налогово-правовыми нормами; предполагается установление определенных рамок, меры необходимого поведения; мера должного поведения определяется интересами управомоченного лица; мера должного поведения обязанного лица обеспечивается возможностью требования этого поведения, которым наделен управомоченный субъект, при этом презюмируется возможность государственного принуждения; субъективная налоговая обязанность отличается безусловностью, категоричностью как по содержанию, так и по форме реализации; она не вытекает из какой-либо договоренности, не может быть изменена, и от нее нельзя отказаться [5, с. 24].

В рамках правовой доктрины сформировалось понимание, что обязательства могут выражаться тремя основными способами. Первый способ — это бездействие, то есть воздержание от совершения запрещенных действий. Второй способ — это активные действия, то есть выполнение предписанных действий. Третий способ — это подчинение, то есть принятие ограничений, затрагивающих личную сферу, имущество или организационные аспекты.

В рамках основного налогового обязательства налогоплательщик несет ответственность за:

1. Недопущение нарушений (отсутствие уклонения от уплаты налогов, открытое декларирование своего имуще-

ства (скрытие имущества может лишить права на отсрочку платежа согласно ст. 62 НК РФ), не создание препятствий для осуществления налоговым органом своих полномочий).

2. Активное исполнение обязанностей (ведение учета всех операций, подлежащих налогообложению; самостоятельный расчет налоговых платежей; своевременное представление налоговой отчетности; формирование денежных средств для погашения налоговой задолженности; своевременное перечисление; предоставление всей необходимой информации для проведения налогового контроля).

Суть нового налогового обязательства заключается в том, что налогоплательщик обязан предпринимать активные шаги для выполнения условий, позволяющих изменить срок уплаты налога. Он должен воздерживаться от любых действий, которые могут нарушить эти условия. В случае досрочного прекращения действия соглашения об изменении срока уплаты налога, налогоплательщик должен быть готов к следующим последствиям: полное погашение имеющейся задолженности по налогу; оплата процентов и/или пени, начисленных за период.

В заключение следует констатировать, что законодательное закрепление всех обязанностей налогоплательщика и производных от них прав по каждому виду налоговых обязательств является необходимым условием для построения эффективного механизма защиты его прав.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 31. — 03.08.1998. — Ст. 3824.
2. Варийчук Е. К. К вопросу о соотношении субъективных прав и законных интересов в налоговом праве // Финансовое право. — 2024. — № 8. — С. 59–62.
3. Красюков А. В. Права и обязанности налогоплательщика: взаимосвязь, защита и реализация // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2018. — № 3. — С. 232–240.
4. Мардасова М. Е. Правовой статус налогоплательщика: изменения законодательства и судебные правовые позиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2020. — № 2. — С. 241–250.
5. Мелорович М. А. Объективная и субъективная обязанность налогоплательщиков // Актуальные исследования. — 2022. — № 2 (81). — С. 21–26.
6. Складенко З. А. Права и обязанности участников налоговых правоотношений // Бухгалтер и закон. — 2021. — № 3. — С. 42–50.

Проблемы защиты прав налогоплательщиков в Российской Федерации

Осоткин Евгений Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Настоящая статья посвящена изучению механизмов защиты прав налогоплательщиков, закрепленных в НК РФ. В ходе анализа автор акцентирует внимание на проблемах, возникающих при практическом применении этих механизмов, и предлагает возможные пути их решения. Особо подчеркивается, что при обращении за судебной защитой налогоплательщики сталкиваются с чрезмерной сложностью налогового законодательства, что создает для них неравные условия по сравнению с государством. Исходя из этого, предлагается, учитывая опыт зарубежных стран, учредить новый орган, призванный бесплатно предоставлять налогоплательщикам юридическую поддержку.

Ключевые слова: права налогоплательщиков, защита, налоговые органы, административная и судебная защита.

Problems of protection of taxpayers' rights in the Russian Federation

This article is devoted to the study of the mechanisms for protecting the rights of taxpayers, which are enshrined in the Tax Code of the Russian Federation. In the course of the analysis, the author focuses on the problems that arise in the practical application of these mechanisms and suggests possible solutions. It is emphasized that when seeking judicial protection, taxpayers face excessive complexity in the tax legislation, which creates unequal conditions for them compared to the state. Based on this, it is proposed, taking into account the experience of foreign countries, to establish a new body that would provide legal support to taxpayers free of charge.

Keywords: taxpayers' rights, protection, tax authorities, and administrative and judicial protection.

Современное налоговое право сталкивается с важной задачей — эффективным налоговым контролем. Это необходимо для защиты финансовых интересов России, особенно в контексте ее участия в Таможенном союзе. Взаимодействие между государством и налогоплательщиками в процессе налогового контроля часто бывает сложным и конфликтным. Особую актуальность приобретает проблема злоупотреблений, которые могут допускать как сотрудники налоговых органов, так и сами налогоплательщики.

Российское законодательство в сфере налогообложения устанавливает, что каждый участник налоговых правоотношений является обладателем определенного объема прав и обязанностей. Реализация прав налогоплательщиков служит инструментом для урегулирования возникающих разногласий с налоговыми органами.

Конституционные права граждан в России включают в себя возможность отстаивать свои законные интересы, в том числе налоговые, используя все средства, предусмотренные действующим законодательством и не противоречащие ему.

Современный этап становления налоговой системы России неразрывно связан с укреплением позиций государства как основного участника налоговых правоотношений. В рамках механизма налогообложения задействованы не только налоговые органы, но и вся система органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за выработку налоговой политики, а также судебные органы, призванные способствовать ее реализации [8, с. 183].

На практике возникают сложности, связанные с истребованием налоговыми органами документов. Это касается как финансовой деятельности проверяемой организации, так и ее контрагентов, что по сути является «встречной проверкой». Такие запросы могут проводиться в рамках различных видов проверок или отдельно от них. Несмотря на то, что понятие «встречная проверка» было упразднено в НК РФ с 2007 года, налоговые органы продолжают применять ст. 93.1 НК РФ для получения информации от контрагентов, включая контрагентов второго и третьего звена. Верховный Суд РФ разъяснил, что налоговые органы имеют право запрашивать документы не только у первого контрагента, но и по всей цепочке сделок, а также получать сведения о финансовой деятельности и должностных лицах контрагентов [2]. П.

2 ст. 93 НК РФ не требует от налогового органа описания обстоятельств, послуживших основанием для запроса документов, и отсутствие таких уточнений не влечет недействительность требования.

Существует риск, что чрезмерно широкий подход к толкованию может привести к практическим сложностям и предоставить налоговым органам лазейки для злоупотреблений. При оспаривании таких требований, вышестоящие инстанции и судебные органы должны будут оценивать их необходимость и разумность, а также выявлять возможные злоупотребления со стороны налоговых органов.

В ситуациях, когда организации отказывают в предоставлении документов, не связанных с исчислением налогов, ссылаясь на ст. 93.1 НК РФ и утверждая, что налоговые органы превышают свои полномочия, суды часто принимают сторону налоговых органов. Позиция Арбитражного суда Северо-Западного округа заключается в том, что действующее налоговое законодательство не устанавливает обязательного требования о прямой связи истребуемых документов с деятельностью конкретного налогоплательщика. Поскольку законодатель не определил четких объективных критериев, выбор документов для истребования остается за должностным лицом налогового органа, а не за лицом, у которого они запрашиваются. Таким образом, отказы налогоплательщиков в предоставлении документов, истребуемых налоговым органом, признаются незаконными, поскольку закон не предоставляет налогоплательщику права оценивать законность и обоснованность таких требований [4].

Необходимо отметить, что в ситуациях, когда налоговый орган в рамках проведения проверки в отношении налогоплательщика истребует документы, не имеющие отношения к исчислению налогов (в соответствии с положениями ст. 93 НК РФ), судебные инстанции занимают позицию, направленную на ограничение полномочий налогового органа. Данная позиция находит отражение в разъяснениях ВАС РФ, согласно которым требование о представлении документов, необходимых для проведения налоговой проверки, должно содержать достаточно определенные сведения о запрашиваемых документах, а сами истребуемые документы должны быть непосредственно связаны с предметом налоговой проверки. В случае неисполнения такого требования налогоплательщиком по причине истребования документов, не относящихся к предмету проверки, либо ввиду неопределен-

ности истребуемых документов, отсутствуют основания для применения мер ответственности, предусмотренных п. 1 ст. 126 НК РФ [3].

Налоговое право, как часть публичного права, используется в основном метод властного регулирования, то есть в налоговых отношениях стороны не находятся в подчинении друг у друга, как в административных делах. Вместо этого, обе стороны строго следуют предписаниям закона. Свобода действий, особенно у государственных органов, в этих отношениях ограничена.

Примером служит ст. 3 НК РФ, которая требует, чтобы налоговые законы были четкими и понятными, чтобы каждый знал свои налоговые обязательства [1]. Итак, налоговое законодательство призвано защищать права налогоплательщиков. Однако в последнее время эта защита ослабевает. Это подтверждается реальными случаями, когда налоговые органы превышают свои полномочия. Например, суд в Омске (решение № 2–671/2012 от 12 марта 2012 г. [10]) признал незаконными действия налоговой инспекции, отменил налоговое уведомление и требование, а также обязал выплатить компенсацию морального вреда налогоплательщику. Другой пример — решение суда в Перми (№ 2А–2759/2019 от 21 августа 2019 г. [11]), который признал незаконным отказ налоговой инспекции в рассмотрении жалобы.

Эти примеры показывают, что наряду с проблемой уклонения от уплаты налогов существует проблема необоснованного привлечения налогоплательщиков к ответственности.

Для построения демократичной налоговой системы крайне важно обеспечить налогоплательщикам надежные гарантии защиты их прав. Это подразумевает право каждого субъекта, чьи права были нарушены, инициировать процедуру через соответствующие органы, обязывающую нарушителя к законным действиям. Конечная цель этой защиты — восстановление или подтверждение законных прав и интересов.

Ст. 22 НК РФ закрепляет гарантию прав налогоплательщиков — возможность административной и судебной защиты. Эта защита осуществляется путем подачи жалобы, которая, согласно ст. 138 НК РФ, включает в себя как обращение самого налогоплательщика, так и устранение выявленных нарушений для восстановления его законных интересов.

Административная защита прав налогоплательщика предоставляет ему возможность оспорить любые акты, действия или бездействие налоговых органов и их сотрудников, обратившись в вышестоящий налоговый орган или к вышестоящему должностному лицу. Этот механизм, согласно п. 2 ст. 138 НК РФ, является обязательным досудебным шагом. Важно понимать, что налогоплательщик имеет широкие права на обжалование любого действия налоговых органов, которое нарушает его установленные права и свободы [6, с. 153].

Эффективность защиты налогоплательщика на текущем этапе вызывает вопросы. Ограничение налоговых

органов в возможности приостановить неправомерные действия только по факту подачи жалобы ставит в невыгодное положение тех, кто не обладает достаточной правовой грамотностью. Для исправления ситуации и обеспечения защиты таких налогоплательщиков, необходимо законодательно расширить полномочия налоговых органов, чтобы они могли принимать меры без предварительной жалобы. Это сделает обязательную досудебную стадию более целесообразной и результативной. Важно также разработать механизмы, стимулирующие налоговые органы к урегулированию налоговых споров на досудебном этапе [7, с. 362].

Право налогоплательщика на обжалование в суде регулируется процессуальными нормами, закрепленными в АПК РФ и КАС РФ, которые защищают не только субъективные права, но и законные интересы налогоплательщика.

Судебная инстанция обладает полномочиями для проверки законности актов, оспариваемых по конституционным нормам, и может признать их недействительными полностью или в части. Также суд вправе аннулировать решения налоговых органов, если они противоречат законодательству РФ, нарушают права и законные интересы налогоплательщиков. В ситуациях, когда права налогоплательщика ущемлены, суд может пресечь противоправные действия налоговой службы. При выявлении уклонения налогового органа от выполнения обязанностей, суд может привлечь его представителя к ответственности. Если налоговые органы незаконно и в одностороннем порядке списывают недоимки, пени и штрафы с налогоплательщиков, суд обяжет вернуть эти средства. Налогоплательщик, переплативший налоги, пени или штрафы, имеет право на получение процентов за несвоевременный возврат этих сумм. В случае причинения убытков вследствие незаконных решений, действий или бездействия налоговых органов, суд возместит понесенные материальные потери.

Особенность судебной защиты прав налогоплательщиков заключается в том, что им приходится отстаивать свои интересы перед государством. Суды чаще встают на сторону налоговых органов, мотивируя это необходимостью пополнения бюджета, а не на сторону налогоплательщика. Дополнительную сложность создает то, что налоговое законодательство, охватывающее как правовую, так и экономическую сферы, зачастую трудно для самостоятельного понимания. Это затрудняет правильное составление исковых заявлений и определение предмета или суммы спора. Поэтому, принимая решение о судебной защите, необходимо тщательно анализировать не только законы, но и сложившуюся судебную практику. В связи с этим, для поддержки уязвимых участников налоговых правоотношений, необходимо организовать государственную помощь в виде бесплатных консультаций от компетентных специалистов. Такой подход уже успешно применяется в ряде европейских стран, например, в Германии, Италии и Великобритании. В России это можно

осуществить путем создания в самих налоговых органах специализированных консультационных центров, что позволит налогоплательщикам более глубоко изучить и понять требования налогового законодательства, а также разобраться в возможностях защиты своих интересов, учитывая сложность восприятия норм НК РФ [9, с. 87].

Анализ зарубежного опыта федеративных государств в сфере налогового контроля свидетельствует о том, что для построения высокоэффективной системы соблюдения налогового законодательства требуются следующие ключевые компоненты:

— **совершенствование методологии и законодательной базы проверок.** Важно применять действенные формы, приемы и методы налоговых проверок, опираясь как на единые стандарты, разработанные налоговыми органами, так и на законодательство, наделяющее их достаточными полномочиями для борьбы с недобросовестными налогоплательщиками;

— **оптимизация процесса отбора объектов для проверок.** Эффективная система отбора налогоплательщиков для проверок позволит рационально использовать ограниченные кадровые и материальные ресурсы налоговых

органов, повышая результативность проверок при минимизации затрат. Это достигается за счет фокусировки на налогоплательщиках с наибольшей вероятностью нарушений;

— **система мотивации и оценки деятельности инспекторов.** Внедрение системы оценки работы налоговых инспекторов, учитывающей объективные результаты их деятельности, позволит более эффективно распределять нагрузку при планировании контрольных мероприятий [5, с. 16].

Таким образом, можно констатировать, что существующие трудности в защите прав налогоплательщиков продолжают негативно влиять на взаимодействие сторон налоговых правоотношений и на эффективность правоприменения. Решение этой проблемы видится в усилении законодательных гарантий для плательщиков. Также целесообразно обеспечить более детальное информирование населения и бизнеса о направлениях расходования уплаченных ими денежных средств. Понимание того, как их налоги приносят реальную пользу, будет способствовать формированию более позитивного отношения к налоговым обязательствам.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — № 31. — 03.08.1998. — Ст. 3824.
2. Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 309-КГ18-10529 по делу № А60-62474/2017 // СПС Консультант Плюс.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.04.2008 № 15333/07 по делу № А65-1455/2007-СА2-34 // Вестник ВАС РФ. — 2008. — № 7.
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2018 № Ф07-14573/2017 по делу № А56-22139/2017 // СПС Консультант Плюс.
5. Екатерина А. Ч. Актуальные проблемы реализации прав налогоплательщиков при рассмотрении налоговых споров // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — С. 12–22.
6. Книгина С. И. Проблемы защиты прав налогоплательщиков // Форум молодых ученых. — 2020. — № 4 (44). — С. 153–158.
7. Кустова М. В. Гарантии прав налогоплательщика в процедурах досудебного обжалования: последовательность правовых позиций // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2018. — С. 362–366.
8. Савостьянова С. А. Некоторые проблемы защиты прав и законных интересов налогоплательщиков при осуществлении налогового контроля // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 182–186.
9. Ядрихинский С. А. Правовые проблемы защиты законных интересов налогоплательщика // Сибирское юридическое обозрение. — 2019. — С. 87–91.
10. Решение № 2-671/2012 от 12 марта 2012 г. по делу № 2-671/2012 // СПС Консультант Плюс.
11. Решение № 2А-2759/2019 2А-2759/2019~М-2225/2019 М-2225/2019 от 21 августа 2019 г. по делу № 2А-2759/2019 // СПС Консультант Плюс.

Правовая категория недвижимости в Российской Федерации, Франции и Великобритании. Сравнение со сходными правовыми конструкциями во Франции и в Великобритании

Остапенко Елизавета Васильевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена отдельным вопросам сравнения правовой категории недвижимости в праве Российской Федерации, Франции и Великобритании. Рассматривается историческое развитие понятия недвижимости. Выявляются общие принципы, особенности и фундаментальные различия в понимании и правовом регулировании объектов недвижимости в рамках континентальной (романо-германской) и англосаксонской систем права.

Ключевые слова: недвижимость, объекты, недвижимые в силу закона, объекты, недвижимые в силу земельной принадлежности, право Франции, право Великобритании, недвижимость в силу природных свойств, недвижимость в силу прочной связи с землей, *real property*, регистрация прав на недвижимое имущество.

Для континентального права ключевым является разграничение вещей на движимые и недвижимые. Так, В. И. Синайский писал о том, что «среди деления вещей, или имуществ, главное место по своему значению в гражданском обороте занимает, бесспорно, деление их на недвижимые и движимые» [9]

Деление вещей на движимые и недвижимые впервые возникло в римском праве. И. Б. Новицкий в своих трудах отмечал, что деления вещей на движимые и недвижимые в римском праве не имело особого значения. И те и другие подлежали почти одинаковым юридическим нормам. Тем не менее это естественное деление играло некоторую характерную и для рабовладельческого Рима роль. Недвижимостью считались не только земельные участки (*praedia, fundi*) и недра земли, но и все созданное на земле собственника. Оно признавалось естественной или искусственной частью поверхности земли — *res soli*. Сюда относились постройки, посевы, насаждения. Все эти предметы, связанные с землей или фундаментально скрепленные с ее поверхностью, считались ее составными частями. Они подлежали правилу *superficies solo cedit* — сделанное над поверхностью следует за поверхностью. Невозможной представлялась отдельная собственность на дом и на землю. Воздушное пространство над участком тоже рассматривалось как часть поверхности. Под *res mobiles* или *per se moventes* понимались мебель, домашняя утварь, рабы, животные. Деление вещей на движимые и недвижимые приняло более четкий характер при принципате. В эпоху домината передача прав на недвижимость регламентировалась уже специальными правилами, направленными на обеспечение публичности соответствующих сделок. К этому же времени окончательно сложились особые права на недвижимость: оброчные земли, эмпитевзис, суперфиций (п. 231, 232) [7]

В. М. Хвостов утверждал, что деление вещей на движимые и недвижимые имеет в римском праве мало значения, поскольку юридические нормы для тех и других вещей, по существу, одинаковы. Разница же между дви-

жимостью и недвижимостью, по мнению русского юриста, «проявляется лишь в отдельных положениях права: например, сроки давности различны для тех и других вещей; *interd. uti possidetis* и *int. unde vi* применялись только к недвижимостям: *fundus dotalis* неотчуждаем; *furtum rei* возможно только относительно движимости» [11]

Одной из важнейших вех в эволюции понятия недвижимости в российском законодательстве является Указ 1714 года о единонаследии. [2] В данном Указе понятие недвижимости фигурировало, однако его содержание не раскрывалось законодателем. Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, теоретически движимые и недвижимые вещи различались по способности к перемещению без повреждения сущности и без уменьшения ценности. [12] В целом, как отмечали некоторые авторы, под недвижимостью понималась прежде всего земля и все, что с ней связано настолько прочно, что связь не может быть порвана без нарушения вида и цели вещи. [4] При этом К. П. Победоносцев, оценивая законодательство Российской империи, делал весьма показательный вывод: «Мы не встречаем в законодательстве общего начала, по которому следовало бы судить о принадлежности имущества к тому или другому разряду: их относит к тому или другому разряду непосредственно буква закона, исчисляя самые виды». [8] Не углубляясь в историческую составляющую вопроса, отметим, что важным этапом развития стало принятие Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, который ликвидировал частную собственность на землю. В примечании к статье 21 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года указывалось, что упраздняется и деление вещей на движимые и недвижимые. [6] В 1991 году деление имущества на движимое и недвижимое было введено на законодательном уровне. В «Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик» (1991) были определены критерии для такого деления: для недвижимости — наличие прочной связи с землей, а для движимого имущества — возможность перемещения без существенного ущерба его хозяйственному назначению.

Современное определение понятия недвижимости сформулировано в Гражданском кодексе. Так ч. 1 ст. 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации гласит: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество. К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке»

Большинство правоведов согласны с данными постулатами и считают, что неразрывная связь с землей действительно является уникальным критерием, который характерен только для недвижимых вещей. В. В. Витрянский подчеркивает важность такой характеристики как связь с землей, невозможность перемещения объекта без ущерба, нарушающего его назначение. [1]

Е. А. Нечаева выделяет следующие признаки недвижимого имущества: наличие прочной связи недвижимости с землей; невозможность перемещения объекта без причинения значительного ущерба его дальнейшего использования; законность возведения недвижимости с учетом градостроительных и иных норм; наличие государственной регистрации объекта. [5]

Судебная практика при этом показывает, что даже зарегистрированные объекты могут не признаваться недвижимостью согласно статье 130 Гражданского кодекса Российской Федерации. Показательным является случай с подпорной стеной, предназначенной для укрепления котлована под фундамент магазина, который рассматривался в Арбитражном суде Саратовской области (номер дела №А57-14567/2020.). Истец обратился в суд, оспаривая право собственности на данную стену, поскольку считал ее не являющейся недвижимостью. Ответчик не представил доказательств того, что стена является капитальным строением. Суд пришел к выводу, что подпорная стена является лишь вспомогательным сооружением, не обладающим самостоятельной ценностью как объект недвижимости. Следовательно, она была расценена как элемент благоустройства территории, а не как недвижимое имущество в понимании статьи 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В связи с этим, государственная регистрация на нее не распространяется, потому что раз подпорная стенка не считается капитальным строением, значит она не является неотделимо связанной с земельным участком, на котором она стоит, и ответчику было отказано в признании права собственности. Таким

образом, при разрешении вопроса о признании вещи недвижимостью, независимо от осуществления государственной регистрации права собственности на нее, следует устанавливать наличие у нее признаков, способных относить ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам. Так О. Ю. Скворцов справедливо отмечает, что для отнесения того или иного имущества к недвижимому достаточно установить соответствие его установленным в Гражданском Кодексе Российской Федерации критериям, а государственная регистрация, хоть и важна, но она только удостоверяет статус, а не влияет на него. [10] Сходной точки зрения придерживается Б. М. Гонгало.

Возникшее в Древнем Риме деление вещей на движимые и недвижимые существует в правовых системах большинства стран мира. В то же время содержание, которое вкладывается в понятие недвижимого имущества, в разных странах существенно отличается. Деление имущества на движимое и недвижимое во французском гражданском праве развивалось в рамках Гражданского кодекса 1804 года (Кодекса Наполеона). Ранее принятое деление вещей на родовое (наследственное) и благоприобретенное было отменено, на первый план выдвинуто деление на движимые и недвижимые.

Так, статья 516 Французского гражданского кодекса 1804 года дифференцировала вещи на движимость и недвижимость. Перечень вещей, относящихся к недвижимости, был дан в статьях 517–526 Французского гражданского кодекса. Нормы, содержащиеся в них, страдали казуистичностью и зачастую представляли исключительно практический, но не теоретический интерес.

В контексте сопоставления с российской правовой системой, французская правовая система демонстрирует значительные отличия и особенности, особенно в области правосознания, касающегося недвижимого имущества. Французское законодательство, в частности статья 517 Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) последняя редакция Кодекса включает изменения, внесенные законом № 2025–797 от 11 августа 2025 года, который вступил в силу 13 августа 2025 года., устанавливает следующие категории недвижимого имущества: 1) недвижимость в силу её природных свойств (земли и строения, жатва на корню, не снятые с деревьев плоды и т. д.). При этом в ст. 520 Гражданского кодекса Франции подчеркнуто, что, когда плод отделяется от дерева, его правовой режим трансформируется в режим движимого имущества., 2) недвижимость в силу назначения или в силу предмета, к которому она относится, вторая из перечисленных категорий является превалирующей. К первой категории законодатель Франции отнес земельные участки и связанные с ними строения, отдельная статья Кодекса Наполеона отведена ветряным и водяным мельницам, которые также относятся к недвижимости по своей природе. 3) Недвижимые по объекту приложения (узурфрукт недвижимого имущества, сервитуты, иски, связанные с недвижимым имуществом). То есть, в сущности, французский

законодатель рассматривает в качестве недвижимого имущества ограниченные вещные права. Особое внимание хотелось бы уделить наиболее обширной и детально регламентированной категории — недвижимость по назначению. Так, равным образом к недвижимости отнесены урожай на корню и плоды, еще не снятые с деревьев (ст. 520 Кодекса Наполеона). Законодатель уточняет, что с того момента, как зерновые культуры скошены, а плоды сняты, они являются движимым имуществом. В случае же, если только часть урожая скошена/снята, то движимым имуществом будет признаваться лишь эта часть.

В Российском действующем законодательстве посевы и урожай сельскохозяйственных культур не признаны самостоятельным объектом недвижимости, однако являются составной частью земельного участка. Согласно постановлению Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 августа 2015 года № Ф08–6152/15, урожай до момента его отделения от земли признается неотъемлемой частью земельного участка, который в данном контексте рассматривается как плодоносящая вещь в соответствии со статьей 133 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Французский закон определяет недвижимость в силу назначения как объекты, которые собственник земельного участка размещает на нём для обеспечения его функционирования и ведения хозяйственной деятельности. Это могут быть, например, сельскохозяйственные животные и инвентарь, семена, солома, удобрения, ульи, а также различные емкости и другие предметы. Важно, что даже если эти вещи изначально движимы, они становятся недвижимостью, если их предназначение — быть неотъемлемой частью обслуживания и эксплуатации земельного участка. Безусловно нельзя говорить о том, что французское законодательство действительно признает голубей, пчел и недвижимость. В данном случае законодатель лишь закрепил тенденцию на признание недвижимым всего, что является функционально неотделимым от земельного участка.

В статье 525 Кодекса Наполеона законодатель характеризует категорию «неотделимости» движимых предметов навсегда прикрепленных к недвижимости: «предполагается, что собственник прикрепил к своему земельному участку или зданию движимые предметы навсегда, когда они соединены с ним гипсом или известью, или цементом, или когда они не могут быть отделены без их разрушения или повреждения, либо без разрушения или повреждения части земельного участка или здания, к которому они прикреплены Зеркала в жилом помещении считаются прикрепленными навсегда, если рама, в которую они вставлены, составляет единое целое с деревянной обшивкой стен.

В Великобритании правовой режим земельных участков на протяжении длительного времени был основан на феодальном представлении, в соответствии с которым собственность на землю принадлежит королю.

После завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем в 1066 году отдельные лица рассматривались как держатели

земли, но практически право держания частных лиц не отличалось по содержанию от права собственности: оно было бессрочным и устанавливало возможность пользоваться участком и отчуждать его без разрешения. Следующей вехой развития стало принятие Law of Property Act 1925 (название условно переводят как «Закон о недвижимости») — основной законодательный акт. Непосредственно категории недвижимости в Великобритании нет. В сравнительном анализе классификации имущества в России и Великобритании ключевое различие заключается в том, что легальное понятие недвижимости в английском праве отсутствует. В Англии используется понятие «real property», которое ближе всего к российской «недвижимости». Однако, «real property» в современном английском праве ограничивается землей, находящейся в безусловном владении (freehold estate). Это включает в себя все, что находится на, под и над землей: ресурсы, постройки, растительность, а также доходы и прибыль, связанные с землей, и все, что к ней прикреплено.

Изначально, считалось, что предмет не является прикрепленным к земле (fixture), если он покоится на поверхности только за счет собственного веса. Однако впоследствии более значимой стала цель присоединения предмета к земле, при этом решающим являлся вопрос: прикреплен ли объект для более удобного использования земельного участка или строения или же для получения выгод от использования самого объекта. Следовательно, один и тот же предмет, в зависимости от обстоятельств, может быть признан как движимым имуществом, так и частью земельного участка. Чтобы установить является ли данный объект имуществом, надо установить является ли тот или иной предмет частью земли (fixture) или самостоятельным движимым имуществом, улучшением (fittings) земельного участка, при этом юристам должны быть выявлены: степень связанности предмета с землей, цель соединения предмета с землей. [3]

В силу сложившейся судебной практики в Великобритании отсутствует отдельная система учета «real property» (кадастра), она совмещена с Регистром (Land Registry), в котором регистрируются права на «real property». Определение прав на «real property» претерпело эволюцию. Первоначальный критерий, основанный на физическом прикреплении к земле, предполагал, что объект, удерживаемый исключительно собственным весом, не является частью real property. Впоследствии, приоритетным стал фактор цели присоединения объекта к земле. Следует отметить, что в английском праве помещения не квалифицируются как объекты real property.

Возвращаясь к российскому гражданскому праву, следует отметить, что по Закону «О государственной регистрации недвижимости» от 2015 при регистрации права на недвижимость может быть необходим межевой план земельного участка. Межевой план земельного участка в России является важным документом, который необходимо подготовить для регистрации прав на земельный участок. Он составляется на основе кадастрового плана

и должен содержать сведения о границах участка, необходимые для внесения в Единый государственный реестр недвижимости. Межевой план состоит из графической и текстовой частей. В графической части межевого плана воспроизводятся сведения кадастрового плана соответствующей территории или выписки из Единого государственного реестра недвижимости о соответствующем земельном участке, а также указываются местоположение границ образуемых земельного участка или земельных участков, либо границ части или частей земельного участка, либо уточняемых границ земельных участков, доступ к земельным участкам (проход или проезд от земельных участков общего пользования), в том числе в случае, если такой доступ может быть обеспечен путем установления сервитута.

В Великобритании описание земельных участков велось в виде общего описания границ (словесное описание через объекты местности и (или) схему). С 1925 г., когда была введена обязательная регистрация *real property*, ужесточились требования к точности границ, и геодезическому описанию объекта стало придаваться большое значение. Вместе с тем повсеместного межевания и геодезических съёмок земельных участков после вступления указанного Закона в силу не проводилось. Государство

допускало возможность регистрации права как на основании общего описания объекта (без гарантий точности границ объекта, на который зарегистрировано право), так и на основании точного геодезического описания (с гарантией). При этом требовалось согласовать границы земельного участка с границами смежных земельных участков.

В соответствии с Законом «О регистрации недвижимости в Великобритании 2002 г.», точное геодезическое описание земельных участков требуется лишь в случаях: регистрации права на основании судебного решения, разрешившего земельный спор; регистрации прав на земельные участки, образованные из земельного участка, который имел точное геодезическое описание, передачи (продажи) части имения, т. е. в связи с необходимостью формирования нового объекта недвижимости. В Великобритании (кроме Шотландии) за государственное управление и регулирование регистрации прав на такие объекты отвечает Регистрационная палата.

Можно сделать вывод о том, что правовая категория недвижимости в Российской Федерации, Франции и Великобритании очень различна. В Великобритании понятие недвижимости, присущее романо-германской правовой системе, отсутствует.

Литература:

1. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. Москва: Статут. 2017. 431 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 488 -489.
3. Дзепя Д. Н. Теоретические аспекты типологии недвижимого имущества по законодательству Великобритании // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4
4. Козлова И. В. Понятие недвижимости и вопросы регистрации прав на недвижимость в законодательстве Российской Федерации // Правоведение.
5. Нечаева Е. А. Понятие и признаки недвижимого имущества в Российском законодательстве / Вестник магистратуры. 2023. № 4–1 (139)
6. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
7. Новицкий И. Б. и Перетерский И. / Римское частное право: Учебник С. 7 М., 1994.
8. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. М.: Изд-во «Зерцало», 2003. С.33.
9. Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 126.
10. Скворцов О. Ю. Указ. соч. С. 66.
11. Хвостов В. М. Система римского права: Учебник
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 96.

Классификация видов правонарушений юридических лиц

Пашина Мария Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье выполнен анализ видов правонарушений юридических лиц различных учёных-современников. Основная цель исследования заключается в том, чтобы выявить многообразие подходов к определению классификаций. Помимо изложенных классификаций в исследовании определены основания, по которым исследователи определяют распределение правонарушений юридических лиц по видам. Статья акцентирует внимание на перспективности дальнейшего из-

учения темы исследования на основании развивающегося законодательства и точек зрения современных учёных-исследователей.

Ключевые слова: классификация, виды правонарушений, юридические лица.

Анализ Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях показывает, что юридическое лицо обладает правовой сущностью в контексте административного права. Важно отметить, что в этом Кодексе есть статьи, согласно которым юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности за совершение правонарушений [1].

Так Кодекс об административных правонарушениях определяет разновидности правонарушений, в последствии которых юридические лица обязаны нести административную ответственность:

- правонарушения, посягающие на жизнь и здоровье граждан;
- правонарушения, направленные на дестабилизацию эпидемиологического благополучия населения;
- правонарушения в области охраны окружающей среды;
- правонарушения в области информации и связи;
- правонарушения в области охраны общественного порядка;
- правонарушения в области законного пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации.

На современном этапе развития юридической науки разработано достаточное количество классификаций видов правонарушений юридических лиц. В настоящем исследовании приведены лишь некоторые, которые отражают требования современного российского законодательства в области административной ответственности.

В исследованиях В. А. Рябцевой приведена простейшая классификация, основанная на стандартном методологическом подходе. Автор говорит о том, что административная ответственность юридических лиц наступает в связи с совершением правонарушений следующих областях:

- землеведения — регулируется нормами Земельного кодекса Российской Федерации;
- экологии — регулируется нормами Экологического кодекса Российской Федерации;
- налогов — регулируется нормами Налогового кодекса Российской Федерации;
- бюджета — регулируется нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации;
- таможенных правил — регулируется нормами Таможенного кодекса Российской Федерации [3].

Автор подчёркивает, что за каждое из приведённых правонарушений отвечает профильное ведомство, в пределах которого функционируют органы государственной власти.

Немного иной точки зрения придерживается Г. А. Козубаева. Автор делает исследовательский акцент на том, что существенными административными правонаруше-

ниями юридических лиц являются те, которые поделены по следующим основаниям:

1) Административные правонарушения, касающиеся игнорирования норм охраны труда: если зафиксирован факт правонарушения, несущий ущерб и/или вред жизни и/или здоровью работника.

2) Административные правонарушения, касающиеся игнорирования норм налогового законодательства: уклонение от налогов, несвоевременная уплата налогов или подача отчётности в налоговый орган с заведомо ложными данными, не соответствующими фактической действительности.

3) Административные правонарушения, касающиеся игнорирования норм экологического законодательства: нарушение правил использования природных ресурсов, а также намеренное загрязнение окружающей среды, противоречащее нормам экологической политики государства.

4) Административные правонарушения, касающиеся игнорирования норм защиты прав потребителей: реализация некачественной продукции.

5) Антимонопольные правонарушения [2].

Автор делает исследовательский акцент на том, что на процедуру фиксации административного правонарушения юридического лица, основание, явившееся фундаментом для составления протокола, роли не играет, то есть сама процедура стандартизирована и предполагает следующие этапы:

- выявление административного правонарушения;
- фиксация факта совершения административного правонарушения посредством составления протокола;
- рассмотрение дела и вынесение постановления об административном правонарушении.

В научных изысканиях М. Ю. Сергеева произведён сравнительный анализ видов административных правонарушений физических и юридических лиц. К вышеизложенным классификациям автор добавляет административные правонарушения юридических лиц в области рекламного законодательства и антикоррупции [5].

Здесь же, сравнивая административную ответственность за указанные правонарушения, автор делает акцент на весьма объёмной разнице штрафных санкций между одинаковыми правонарушениями, совершёнными юридическими и физическими лицами. Например, за нарушение рекламного законодательства юридическому лицу грозит штраф в размере до 200 тыс. руб. с возможной приостановкой лицензии на осуществление рекламной деятельности, а физическому лицу — до 20 тыс. руб. без применения санкций на ограничение.

Таким образом, классификация видов правонарушений юридических лиц — это сочетание законного основания, описанного в Кодексе об административных

правонарушениях, и научное правотворчество, где сочетаются результаты научных изысканий и законной составляющей. Как бы развивались научные изыскания в описываемом ключе, они не должны идти в разрез административных норм Российской Федерации. Именно поэтому за ключевые примем следующую классификацию

административных правонарушений юридических лиц на современном этапе: нарушения в сфере охраны труда; налоговые правонарушения; экологические правонарушения; нарушения в области торговли и защиты прав потребителей: реализация некачественной продукции; антимонопольные правонарушения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. N 1 (часть I) ст. 1.
2. Козубаева, Г. А. Особенности административной ответственности юридических лиц / Г. А. Козубаева // Молодой ученый. — 2025. — № 7(558). — С. 189–191.
3. Рябцева, В. А. Основания и порядок привлечения юридического лица к административной ответственности / В. А. Рябцева // NovaUm.Ru. — 2025. — № 53. — С. 35–37.
4. Савельев, Д. А. Основные черты административной ответственности юридических лиц / Д. А. Савельев // Молодой ученый. — 2025. — № 9(560). — С. 180–182.
5. Сергеев, М. Ю. Сравнительный анализ административной ответственности юридических и физических лиц в России / М. Ю. Сергеев // Человек. Социум. Общество. — 2025. — № 1. — С. 235–246.

Характерные особенности и проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права

Петрова Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Дудченко Оксана Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию механизма привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права. Внимание уделено ключевым особенностям привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как разновидности юридической ответственности. Рассматривается дисциплинарный проступок как основание привлечения к дисциплинарной ответственности. Обозначены ключевые проблемы, имеющиеся в настоящее время в практике привлечения к дисциплинарной ответственности данной категории лиц в случае, если совершен дисциплинарный проступок. Выработаны возможные направления разрешения проблем привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права, сделан упор на системный подход в решении обозначенных проблем, который должен непосредственным образом касаться законодательной основы регулирования данной сферы общественных отношений, механизма правоприменения и системы контроля.

Ключевые слова: должностное лицо, субъект административного права, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, дисциплинарные взыскания.

Институт дисциплинарной ответственности должностных лиц имеет особое значение в обеспечении необходимого уровня эффективности исполнения должностных обязанностей субъектами, а соответственно в целом стабильности механизма государственного управления.

Под должностным лицом в призме административного права следует понимать лицо, наделенное в соответствии с занимаемой должностью такими полномочиями, которые подразумевают выполнение им государственных функций в рамках имеющихся властных полномочий [3, с. 44].

Дисциплинарная ответственность — это разновидность юридической ответственности, привлечение к ко-

торой должностного лица наступает на основании совершения им дисциплинарного проступка, выраженного в несоблюдении служебного порядка и дисциплины.

Следовательно, главным её отличительным признаком в системе существующих видов юридической ответственности является факт целенаправленного действия на поддержание дисциплины в рамках служебной субординации.

На законодательном уровне закреплено понятие дисциплинарного проступка в призме механизма применения дисциплинарного взыскания к должностным лицам. Так, в статье 57 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О

государственной гражданской службе Российской Федерации» прописано следующее: «неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей» [1].

Исходя из закреплённого официального определения дефиниции «дисциплинарный проступок» можно систематизировать три ключевых признака (Рис. 1).

Рассматривая дисциплинарную ответственность как вид юридической ответственности, можно обозначить ключевые специфические черты, определяющие в целом смысловое содержание данной категории административного права.

Во-первых, наличие у должностных лиц властных полномочий, которыми их наделяют органы, представляющие интересы государства. Важной особенностью властных полномочий должностных лиц является наличие правового результата, выраженного юридическим фактом, который касается иных субъектов административного права. Из этого следует, что в ситуации, если должностное лицо не исполняет установленные уполномоченным органом должностные обязанности, реализует их не в полном объеме или в заниженном качестве, он наносит ущерб как отдельным членам социума, так и в целом всему государству.

Следовательно, особенностью дисциплинарной ответственности является то, что дисциплинарная ответственность направлена на правоотношения в рамках служебного властвования. [5, с. 100].

Кроме положительного аспекта наличие властных полномочий у должностных лиц как субъектов административного права предопределяет и конкретные неоднозначности в ходе действия механизма привлечения к дисциплинарной ответственности.

Так, на практике могут быть ситуации, когда должностное лицо, которое согласно управленческой иерархии,

имеет в своем подчинении других должностных лиц, будет не раскрывать существующие дисциплинарные проступки подчиненных, чтобы сохранить свой должностной статус или по договорённости в личных интересах. Также возможны и такие случаи, что должностное лицо, имея существенный объем властных полномочий может их использовать не по назначению, а с целью давления на субъектов, ответственных за проведение дисциплинарного расследования, вынесения дисциплинарного наказания.

Во-вторых, особенностью привлечения к дисциплинарной ответственности является также тот аспект, что дисциплинарный проступок как основание привлечения к ответственности должностных лиц имеет достаточно обширное многообразие видов (не соблюдение установленного внутреннего распорядка, не надлежащее исполнение действующих должностных обязанностей, нарушение должностной этики). Именно данное многообразие видов должностных проступков предопределяет трудности четкого и однозначного разграничения дисциплинарного проступка от разновидностей административных правонарушений и уголовных преступных деяний. При этом важное значение имеет факт правомерности одновременного привлечения должностных лиц к нескольким видам юридической ответственности за совершенные неправомерные действия.

В настоящее время в практике исполнения должностными лицами как субъектами административного права должностных обязанностей существует немало проблем привлечения к дисциплинарной ответственности.

В большинстве своем факт законодательных противоречий в рамках рассматриваемых правоотношений возникает в связи с наличием нечётких трактовок используемых в нормативно-правовых актах понятий, что в последующем приводит к неправильности их применения и толкования смыслового значения.

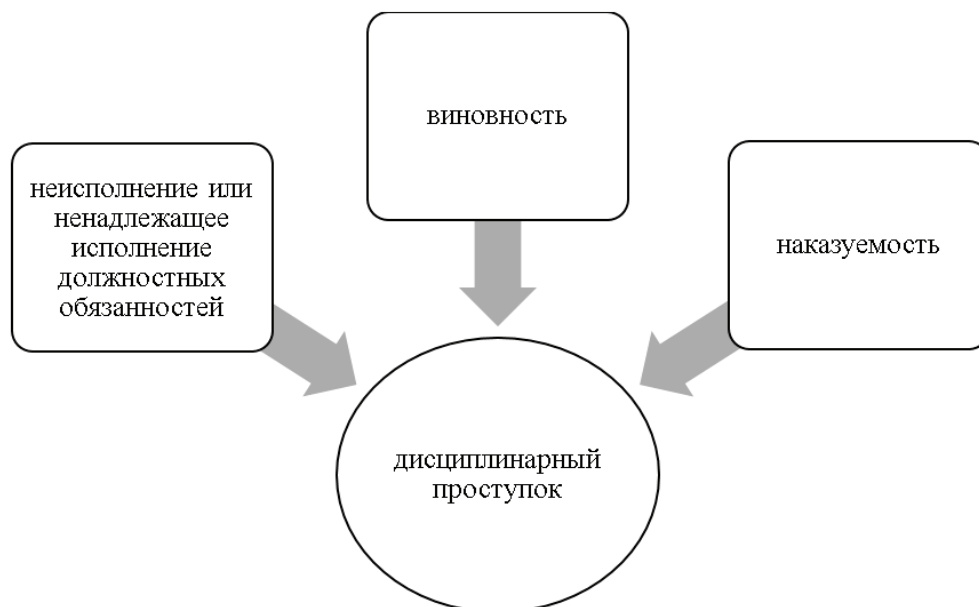

Рис. 1. Признаки дисциплинарного проступка

При этом важным фактором обеспечения законности в данном вопросе является его детальное правовое регулирование, что влияет на эффективность работы как отдельных служащих, так и всего аппарата государственной власти [2, с. 117].

Примером может служить то, что в действующем российском законодательстве нет конкретно обозначенных критериев квалификации должностей лиц, служащих в органах власти и учреждениях разного уровня государственного аппарата. Все это влечет за собой отсутствие строгой идентичности квалификации противоправных действий или бездействий должностных лиц, основанной на критерии конкретно занимаемой должности.

В качестве проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права необходимо обозначить, что нередко бывают случаи, когда дисциплинарное производство как разновидность административно-юрисдикционного разбирательства действует в разрез принципам объективности и непредвзятости. Наличие данной проблемы в первую очередь связано с тем фактом, что часто лицо, отвечающее за проведение служебного расследования, имеет прямое или косвенное отношение по службе к лицу, в отношении которого открыто дисциплинарное производство. Данные обстоятельства приводят к предвзятому отношению и принятию несправедливого решения в отношении лица, нарушившего дисциплинарный порядок.

При этом институт обжалования вынесенных решений, в рамках должностного производства чаще всего не приносит никакого положительного результата, так как организуется и проводится в рамках того же учреждения. Именно данная замкнутая цикличность предопределяет заранее высокую степень вероятности несправедливости механизма обжалования [4, с. 293].

Механизм защиты правовой составляющей субъектов, имеющих статус должностных лиц, в случае привлечения к дисциплинарной ответственности недостаточно эффективен и развит, что предопределяет отсутствие полноты и многосторонности защиты прав должностных лиц, привлекаемых к дисциплинарной ответственности [6, с. 54]. В практических ситуациях довольно часто бывает так, что происходит ущемление прав должностных лиц в сфере правомерной возможности ознакомления с материалами рассматриваемого в рамках дисциплинарного производства дела, привлечения помощи от специалистов юридической сферы, предоставления доказательной базы для собственной защиты своего правового статуса должностного лица и т. д. Все это в целом не удовлетворяет главным принципам законности и справедливости и равенства каждого индивида общества перед силой закона.

Не менее важной проблемой привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права является наличие разного рода проявлений коррупционных деяний, направленных на сокрытие совершаемых дисциплинарных проступков, что вызывает значительные дисбалансы в стабильности функ-

ционирования механизма дисциплинарной ответственности. Коррупционность в рамках действия системы дисциплинарной ответственности выражается в сокрытии должностных проступков, должностными лицами, занимающими руководящие должности. Кроме этого, коррупционность проявляется в принуждении лиц, занимающихся расследованием выносить решения в пользу должностного лица, переступившего нормы служебного порядка и дисциплины. В совокупности данные обстоятельства снижают уровень доверия общества к государству и представителям государственной власти и влекут за собой распространение коррупционной преступности и чувства безнаказанности за совершение должностными лицами подобного рода действий.

Чтобы вышеуказанные проблемы были результативно разрешены необходимо подходить к их решению системно, затрагивая в совокупности законодательную основу регулирования данной сферы общественных отношений, механизм правоприменения, систему контроля и аспекты формирования правовой культуры.

С точки зрения достижения полноценности и эффективности правовых основ, закреплённых в законодательных актах в сфере действия механизма привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц важно разработать и закрепить законодательное единое определение дефиниции «дисциплинарный проступок». Оно должно содержать в себе все ключевые отличительные черты, разграничивающие данное деяние должностных лиц от иных квалифицируемых противоправных действий — административных правонарушений и уголовных преступлений.

В законодательных основах, регламентирующих правовой статус должностного лица как субъекта административного права, необходимо обозначить определенный исчерпывающий список критериев, ограничивающих условия идентификации дисциплинарной и административной ответственности должностных лиц.

Важно обеспечить правовое урегулирование вопросов, связанных с классификацией и квалификацией дисциплинарных проступков. Необходимо разработать типовые процессуальные документы, которые будут применяться в рамках дисциплинарного производства.

Закрепить на законодательном уровне увеличение частоты проведения систематических проверок должностных лиц, правовые основы проведения которых заложены в положениях Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Более частая периодичность проведения данных контрольных мероприятий в отношении действий должностных лиц как субъектов административного права позволит своевременно выявлять возможные нарушения норм закона в ходе исполнения данной категорией субъектов своих должностных обязанностей.

В России систематические проверки должностных лиц (контрольные (надзорные) мероприятия) проводятся ор-

ганами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. Цель — предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами.

Кроме этого, важно обеспечить формирование дисциплинарных комиссий по принципу независимости. Суть принципа состоит в том, что члены данной комиссии должны быть привлечены со стороны, соответственно не иметь непосредственного отношения к органу, где должностное лицо проходит службу. Именно законодательное закрепление данного условия формирования дисциплинарных комиссий позволит исключить всякого рода проявления необъективности при вынесении решения по результатам дисциплинарного производства.

Представить в правовых актах подробные разъяснения относительно ключевых видов дисциплинарных взысканий, применяющихся в отношении должностных лиц, уделив особое внимание такому взысканию как сокращение (или лишение) ежемесячного денежного поощрения.

Так, установление данного вида дисциплинарного взыскания должно носить строго дифференцированный характер. При этом коэффициент дифференциации необходимо устанавливать в зависимости от тяжести и категории совершенного дисциплинарного проступка и прошлых нарушений дисциплины конкретного служащего.

Действенным будет также урегулирование правовых последствий дисциплинарной наказуемости, связанных с ограничением применения мер поощрения в отношении всех видов государственной службы, а также особенности снятия дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном должностном (служебном) соответствии.

С целью разрешения проблемы неоднозначности правовых норм, регулирующих привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц как субъектов административного права важно проводить регулярный анализ и детальную проверку действующих законода-

тельных актов с точки зрения их соответствия общественным потребностям и понятности положений, отраженных в их содержании.

Положительным образом на исключение признака неоднозначности правовых норм скажется вовлечение в процесс разработки правовых документов экспертов и практиков, так как данные субъекты правоотношений могут дать оценку с точки зрения реальных практических ситуаций.

Выявленные недостатки указывают на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей дисциплинарную ответственность. Решениями могут выступать:

- расширение перечня дисциплинарных взысканий;
- детализация процедур дисциплинарного производства;
- закрепление конкретных критериев в законодательстве, которые бы разграничивали правонарушения, относящиеся исключительно к дисциплинарной ответственности.

Итак, под дисциплинарной ответственностью объективно понимать разновидность юридической ответственности, привлечение к которой должностного лица наступает на основании совершения им дисциплинарного проступка, выраженного в несоблюдении служебного порядка и дисциплины. Ключевым условием правомерного привлечения должностного лица к дисциплинарной ответственности является наличие дисциплинарного проступка, который представляет собой действие лица, противоречащее установленному в органе или учреждении государственного аппарата служебному порядку. Отсутствие специального нормативного акта, регулирующего дисциплинарную ответственность государственных служащих, создаёт значительные трудности в правоприменении, что указывает на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей дисциплинарную ответственность.

Литература:

1. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ // СПС «Гарант» (дата обращения: 8.11.2025)
2. Власенко О. А. Об основаниях привлечения к дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих // Молодой ученый. — 2024. — № 27 (526). — С. 116–118
3. Кожаев А. В. Понятие «должностное лицо» и виды должностных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 8–1 (83). — С. 43–45.
4. Кыргыз Д. Э. Практика и направления совершенствования привлечения к дисциплинарной ответственности государственных служащих // Молодой ученый. — 2023. — № 51 (498). — С. 292–294
5. Трофимова И. А. Характерные особенности и проблемы привлечения к дисциплинарной и административной ответственности государственных гражданских служащих // Закон и право. — 2024. — № 8. — С. 98–103
6. Фоякина П. А. Проблема определения основания привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности / Студенческий вестник. — 2024-. — № 10–3 (296). — С. 53–54.

Язык уголовного судопроизводства: перформативный подход (теоретическая часть)

Почекунин Константин Николаевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Данная статья анализирует перформативы, уделяя особое внимание перформативам в праве. Цель статьи — обозначить пределы перформативных высказываний, столь распространенных в юридической практике. Рассмотреть возможность различения перформативов в языке уголовного правосудия, используя концепты «перформатива» Дж. Остина и «иллюкутивного акта» Дж. Сёрля. В этом исследовании предпринята попытка показать актуальность этих двух подходов к понятию перформативности в праве, уделяя особое внимание его теоретическому содержанию.

Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест.

Ф. Кафка «Процесс»

Попытка разубить «гордиев узел» юридической лингвистики была предпринята в июле 1993 г. в Бонне (Германия), где проводилась первая международная конференция по этой области знания. Но несмотря на это, с тех пор вопрос о предмете и структуре данной науки отдельно не ставился, а дефиниция юридической лингвистики по-прежнему является обобщенной, требующей скрупулезной и тщательной нюансировки и детализации [1, с. 3–7]. Надеемся, что наша статья станет скромным вкладом в это нелегкое дело.

Несомненно, знания о языке, которые мы обсуждаем в этой статье, могут пригодиться тем, кто хочет понять все стороны правовой системы. Однако если описанные нами исследования останутся погребенными в академических журналах, а не попадут в правовые институты, они будут обладать малой толикой практического значения. Поэтому, чтобы несколько изменить ситуацию к лучшему, главной темой нашего исследования и стали перформативы, имеющие практические последствия для судебного процесса. Простой иллюстрацией совершаемого поступка, который следует за перформативным высказыванием.¹ Как пишет Дж. Остин, «понять, что представляет собой перформативное высказывание, очень легко – хотя такого выражения, насколько я знаю, нет ни во французском, ни в русском, ни в каком-либо ином языке. Понятие перформативного высказывания было введено для того, чтобы подчеркнуть его отличие от декларативного

или, точнее, от константивного высказывания <...>. Вот несколько примеров перформативных высказываний: I name this ship Liberté ‘Я называю этот корабль ‘Свобода’»; I apologize ‘Я извиняюсь’; I welcome you ‘Приветствую вас’; I advise you to do it ‘Советую вам сделать это’. Предложения такого рода встречаются довольно часто: таковы, например, все так называемые “резолютивные предложения” юридических документов (примечание: Это предложения, в которых, так сказать, на деле реализуются юридические акты.) <...> ... сказать “Я обещаю...” – это, как мы обычно говорим, означает осуществить перформативный акт, в данном случае реализовать сам акт обещания...» [14, с. 23–24; курсив – К.П.]. Кроме того, перформативы могут быть эффективными или неэффективными, т.е. удовлетворять «условиям успешности» (felicity conditions) или «неуспешности»; константивы, описывающие, сообщающие или называющие что-либо, напротив, могут быть «истинными» или «ложными». Ю. А. Купченко, анализируя «успешность» перформативного высказывания, сравнивает его с исполнением стипуляции в римском праве [15, с. 62–75]. Напомним, что во время стипуляции имеется в наличии две стороны – кредитор и потенциальный должник, а речевые акты (в устной форме) обеих сторон эквивалентны вступлению в силу конкретных юридических отношений. Потенциальный должник, произнося слова клятвы («клянусь», «обещаю»), закрепляет тем самым свои права и обязательства. судьи (например, Королевского суда Ан-

¹ Как пишет Дж. Остин, «понять, что представляет собой перформативное высказывание, очень легко – хотя такого выражения, насколько я знаю, нет ни во французском, ни в русском, ни в каком-либо ином языке. Понятие перформативного высказывания было введено для того, чтобы подчеркнуть его отличие от декларативного или, точнее, от константивного высказывания <...>. Вот несколько примеров перформативных высказываний: I name this ship Liberté ‘Я называю этот корабль ‘Свобода’»; I apologize ‘Я извиняюсь’; I welcome you ‘Приветствую вас’; I advise you to do it ‘Советую вам сделать это’. Предложения такого рода встречаются довольно часто: таковы, например, все так называемые “резолютивные предложения” юридических документов (примечание: Это предложения, в которых, так сказать, на деле реализуются юридические акты.) <...> ... сказать “Я обещаю...” – это, как мы обычно говорим, означает осуществить перформативный акт, в данном случае реализовать сам акт обещания...» [14, с. 23–24; курсив – К.П.]. Кроме того, перформативы могут быть эффективными или неэффективными, т.е. удовлетворять «условиям успешности» (felicity conditions) или «неуспешности»; константивы, описывающие, сообщающие или называющие что-либо, напротив, могут быть «истинными» или «ложными». Ю. А. Купченко, анализируя «успешность» перформативного высказывания, сравнивает его с исполнением стипуляции в римском праве [15, с. 62–75]. Напомним, что во время стипуляции имеется в наличии две стороны – кредитор и потенциальный должник, а речевые акты (в устной форме) обеих сторон эквивалентны вступлению в силу конкретных юридических отношений. Потенциальный должник, произнося слова клятвы («клянусь», «обещаю»), закрепляет тем самым свои права и обязательства.

глии и Уэльса (The Crown Court)), вынесшего в первой половине прошлого века смертный приговор², может стать британский фильм 2005-го года «Последний палач» (Pierrepoint) с неподражаемым Тимоти Споллом в главной роли, где его персонаж, играющий роль палача³, приводит в исполнение судебный приговор, перед силой слов которого на второй план готово отступить даже его чувство дружбы⁴. Недаром и мантия судьи и облачение палача в Средневековье были пурпурного цвета; в свою очередь, этот цвет выступал своеобразным символом пурпурной далматики (туники) императора, чью верховную власть они и представляли, исполняя его волю⁵. Общеизвестно, что правосудие в Европе в ту эпоху осуществлялось от имени монарха.

Если попытаться метафорически объяснить работу перформативного высказывания, используя вышеописанное событие, то в данном случае приговор, вынесенный судьей, является словом, запустившим действие казни, исполненной палачом. Само собой разумеется, научное исследование сущности перформативных высказываний требует не совсем простого, как хотелось бы, изложения. Значит, необходимо рассмотреть научную сторону этого феномена более подробно. Начнем с примеров, проясняющих перформативы, а потом перейдем к теоретическим представлениям этого типа речевых актов, параллельно рассмотрев их методологические основы.

Согласно теории речевых актов, неизменным условием перформативности⁶ являются правила «языковой игры» (Sprachspiel⁷), в соответствии с которыми произ-

водится высказывание. Возникновение проблематики «языка права» в юриспруденции была связана с некоторыми идеями философии языка, оказавшей влияние на правоведение. Речь идет главным образом о критике естественного («обыденного») языка в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна [2, с. 1–73]⁸, в котором он изложил концепцию языка как картины мира. Он считал, что любое осмысленное суждение о мире является функцией истинности своих элементов, или элементарных предложений, напрямую соотносящихся с «фактами» мира». Другими словами, язык как логическая структура изоморфен структуре мира, а задача критики языка заключается в выявлении этого изоморфизма, раскрытии логики естественного языка⁹. Эти мысли Витгенштейна способствовали разработке одного из важных гносеологических постулатов философии языка: принципа верифицируемости. Как пишет А. С. Александров, цитируя Фердинанда де Соссюра: «Естественный язык есть первичная моделирующая система. Все остальные моделирующие системы (юридическая), составляющие то, что называется культурой, производны от него. Поэтому в понимании уголовного судопроизводства следует “с самого начала встать на почву ‘языка’ и его считать нормой для всех прочих проявлений языковой деятельности”» [3, с. 55].

Главная линия прагматических исследований,¹⁰ которой прошита ткань всей нашей статьи, — это теория речевых актов, впервые введенная оксфордским философом середины XX в. Дж. Остином [4; 5] (концепция которого и будет путеводной нитью нашего исследования), а затем

² Приговор о смертной казни в Великобритании выносился с момента возникновения государства до середины XX в. Последний приговор был приведен в исполнение в 1964 г. Полностью был запрещен 13-м протоколом Европейской конвенции по правам человека, ратифицированным Соединенным Королевством в 2003 г.

³ Реальное лицо, Альберт Пьерропонт (1905-1992), бывший английский палачом, представление о котором послужило режиссеру Эдриану Шерголду первоосновой при создании прототипа для его киногероя. Одна из его казней (через повешение) стала рекордно быстрой (около 7,5 секунды). Кроме того, он проводил казни над нацистскими преступниками. Его образ на киноэкране воплощался дважды и один раз на театральных подмостках. Впоследствии в мемуарах он писал, что «смертная казнь не является сдерживающим фактором к совершению преступления». Его прижизненная маска и слепки рук хранятся сейчас в музее тюрьмы Уандсворт.

⁴ Имеется в виду эпизод казни палачом своего близкого друга, роль Джеймса «Тиша» Корбита, блестяще исполненная Эдди Марсаном.

⁵ См. об этом замечательные работы российского филолога Б.А. Успенского [16, 17].

⁶ Перформативность (от ср. латин. *performato* — действую) понимается как поступок, сделанный при помощи речи: «to say is to do something» — «сказать что-либо — значит совершить какое-либо действие».

⁷ Классический пример языковой игры описан Л. Витгенштейном (ему принадлежит и само понятие «языковая игра») посредством «языка строителей»: «Этот язык должен обеспечить взаимопонимание между строителем А и его помощником В. А возводит здание из строительных камней — блоков, колонн, плит и балок. В должен подавать камни в том порядке, в каком они нужны А. Для этого они пользуются языком, состоящим из слов: «блок», «колонна», «плита» и «балка». А выкрикивает эти слова, В доставляет тот камень, который его научили подавать при соответствующей команде» [18, с. 81]. Согласно концепту «языковой игры», значение слова является функцией его применения в языке. Например, у болта нет значения самого по себе. Только в качестве функции целого, отсылая к мосту, где с помощью его крепится стальная конструкция, он обретает значение. Кроме того, Витгенштейн сравнивал язык с ящиком с инструментами: «Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвертка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди и винты. — Насколько различны функции этих предметов, настолько различные и функции слов» [18, с. 84-85]. Как пишет Н. Д. Арутюнова: «Витгенштейн рассматривал речь как компонент целенаправленной и регламентированной деятельности человека, характеризующейся множественностью целей. Язык (речевые высказывания и входящие в них языковые формы) — это орудие, служащее выполнению определ. задачи. Могут существовать языки, предназначенные для достижения лишь нек-рых целей (напр., “язык приказов”). Соединение речи и действия Витгенштейн называл «языковой игрой» (ср. приказ — выполнение приказа). Каждая «языковая игра» как законченная система коммуникации отвечает нек-рой “форме жизни”. Таким образом, философия [обыденного языка] выдвигает на первый план не столько когнитивную (связанную с мышлением), сколько инструментальную (связанную с действием и воздействием) функцию языка. Ее объект — язык в действии» [19, с. 269].

⁸ Своеобразное развитие идеи Витгенштейна получили у американского аналитического философа и логика Сола А. Крипке. Его оригинальная интерпретация получила известность под названием «Крипкештейн» [20].

⁹ Отсюда — идея создания «идеального языка», т.е. знаковой системы, непосредственно отражающей структуру мира.

¹⁰ Другой линией, которая является актуальной для нашего исследования, является теория генеративной лингвистики Н. Хомского, которую требует более подробного рассмотрения, поэтому мы пока оставляем ее за рамками настоящей работы. Мы отсылаем к двум фундаментальным работам этого автора и замечательной книге о нем, доступно трактующей его идеи, которая представляет живой интерес для теоретической разработки языка уголовного судопроизводства [21, 22, 23].

продолженная Дж. Р. Сёрлом [6] и другими исследователями. Дж. Л. Остин также попытался применить идеи философии языка к праву. Он развернул тезис Витгенштейна о значении высказывания как его использовании. Дифференцируя различные виды употребления высказываний, он предложил теорию речевых актов. Британский философ и теоретик права Г. Харт¹¹ считал, что «идеи Остина помогают объяснить механизм принятия законодательства, а также различные виды сделки. Прежде многим теоретикам права возникновение обязательств, передача прав собственности и вообще всякое изменение правового положения просто посредством использования языка казалось какой-то юридической алхимией или магией» [7, с. 19–20]. Остин утверждал, что речевые акты не только передают значение, но и могут функционировать как действия, оказывающие влияние на окружающий мир помимо обычной передачи информации. К важной категории речевых актов относятся и перформативы. Когда человек говорит в ответ на напоминание о приходе гостей: «Я обещаю не опаздывать сегодня к ужину», он совершает акт обещания, просто употребив это слово. Слово «обещать» — это перформативный глагол, потому что при его употреблении совершается действие, которое тождественно глаголу, когда для этого есть подходящие условия. Я могу пообещать, сказав «я обещаю». О сходных рассуждениях над употреблением высказываний, концептуально оформленных Остином в его теории перформативов, размышлял еще Д. Юом¹². Он писал, «что в обещаниях содержится особый акт нашего духа и что в качестве следствия этого акта нашего духа возникает отличная от чувства долга склонность к исполнению обещания» [8, с. 286]. В данном труде (Трактат о человеческой природе, кн. III, гл. 5, ч. 2) Юм «рассуждает об условиях, при которых обещание может признаваться имеющим силу. Тут важно не столько наличие желания у обещающего исполнить обещание, сколько словесное выражение обещания, при условии понимания его смысла, отсутствия признаков того, что это шутка, отсутствия принуждения и т. п.» [9, с. 275–276]. В целом им не уделялось много внимания философии языка, хотя можно сказать, что многие его темы пересекаются с философией языка [10, с. 5–17].

Прежде всего, подчеркнем, что характерной особенностью юридических правил (или правовых норм) яв-

ляется то, что они часто содержат так называемый перформативный компонент: посредством речевых актов (суждений, решений) юридическое должностное лицо («функционер»¹⁴) — по поручению законодателя — издает нормы, адресованные гражданам или другим должностным лицам. Сложный концепт/феномен перформативности можно объяснить очень доходчивым и прямым способом. Для начала нам следует рассмотреть следующие предложения:

- (1) Я обещаю навестить вас завтра.
- (2) Он обещает навестить вас завтра.
- (3) Я обещал навестить вас завтра.
- (4) Я играю на арфе.¹⁵

Среди этих четырех предложений (1) отличается от трех других своеобразным способом. Ведь тот, кто произносит это предложение, совершает тот самый поступок, о котором в нем говорится, — обещает навестить «вас» завтра — именно тем, что произносит предложение. Обещание исполняется благодаря его словам. (Совсем другое дело, что, возможно, он вовсе не собирается его выполнять). То же самое можно сказать и о предложениях типа:

- (5) Мы приветствуем вас.
- (6) Я нарекаю тебя Софией.
- (7) Я приглашаю вас на ужин.

Можно провести следующие наблюдения:

Предложения (1) и (5)–(7) представляют собой разновидность предложений, известных как перформативы. Их отличительной чертой является то, что они производят впечатление описания действия, частью которого, собственно говоря, они и являются. Сказав «Я приглашаю вас на ужин», я приглашаю вас на ужин (при условии, что мое высказывание произнесено при определенных соответствующих обстоятельствах). С другой стороны, я не играю на арфе, произнося предложение (4). Типичные перформативы стоят в 1-м лице (единственного или множественного числа) настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога или эквивалентны предложениям в этой форме. Предложение (1) является перформативом, но не (2) и не (3).

Кроме того, необходимо отметить, что многие предложения юридического дискурса перформативны по своему характеру. Приведем пример:

¹¹ Нам этот правовец интересен потому, что в своих теоретических выкладках он использовал несколько положений философии «обыденного языка», которые заимствовал из своего «оксбриджского» окружения. Когда Харт был профессором философии в Оксфорде (1945–1952), а потом там же получил должность (1953–1968) профессора юриспруденции (в Оксфордском университете испокон века только один профессор юриспруденции, этот пост считается очень высоким, практически — он возглавлял юридический факультет), Л. Витгенштейн был профессором философии в Кембридже, а Дж. Остин — в Оксфорде. К сожалению, несмотря на его авторитетные исследования в области теории права, на русском вышла всего лишь одна его работа [24]. Представляет интерес его интеллектуальная и психологическая биография [25].

¹² В данном случае мы наблюдаем предвосхищение Юмом революционных даже по меркам XXI в. концепций. Стоит заметить, что его политические труды повлияли на авторов Конституции США [26]. Среди языковедов похожие наблюдения проводились Э. Бенвенистом в рамках его теории дискурса [27].

¹³ О речевом акте выделим следующие работы [28, 29].

¹⁴ Здесь это слово употребляется в своем буквальном значении, не отсылая к общепринятыми неодобрительным коннотациям, которыми его наделяют. От слова «функция», которое, согласно П. Я. Черных, «чаще мн. ф у н к ц и и “обязанности, круг деятельности, обязанности, роль” <...> от ср. латин. *functio* “исполнение (напр., обязанностей)”, “совершение”, “осуществление”», от *fungor* (*functus sum, fungi*) — “исполняю”, “выполняю”, “осуществляю»» [30].

¹⁵ Примеры (с незначительными изменениями) взяты из докторской диссертации на звание *juris doctor* современного шведского правоведа Оке Френдберга [31, с. 56–57].

(8) Вам предлагается партия превосходных груш.

(9) Объявляю вас мужем и женой.

(10) Судебное решение вынесено в пользу истца: А обязан выплатить В ущерб в размере 10 000 рублей плюс проценты.

(11) Иск об оплате аренды помещения отклонен по существу.

(12) В соответствии с КоАП РФ, ст. 12.9, суд налагает на С административный штраф за превышение установленной скорости движения в размере 500 рублей.

Комментируя предложениям (10)-(12), можно сделать вывод, что именно путем произнесения этих предложений (в соответствующих обстоятельствах) судья обязывает А возместить ущерб В, отклоняет иск об оплате аренды помещения, налагает штраф на С за превышение скорости и т. д. — в зависимости от обстоятельств. В этом и состоит их перформативный характер (Курсив — К. П.).

Кроме того, одним из признаков того (на что указывают многие исследователи перформативов), что предложение применяется в качестве перформативного, является то, что оно допускает вставку «hereby»¹⁶ перед глаголом. Таким образом, можно сказать: «Сим я обещаю купить вам ужин». В отличие от этого, слово «готовить», которое не является перформативом, может только описывать действия, но не совершать их. Если я не волшебник, я не могу приготовить овощи, сказав «я готовлю овощи». Вставка «hereby» также не приносит пользы; более того, от нее даже предложение нелепо звучит.

Дело осложняется тем, что даже если перформативный глагол имеется в наличии, обычно не обязательно произносить его для совершения речевого акта. Иначе говоря, мы можем обещать, не говоря «я обещаю». Мы можем сказать: «Я приду домой к ужину вовремя. Ты можешь на меня рассчитывать». Более того, мы можем и часто совершаем речевые акты косвенно [11]. В зависимости от характера отношений может быть достаточно просто ответить на вопрос о том, будем ли мы дома вовремя, словами: «Не волнуйся».

Судьям нередко приходится принимать решения, основываясь на словах человека, был ли им совершен определенный речевой акт. Например, в практике английского (и не только) суда, когда стоит вопрос о том, сделал ли подозреваемый «запрос» на адвоката, если он сказал допрашивающим его следователям: «Может быть, мне стоит поговорить с адвокатом», вместо того чтобы использовать прямой перформатив («Я прошу адвоката»). Общеизвестно, что люди используют слова, чтобы просить, угрожать, лгать, приказывать и требовать; все это — речевые акты, име-

ющие значительные юридические последствия. Эти речевые акты обычно лучше всего характеризуются намерениями говорящего, когда он произносит высказывания, которые называются его иллокутивной силой, или функцией (illocutionary force, function) [12]. Высказывание «Я буду там в девять часов» может иметь иллокутивную силу обещания. Высказывание — «У меня есть револьвер» — вполне может иметь иллокутивную силу угрозы.

В остальных случаях нас может меньше интересовать намерение говорящего, а больше — эффект, который речевой акт может оказать на других, что называется перлокутивным эффектом (perlocutionary effect) высказывания. Иллюстрациями могут служить мошенничество, принуждение и подстрекательство. Перформативного глагола «вовлечь» не существует. Я не могу вовлечь вас пойти домой, сказав: «Я вовлекаю вас пойти домой». Однако я могу добиться перлокутивного эффекта, побудив вас отправиться домой, используя перформативный глагол «обещать» (к примеру, я могу пообещать вам рожок мороженого, чтобы побудить вас пойти домой). В этом случае мое иллокутивное намерение состоит в том, чтобы дать обещание, нацеленное на достижение перлокутивного эффекта, побудившего вас пойти домой. Сходным образом, иллокутивный акт угрозы часто используется, чтобы достичь перлокутивного эффекта запугивания или принуждения.

Обман требует от говорящего перлокутивного эффекта: побудить кого-то поверить в истинность того, что мы считаем неправдой. Ложь — это один из способов достижения цели мошенничества, но не единственный. Например, мы также можем обмануть, предоставив меньше сведений, нежели уместно в определенном контексте. Это объясняет, почему люди бывают так оскорблены защитой подсудимого от обвинений в лжесвидетельстве¹⁷. Утверждение подсудимого о том, что он обманул, не солгал, проводит различие между актами с разными иллокутивными силами, но с одним и тем же перлокутивным эффектом. Это различие является реальным, тем не менее, для многих оно не актуально в моральном плане¹⁸. Как писал М. М. Бахтин, рассуждая о связи закона и поступка, «акт нашей деятельности <...> глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни, но нет единого и единственного плана, где оба лика взаимно себя определяли бы по отношению к одному-единственному поступку. Этим единственным единством и может быть только единственное свершаемого бытия... Акт должен обрести единый план, чтобы рефлектировать себя в обе

¹⁶ Это очаровательное и загадочное словечко (hereby), как его называет известный шведский логик Леннарт Оквист, можно перевести на русский как «сим», «этим», «настоящим», «этими словами...» (Напр., I hereby promise you to pay you 5 dollars / Настоящим я обещаю вам заплатить 5 долларов, т.е. х пообещал у сделать р). Вкратце можно сказать, что функция «hereby» заключается в том, чтобы выразить и сделать эксплицитными предполагаемые отношения перформативности, уже существующие в объектном языке, к которому принадлежат соответствующие «hereby»-предложения. См. об этом его следующее элегантное изложение [32].

¹⁷ Впервые закон против свидетелей, которые нарушили клятву говорить правду, начал приводиться в исполнение в средневековой Англии (1563 г.). Он влек за собой как наказания наложение штрафа и тюремное заключение. Лжесвидетель, не имеющий денежных средств оплатить штраф, выводился на площадь и прибавлялся за уши к позорному столбу [33, с. 38].

¹⁸ См. занимательные антропологические исследования, посвященные поведению человека в ситуации морального выбора, П. Слотердайка [34], Франса де Ваала [35] и Н.Н. Ростовый [36].

стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности» [13, с. 83]. Одним словом, такая связь возможна лишь исходя из поступка.

Данная проблема завершает теоретическую часть нашей работы, требуя логического перехода к решению практических задач в праве, что и станет целью нашего следующего исследования. Как говорил русский правовед В. Д. Катков: «Всякое размышление о правовой материи начинается с некоторых теоретических предположений относительно языка».

Литература:

1. Хижняк С. П. Язык российского права: проблематика исследований и история развития юридической лингвистики: монография. — Саратов: Саратовская юридическая академия, 2021. — 204 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 1–73.
3. Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства. Монография. — Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. — 143 с.
4. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? / Остин Дж. Избранное. — М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13–135.
5. Остин Дж. Перформативные высказывания / Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. — СПб.: Алетейя: Санкт-Петербургский университет, 2006. — С. 262–281.
6. Сёрль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М.: «Прогресс». — С. 151–169.
7. Лезов С. В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: Научн.-аналит. обзор. — М.: ИНИОН, 1986. — 70 с.
8. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга вторая. Об аффектах. Книга третья. О морали. — М.: «Канон», 1995. — 416 с.
9. Васильев В. В. Дэвид Юм и загадки его философии. — М.: УРСС, 2020. — 704 с.
10. Касавин И. Т. Дэвид Юм и современная эпистемология // Эпистемология и философия науки. — 2011. — № 1. — С. 5–17.
11. Сёрль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М.: «Прогресс». — С. 195–222.
12. Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов. — М.: «Прогресс». — С. 170–194.
13. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. — М.: Наука, 1984. — С. 82–160.
14. Остин Дж. Перформативы — константивы / Философия языка. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 23–35.
15. См. Купченко Ю. А. Перформативные формулы как генераторы более крупных контентов (на материале юридического дискурса) // Критика и семиотика. — 2013/1(18). — С. 65–72.
16. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). — М.: Языки русской культуры, 1998. — 676 с.
17. Успенский Б. А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 144 с.
18. Витгенштейн Л. Философские исследования / Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. — М.: Издательство «Гнозис», 1994. — С. 75–319.
19. См. Арутюнова Н. Д. Лингвистическая философия / Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 269.
20. См. Крипке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — 152 с.
21. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 122 с.
22. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 259 с.
23. Smith N. Chomsky: Ideas and Ideals. — Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1999. — IX, 268 p.
24. Харт Г. Л. А. Право, свобода и мораль. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. — 129 с.
25. Lacey T. A Life of the Nightmare and the Noble Dream. — Oxford: Oxford University Press, 2004. — 422 p.
26. Баренбойм П. Три века одиночества правовых идей Давида Юма // Право и экономика. — 2011. — № 9. — С. 55–58.
27. Бенвенист Э. О субъективности в языке / Общая лингвистика. — М.: Изд-во «Прогресс», 1974. — С. 292ff.
28. Арутюнова Н. Д. Речевой акт / Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 412–413.

29. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 18: Логический анализ естественного языка. — М.: «Прогресс». — С. 242–265.
30. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: Т. 2. — М.: Издательство «Русский язык», 1999. — С. 326.
31. Frändberg Å. Om analog användning av rättsnormer. — Uppsala: Norstedts förlag, 1973. — 185 s.
32. Åqvist L. Some remarks on performatives in the law // Artificial Intelligence and Law. — 2003. — № 11 (2–3). — P. 119–122. [Электронный ресурс]. URL: <https://egov.ufsc.br/portal/en/node/28694> (Дата обращения 29.04.2024).
33. Дометеев В. Ответственность за заведомо ложные показания свидетелей // Законность. — 2006. — № 6. — С. 38–40.
34. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (Дата обращения 05.05.2024).
35. Вааль Ф. де. Наша внутренняя обезьяна: двойственная природа человека. — М.: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2021. — 404 с.
36. Ростова Н. Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томск. гос. ун-та. — 2019. — № 446. — С. 68–75. — DOI: 10.17223/15617793/446/9.

Международно-правовое регулирование труда несовершеннолетних работников

Пустовая Арина Евгеньевна, студент;

Керпелец Валерия Михайловна, студент

Научный руководитель: Степанова Марина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуется комплекс международно-правовых норм, регулирующих трудовую деятельность несовершеннолетних лиц. На основе анализа ключевых конвенций Международной организации труда (МОТ) и Организации Объединенных Наций раскрываются основополагающие принципы защиты труда несовершеннолетних: установление минимального возраста, запрет на эксплуатацию и опасный труд, ограничение ночного труда, обязательность медицинского освидетельствования. Рассматривается влияние международных стандартов на национальное законодательство, в частности, на примере Российской Федерации. Подчеркивается актуальность совершенствования правовых механизмов, направленных на баланс между правом подростков на труд, защитой их здоровья, полноценным развитием и получением образования.

Ключевые слова: труд несовершеннолетних, Международная организация труда, МОТ, Конвенция о правах ребенка, наихудшие формы детского труда, неформальная занятость.

Актуальность темы обусловлена тем, что вопрос правового регулирования труда несовершеннолетних работников занимает особое место в системе международного и национального трудового права. Сложность заключается в том, чтобы одновременно поддержать их право на социализацию и заработок и обеспечить защиту их физического и психического здоровья и нравственного развития. Это глобальная проблема, имеющая как экономические, так и социальные причины. Из-за своей уязвимости в силу психофизиологической незрелости и правовой неосведомленности несовершеннолетние работники нуждаются в дополнительных правовых гарантиях.

Формирование международных стандартов в области труда несовершеннолетних началось в начале XX века, когда была создана в 1919 году Международная организация труда (далее — МОТ). Ее трехсторонняя структура, объединяющая правительства, работодателей и работников, позволила выработать взвешенные и реалистичные нормы [13, с. 317].

Ключевым универсальным документом, заложившим правовую основу защиты детей, стала Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года. Ее статья 32 прямо обязывает государства-участники защищать ребенка от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья, развития или образования [11]. На государства возлагается обязанность устанавливать минимальный возраст для приема на работу, определять требования к условиям и продолжительности труда, а также предусматривать меры ответственности за нарушения [11].

Однако основной массив специальных норм сосредоточен в конвенциях МОТ. Главными стали две конвенции: Конвенция № 138 (1973 г.) о минимальном возрасте, которая установила общий принцип, заключающийся в том, что минимальный возраст не должен быть ниже возраста окончания обязательного образования и, как правило, не ниже 15 лет (13 лет для легкого труда, не наносящего ущерба учебе и здоровью; 18 лет для опасных и вредных

работ) и Конвенция № 182 (1999 г.) о наихудших формах детского труда, потребовавшая от государств немедленных действий по искоренению рабства, принудительного труда, использования в проституции, порнографии, незаконной деятельности (в частности, наркоторговли) и любой иной работы, способной нанести непоправимый вред здоровью, безопасности или нравственности ребенка [9] [10].

Эти фундаментальные акты дополняют отраслевые и специальные конвенции. Так, более ранние конвенции конкретизируют принцип установления минимального возраста для отдельных отраслей: № 58 (1936) — для работы в море; № 33 (1932) — для непромышленных работ; № 123 (1965) — для подземных работ в шахтах. Документы о медицинском освидетельствовании (№ 77 (1946) для промышленности, № 78 (1948) для непромышленных работ, № 124 (1965) для подземных работ) ввели обязательные предварительные и ежегодные медосмотры для несовершеннолетних за счет работодателя для определения пригодности к конкретному труду в целях установления «барьера» на пути к опасным для здоровья видам деятельности [3] [4] [8]. Конвенции, ограничивающие ночной труд (№ 79 (1946), № 90 (1948)), закрепили запрет и строгую регламентацию использования труда лиц моложе 18 лет в ночное время, устанавливая исключения лишь для профессиональной подготовки в отдельных отраслях в целях защиты не только физического здоровья, но и нормального режима жизни и учебы подростка [5] [6].

Российская Федерация, являясь участницей основных конвенций МОТ и Конвенции о правах ребенка, воплотила их принципы в Трудовом кодексе РФ (далее — ТК РФ) и специальных федеральных законах. Так, ст. 63 ТК РФ закрепляет возрастные рамки для заключения трудового договора (общее правило — с 16 лет), ст. 92 и 94 ТК РФ — сокращенную продолжительность рабочего времени, ст. 265 ТК РФ содержит запрет на применение труда лиц до 18 лет на тяжелых, вредных и опасных работах [12]. Обязательность предварительного и ежегодного медицинского осмотра установлена ст. 266 ТК РФ [12]. Таким образом, российское законодательство в целом соответствует международным стандартам, формируя специальный охранительный режим для несовершеннолетних работников.

Однако эти правовые нормы так и не смогли полностью решить проблему в мировом масштабе. Глубокое экономическое и социальное неравенство, а также новые реалии нашего времени показали, что между нормативными нормами и реальным положением дел в мире существует огромная пропасть. Главной проблемой остается массовая неофициальная занятость, которая превращает подростков в «невидимых» работников — они работают без договора, а значит, лишаются всех защитных преду-

смотренных конвенциями гарантий, которые должны им предоставляться.

В том же числе устойчивость наихудших форм детского труда, таких как рабство и работа в опасных условиях (например, на плантациях и в шахтах), в странах, переживающих вооруженные конфликты, миграционные кризисы и экономические потрясения (как, например, пандемия COVID-19) демонстрирует, что одних правовых запретов недостаточно, пока не устранены коренные причины — крайняя нищета, неравенство, разрушение социальных институтов.

Отдельную сложность создает гендерное неравенство. Девочки-подростки сталкиваются с двойной дискриминацией: их чаще привлекают к неоплачиваемой работе в сфере услуг по дому, а также они больше рискуют стать жертвами сексуальной эксплуатации, нередко получают меньшую оплату и концентрируются в низкооплачиваемых секторах.

Стоит упомянуть и появление совершенно новых проблем, с которыми старые правовые подходы справиться не могут. Развитие интернета и цифровой экономики привело к росту так называемой удаленной «платформенной занятости». Подросток, выполняя за компьютером мелкие онлайн-задания, юридически не считается полноценным работником с договором, а значит, он не попадает под защиту трудового законодательства. Очень сложно проверить, сколько ему на самом деле лет, сколько часов он проводит за экраном, как такая работа влияет на его психику (например, если он вынужден просматривать шокирующий материал как модератор), и действительно ли ему платят справедливо. Международное право только начинает искать подходы, как решать эти вопросы. Ситуацию усугубляет и то, что во многих странах законы плохо работают из-за слабых государственных институтов, коррупции и низких штрафов для нарушителей. Поэтому международные стандарты чаще всего не являются реальными инструментами защиты.

Таким образом, для решения проблем на современном этапе предлагается следующее. Во-первых, на законодательном уровне расширить толкование понятия «трудовые отношения» с целью охвата платформенной занятости и защиты прав «цифровых» несовершеннолетних работников и ужесточить административную и уголовную ответственность за использование наихудших форм детского труда, ввести конфискацию доходов, полученных в результате такой эксплуатации. Во-вторых, усилить профсоюзный контроль за соблюдением трудового законодательства в отношении несовершеннолетних. В-третьих, расширить влияние Международной программы по искоренению детского труда (ИПЕК) как координатора деятельности МОТ по борьбе с детским трудом.

Литература:

1. Конвенция Международной организации труда № 33 о возрасте приема детей на непромышленные работы (Женева, 30.04.1932). — URL: <https://base.garant.ru/2541245/>

2. Конвенция Международной организации труда № 58 о минимальном возрасте допуска детей на работу на море (пересмотренная в 1936 г.) (Женева, 24.10.1936). — URL: <https://base.garant.ru/2541225/>
3. Конвенция Международной организации труда № 77 о медицинском освидетельствовании детей и подростков с целью выяснения их пригодности к труду в промышленности (Монреаль, 09.10.1946). — URL: <https://base.garant.ru/2540594/>
4. Конвенция Международной организации труда № 78 о медицинском освидетельствовании детей и подростков с целью выяснения их пригодности к труду на непромышленных работах (Монреаль, 09.10.1946). — URL: <https://base.garant.ru/2541214/>
5. Конвенция Международной организации труда № 79 об ограничении ночного труда детей и подростков на непромышленных работах (Женева, 09.10.1946). — URL: <https://base.garant.ru/2540658/>
6. Конвенция Международной организации труда № 90 о ночном труде подростков в промышленности (пересмотренная в 1948 году) (Сан-Франциско, 10.07.1948). — URL: <https://base.garant.ru/2540590/>
7. Конвенция Международной организации труда № 123 о минимальном возрасте допуска на подземные работы в шахтах и рудниках (Женева, 22.06.1965). — URL: <https://base.garant.ru/2541283/>
8. Конвенция Международной организации труда № 124 о медицинском освидетельствовании молодых людей с целью определения их пригодности к труду на подземных работах в шахтах и рудниках (Женева, 23.06.1965). — URL: <https://base.garant.ru/2540639/>
9. Конвенция Международной организации труда № 138 о минимальном возрасте для приема на работу (Женева, 26.06.1973). — URL: <https://base.garant.ru/2540542/>
10. Конвенция Международной организации труда № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Женева, 17.06.1999). — URL: <https://base.garant.ru/2560459/>
11. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
13. Эриашвили Н. Д. Международно-правовое регулирование труда несовершеннолетних работников / Н. Д. Эриашвили, Г. М. Сарбаев, А. В. Кухарев // Образование и право. — 2021. — № 8. — С. 316–320.

Предъявление для опознания лица в условиях тактического риска

Раев Юрий Владимирович, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геническ)

Данная статья посвящена проблематике принятия процессуальных решений о проведении опознания, в частности, в условиях затрудненного вербального описания признаков объекта опознания опознающим, при сохранении его уверенности в последующем распознавании. Анализируются научные концепции и правоприменительная практика, касающиеся полезности и законности данного следственного действия, с учетом как вероятности ошибки, так и потенциальных позитивных результатов. Аргументируется значимость предварительного тактического допроса опознающего и оптимального формирования группы предъявляемых лиц. Предлагается имплементация компромиссного подхода, предполагающего самостоятельную оценку следователем ситуации и определение целесообразности проведения опознания. Особое внимание уделяется методическим рекомендациям по увеличению численности предъявляемых лиц для снижения вероятности случайного выбора, а также анализу рисков и ограничений, связанных с данным фактором. Обосновывается позиция автора относительно оптимального состава группы для опознания (пять человек) и пределов эффективности увеличения ее численности. В заключение, статья представляет собой комплексный анализ правовых аспектов и практики организации опознания, направленный на совершенствование методологии проведения данного следственного действия.

Ключевые слова: *предъявление для опознания, допрос потенциального опознающего, подбор предъявляемых лиц, число предъявляемых лиц, решение следователя.*

Для успешного и законного проведения опознания крайне важен предварительный допрос лица, которое будет опознавать. В ходе этого допроса необходимо детально выяснить, какие именно признаки объекта (или че-

ловека) он запомнил. Эта информация критически важна для правильного подбора «статистов» — других объектов или лиц, которые будут предъявлены вместе с основным. Только зная конкретные особенности, по которым будет

происходить опознание, следователь сможет обеспечить их сходство, как того требуют Уголовно-процессуальный кодекс и криминалистические рекомендации.

Какова процедура действий следователя в ситуации, когда лицо, подлежащее допросу, не способно вербализовать индивидуальные признаки ранее воспринятого им человека, но при этом выражает уверенность в его последующем опознании? Должен ли следователь отказаться от намерения провести предъявление для опознания и, завершив допрос, прекратить дальнейшие подготовительные мероприятия, или же его намерение остается непреклонным и подлежит реализации? В научной литературе, посвященной данному следственному действию, представлены различные позиции. Так, ряд авторов придерживается мнения, что в случае невозможности опознающим назвать приметы лица, подлежащего опознанию, но при наличии его утверждения о способности к опознанию, от проведения предъявления ни в коем случае не следует отказываться.

В то же время в литературе существует и иной взгляд на рассматриваемую проблему, согласно которому вообще нецелесообразно проводить опознание, если допрашиваемый не может назвать приметы, по которым собирается опознать воспринимавшееся ранее лицо, поскольку результаты такого опознания не будут иметь доказательственного значения.

Неоднозначное мнение по данной проблеме сложилось и у практических работников. Около 70 % из них решали вопрос положительно о проведении предъявления лиц для опознания в случаях, если будущий опознающий не может назвать признаки подлежащего опознанию лица, но утверждает, что сможет его опознать. Около 5 % — высказали определенные сомнения по поводу ценности такого опознания, а 25 % — отказались от проведения данного следственного действия. С учетом этого мы и строим свое отношение к рассматриваемому вопросу.

Соглашаясь с тем, что опознание может быть ключевым доказательством вины, мы считаем, что вместо жестких требований к его проведению, следует сделать упор на его потенциальную полезность. Решение о проведении опознания должно оставаться за следователем, который будет принимать его индивидуально для каждого дела, учитывая всю совокупность доказательств, тактические аспекты и иные факторы. Такой подход оправдан даже тогда, когда допрашиваемый не может предоставить описание примет опознающего или выражает сомнения в его способности опознать кого-либо.

Я полагаю, что даже при наличии таких сомнений, если нет других доказательств, нужно использовать любой шанс, что человек может вспомнить опознаваемого непосредственно в ходе самого опознания. Вместе с тем в подобной ситуации имеются определенные элементы тактического риска: отрицательный результат опознания, может быть использован опознаваемым в свое оправдание. К тому же защитник обвиняемого по-

лучит дополнительный доход против обвинения. И все же, несмотря на эти моменты, полагаю возможным производство предъявления для опознания, если следователь признает целесообразным в той или иной конкретной ситуации.

Это подтверждается мнением о том, что процент ошибок почти одинаков, как в тех случаях, когда выражается уверенность в опознании, так и в тех, когда такой уверенности нет. Они приходят к выводу, что нельзя решать вопрос о предъявлении для опознания исходя только из субъективной уверенности опознающего в возможность опознать объект. Мне представляется, что субъективная уверенность, высказываемая следователю, зависит от индивидуальной характеристики данного типа: его самоуверенности или склонности к сомнениям, решительности или осторожности, критичности или не критичности и т. п. Если учесть, что перед допросом лицо, предупрежденное об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ, опасается этой ответственности, то степень уверенности, высказанной следователю, может быть сильно уменьшена по сравнению с действительной.

В криминалистической литературе высказывается желание увеличивать количество предъявляемых для опознания лиц, если допрашиваемый не может назвать конкретные приметы будущего опознаваемого. Так, например, М. Противинский предложил в таких случаях предъявлять для опознания 5–6 человек, что, по его мнению, должно снизить возможность случайного опознания или простого угадывания.

В дальнейшем он писал уже о 6–8 предъявляемых для опознания лицах, не исключая вовсе, что их число, по тем же мотивам, может быть и больше [1].

В тех ситуациях, когда опознающий не уверен в возможности опознания, Л. Д. Удалова также считает целесообразным увеличение числа лиц, совместно предъявляемых для опознания, что, на ее взгляд, позволит снизить вероятность случайного угадывания, повысит надежность и достоверность результатов опознания.

Причем автор предлагает формировать несколько групп, по три человека в каждой (место и тип опознаваемый выбирает сам), затем последовательно предъявлять опознающему эти группы. Оглашение результатов предполагается в конце следственного действия [2].

Подобную точку зрения разделяет Ю. И. Ревтов, говоря о схожей ситуации при проведении опознания по голосу и особенностям речи.

Я считаю оптимальной для таких ситуаций группу предъявляемых для опознания лиц из 5 человек. Увеличение их числа до 6–8 и более человек, как предлагают некоторые авторы, вызовет лишь дополнительные сложности в подготовке и проведении опознания, но не создаст существенных гарантий его достоверности.

Более того, при большом количестве предъявляемых для опознания лиц может возникнуть рассредоточение внимания, не позволяющее сконцентрироваться на опре-

деленном числе объектов. Значительное число сравниваемых объектов исключает быстроту сравнения, распределяет внимание в очень широком диапазоне.

Не случайно практические работники крайне редко проводят данное следственное действие с количеством предъявляемых для опознания лиц более трех.

Литература:

1. Противинский М. Предъявление для опознания на предварительном следствии: Автореф. Дисс... канд. Юрид наук. М., 1969. С. 38
2. Удалова Л. Д. Вопросы тактики предъявления для опознания // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1984. Вып. 29. С. 47

Учитывая это, я считаю правильным, на наш взгляд, относить решение вопроса о предъявлении для опознания в подобных случаях к компетенции следователя. А споры о доказательственном значении полученных в ходе такого опознания результатов лучше перенести в оценочную плоскость.

Полномочия органов публичной власти в сфере обеспечения конституционного права на образование

Ромаденкова Татьяна Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Данилова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассмотрена структура и механизм реализации полномочий органов публичной власти в сфере образования.

Ключевые слова: образование, право на образование, органы публичной власти.

Полномочия публичных органов власти представляют собой совокупность прав и обязанностей органов государственной власти, которые реализуются в образовательной сфере.

В ст.72 Конституции Российской Федерации установлено, что полномочиями в области образования наделены как федеральные органы власти, так и органы власти субъектов Российской Федерации [1]. Таким образом, общие вопросы образования находятся в предмете совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Начиная с 15 мая 2018 года, на основе Указа Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» на уровне федерации, руководство сферой образования осуществляется Министерством просвещения Российской Федерации, а также Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [2]. Так, Министерство науки и высшего образования осуществляет курирование в отношении высшего образования и науки, выступая, при этом, ответственным органом за развитие научных центров, наукоградов и инновационных технологий. Министерство просвещения курирует общее, среднее и дополнительное образование, оказывает социальную поддержку и защиту обучающихся, и разрешает иные вопросы. Рособрнадзор, или Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, является федеральным органом исполнительной власти, находя-

щимся в прямом подчинении Правительства Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации в 2018 году утвердило Положение о Министерстве науки и высшего образования, Министерстве просвещения и Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки [3]. Каждый из указанных федеральных органов наделен определенной компетенцией в сфере обеспечения прав на образование.

Стоит отметить, что подавляющая часть своих полномочий Министерством просвещения осуществляется через органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В то же время, Министерство науки и высшего образования ведет работу с подведомственными организациями непосредственно.

Реализация деятельности в области обеспечения права на образования на федеральном уровне обеспечивается органами как общей, так и специальной компетенции. К примеру, Президент Российской Федерации призван реализовывать определенные полномочия в сфере образования, к примеру:

- назначать референдум по вопросам образовательной деятельности и образования;
- относительно аналогичных вопросов вносить законопроекты в Государственную Думу;
- подписывать федеральные законы, касающиеся сферы образования.

Не меньшую роль в обеспечении прав на образование играет Федеральное Собрание Российской Федерации, доминирующим направлением деятельности которого, является разработка и принятие федеральных конституционных и федеральных законов, в том числе в сфере регулирования образования и образовательной деятельности.

Реализации единой государственной политики в сфере образования способствует такой орган как Правительство Российской Федерации. Государственная политика в данной области базируется на Федеральной целевой программе развития образования, которая утверждена постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 [4].

В ст. 6 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» раскрываются основные полномочия публичных органов власти в обеспечении прав на образование.

Главным полномочием, которое присуще всем органам публичной власти в сфере обеспечения прав на образование, выступает организация предоставления образования на различных уровнях. В силу того, что правоотношения в сфере образования являются предметом совместного ведения, то главным условием реализации данного полномочия выступает разграничение компетенции между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и федеральными органами. В связи с чем к юрисдикции федеральных органов власти отнесено высшее и дополнительное профессиональное образование, тогда как другие виды образования входят в юрисдикцию органов субъектов Российской Федерации. Отдельные виды образования входят в компетенцию органов местного самоуправления.

Следующим полномочием публичных органов власти в сфере обеспечения прав на образование, является обеспечение процесса образования кадровым составом, которому присущ профессиональный уровень навыков и знаний. Для реализации данного полномочия соответствующие органы разрабатывают прогнозирование кадровой потребности, на основе выявления потребностей и тенденций.

В пределах данного полномочия Министерство образования и науки Российской Федерации составляет прогнозы с сопутствующими требованиями, обязательными к соблюдению. Обеспечение данных требований проводится при помощи проведения конференций по актуальным вопросам, повышений квалификации кадров и т. д.

На региональном уровне систему данных органов составляют министерства, департаменты, комитеты образования и науки, которые призваны обеспечивать права на образование на уровне субъектов Российской Федерации. При этом каждый субъект автономно учреждает данный орган, а также регулирует предмет его компетенции. Так, в Саратовской области учреждено Министерство образования, в Сахалинской области создано Министерство образования и науки, в Томской области создан и осуществляет свою деятельность — Департамент общего образования Томской области.

Все региональные органы находятся в тесном взаимодействии с Министерством просвещения Российской Федерации.

Статья 8 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения прав на образование.

На уровне местного уровня, в рамках муниципальных образований могут организовываться специфические структурные подразделения с целью реализации полномочий в области обеспечения права на образование, к примеру, комитет по образованию администрации муниципального образования «Город Саратов» [5], управление образования Администрации Балашовского муниципального района и т. д.

Полномочия органов местного самоуправления муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов в сфере образования регламентированы в ст. 9 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании в Российской Федерации».

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что перечень полномочий публичных органов власти в сфере обеспечения прав на образование носит открытый характер, следовательно, по мере развития может быть дополнен иными полномочиями в сфере реализации образовательных услуг. Деятельность каждого органа публичной власти в сфере обеспечения права на образование определяется предметом его компетенции, которая строго регламентирована действующим законодательством. Все органы публичной власти в рамках реализации своих полномочий в сфере обеспечения права на образования образуют единую систему управления образованием.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.
2. Указ Президента РФ от 11.05.2024 № 326 (ред. от 17.06.2024) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2590.
3. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 04.09.2025) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 26, ст. 3851.
4. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 24.07.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // СЗ РФ. 2018. № 1 (ч. II), ст. 375.

5. Комитет по образованию Администрации муниципального образования «Город Саратов» [Электронный ресурс]: <http://sarkomobr.ru/news> (дата обращения: 16.11.2025).

Права предпринимателей как объект правовой охраны и защиты

Рустамова Шохинур Камолиддиновна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цель настоящей работы состоит в анализе подходов к пониманию правовой природы прав предпринимателей, выделении факторов, влияющих на эффективность их защиты, а также выработке предложений по оптимизации механизма охраны и защиты данных прав. Исследование выполнено на основе анализа отечественного законодательства и зарубежного опыта. Особое внимание уделено определению сущности и содержания указанных прав, характеристике основных нормативных актов, регламентирующих данную сферу, а также выявлению проблем и предложений по улучшению существующего механизма защиты прав предпринимателей.

Ключевые слова: предприниматель, судебная защита, права предпринимателя, предпринимательская деятельность, контроль (надзор)

Исторически представление о правах предпринимателей складывалось постепенно. До начала XX века доминировали идеи свободного рынка и невмешательства государства в экономику. Позже понимание изменилось в сторону активного вмешательства государства в процесс формирования рыночных отношений, включая контроль над соблюдением прав предпринимателей. Развитие рыночной экономики сопровождается увеличением числа предпринимателей, занятых самостоятельной деятельностью, направленной на получение дохода. Несмотря на очевидные преимущества предпринимательства, субъекты хозяйственной деятельности сталкиваются с многочисленными трудностями и проблемами, среди которых наиболее острой становится угроза нарушения их законных прав и свобод. Именно предприниматели создают новые рабочие места, способствуют развитию бизнеса и инноваций, обеспечивая экономическое развитие страны. Однако именно права предпринимателей часто становятся объектом посягательств со стороны недобросовестных конкурентов, государственных органов власти и даже криминальных структур. Это определяет необходимость эффективной правовой защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому актуальным представляется исследование состояния действующего законодательства и судебной практики в сфере защиты прав предпринимателей. Под правами предпринимателей понимаются гарантированные государством возможности осуществлять свою деятельность свободно и самостоятельно, распоряжаясь имуществом, заключая договоры, привлекая капитал и осуществляя прочие виды хозяйственной активности. Основным принципом правовой защиты выступает равенство перед законом независимо от формы собственности субъекта предпринимательской деятельности.

Российское законодательство предусматривает ряд документов, направленных на обеспечение гарантий прав предпринимателей. К таким документам относятся Кон-

ституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон № 94-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора)», Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и др.

Государственный контроль и надзор играют важнейшую роль в поддержании правопорядка и обеспечении соблюдения стандартов качества и безопасности. Вместе с тем значительный объем проверок создает препятствия для нормального функционирования предприятий. Недостатком также является несоразмерность санкций за правонарушения и низкая предсказуемость действий контролирующих органов. Одним из эффективных способов защиты прав предпринимателей является судебная система. Судебная система призвана разрешать споры и обеспечивать восстановление нарушенных прав предпринимателей. Ключевым фактором успеха служит независимость судей и качество доказательств, представленных сторонами. Однако длительность процесса, высокая стоимость судебных разбирательств снижают привлекательность обращения в суд.

Помимо судебного пути существует немало форм защиты прав предпринимателей посредством участия в работе профессиональных ассоциаций и союзов, создаваемых предпринимателями для коллективной защиты своих интересов. Такие организации помогают субъектам предпринимательства защищать свои права, содействуют разработке проектов законов и повышению юридической грамотности предпринимателей. Зарубежные государства используют разнообразные инструменты для защиты прав предпринимателей. Например, в США широко применяется досудебное урегулирование споров, специальные комиссии занимаются рассмотрением жалоб предпринимателей. Во Франции действует комплексный подход, предусматривающий активное участие неправительственных организаций и бизнес-ассоциаций.

Сегодня государство активно занимается совершенствованием нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективную защиту прав предпринимателей. Так, принимаются законы, направленные на снижение административных барьеров, упрощение процедур лицензирования и сертификации продукции, повышение прозрачности налоговой отчетности. Таким образом, защита прав предпринимателей остается актуальной задачей

для современного российского государства. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы, улучшение качества правосудия, создание благоприятных условий для ведения бизнеса. Только при условии надежной правовой защиты возможно успешное развитие малого и среднего предпринимательства, которое играет важную роль в обеспечении экономического роста и социального благополучия населения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 26.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52 (ч. I). — Ст. 6249.
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — ст. 3434.
5. Андреев Ю. Н., Волков Б. С. Правовые основы предпринимательской деятельности в современной России. Учебник. Москва: Проспект, 2023. — 420 с.
6. Грибовский Д. И. Государственное регулирование и правовая защита предпринимателей. Монография. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2022. — 380 с.
7. Петрухин Е. Л. Проблемы судебной защиты прав предпринимателей. Сборник статей. Москва: Инфра-М, 2022. — 250 с.
8. Тихомиров Ю. А. Предпринимательская деятельность и право. Учебное пособие. Москва: Городец, 2021. — 300 с.

Сравнительно-правовой анализ ответственности за бандитизм и организацию преступного сообщества в законодательстве отдельных зарубежных стран

Сагадеев Максим Борисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Гребенкин Федор Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу ответственности за бандитизм и организацию преступного сообщества в зарубежных правовых системах. В работе сделан вывод о том, что наиболее эффективны системы, сочетающие четкие критерии организации, конфискацию и специальные следственные инструменты при судебном контроле.

Ключевые слова: бандитизм, организованная преступность, преступное сообщество (преступная организация), сравнительно-правовой анализ, зарубежное законодательство.

Comparative legal analysis of responsibility for banditry and organization of criminal association in the legislation of selected foreign countries

Sagadeev Maksim Borisovich, master's student

Scientific advisor: Grebenkin Fedor Borisovich, phd in law, associate professor
Volga-Vyatka Institute (branch) of the Moscow State Law University named after OE Kutafin (Kirov)

The article is devoted to a comparative legal analysis of liability for banditry and the organization of a criminal community in foreign legal systems. The article concludes that the most effective systems are those that combine clear criteria for organization, confiscation, and special investigative tools with judicial control.

Keywords: *banditry, organized crime, criminal community (criminal organization), comparative legal analysis, foreign legislation.*

В российской правовой доктрине и уголовном законодательстве «бандитизм» обычно понимается как создание и деятельность устойчивой вооружённой группы, ориентированной на совершение нападений. Напротив, «преступное сообщество (преступная организация)» выступает более широкой категорией организованной преступности, включая экономические и коррупционные формы, а также сетевые структуры, где насилие не обязательно является ключевым способом достижения целей. В сравнительно-правовом анализе необходимо учитывать отсутствие прямой терминологической сопоставимости: иностранные правовые порядки по-разному конструируют ответственность за коллективную преступность — через самостоятельные составы участия в организации, квалифицирующие признаки организованной группы, институт сговора либо модели «преступного предприятия» [5, с. 209].

Унифицирующий международно-правовой ориентир задаёт Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, определяющая «организованную преступную группу» как структурированное объединение трёх и более лиц, существующее определённое время и действующее согласованно для совершения «серьёзных преступлений» с целью получения финансовой или иной материальной выгоды [1]. Конвенционный стандарт при этом оставляет государствам выбор средств криминализации (организация/участие, сговор, иные формы содействия), фиксируя в качестве ключевого критерия эффективность противодействия организованной преступности [4, с. 63].

Сравнительно-правовой анализ показывает два основных подхода:

1) «Организационный» («ассоциативный») — наказуемы создание/руководство/участие в преступной организации как в самостоятельном объекте уголовно-правового запрета (континентальная Европа; частично Великобритания).

2) «Актовый» — основное внимание уделяется наказуемости конкретных эпизодов, а принадлежность к группе учитывается как квалифицирующий признак или отягчающее обстоятельство (США).

На практике многие страны используют смешанную модель, сочетая самостоятельные составы за участие в криминальном объединении с расширенными инструментами соучастия, сговора и конфискации.

1. Страны континентальной Европы: акцент на «преступной организации» как самостоятельном объекте запрета.

В ряде стран континентальной Европы сформировались развернутые уголовно-правовые модели противодействия преступным объединениям, в которых объектом запрета выступает сама организация как устойчивая форма коллективной преступной деятельности.

Германский подход опирается на нормы о «преступном объединении» (*kriminelle Vereinigung*) и «террористиче-

ском объединении» [8], криминализируя создание, участие, поддержку, вербовку и иные формы содействия. Для привлечения к ответственности за участие не всегда требуется доказывать совершение каждым лицом конкретного тяжкого преступления: достаточно подтвердить устойчивость и криминальную направленность структуры, а также фактическую включенность участника в ее деятельность. Одновременно повышенные требования к устойчивости и организационной сплоченности позволяют отделять преступную организацию от ситуативного соучастия. Практически значимы конфискация и финансово-следственные инструменты.

Французская модель развивает конструкцию *association de malfaiteurs* («преступное объединение/сговор»), устанавливая ответственность за участие в группе, созданной для подготовки преступлений [10]. Это усиливает превентивный потенциал, поскольку наказуемым становится уже вовлечение в объединение, ориентированное на подготовку прежде всего тяжких деяний. Дополнительно действует квалифицирующий признак «совершено организованной группой» (*bande organisée*), повышающий санкции по широкому кругу составов. В результате сочетаются самостоятельная ответственность за участие в объединении и механизм усиления ответственности за конкретные преступления.

Италия представляет один из наиболее жестких вариантов: наряду с общими нормами ключевым является состав «мафиозного объединения» (*associazione di tipo mafioso*), основанный на «мафиозном методе» — запугивании, подавлении сопротивления, формировании состояния подчинения (*omertà*), контроле экономических сфер и территорий, проникновении во власть и госзакупки [9]. Разграничение общего и «мафиозного» типов позволяет квалифицировать организацию и участие даже при отсутствии у каждого участника доказанного набора эпизодов, поскольку принадлежность к мафиозной структуре оценивается как повышенно опасная. Существенны специальные меры: расширенная конфискация, управление арестованными активами, ограничения в закупках, особые режимы исполнения наказаний для лидеров, а также защита свидетелей и сотрудничество с правосудием (*collaboratori di giustizia*). Эффективность во многом обеспечивается связкой уголовной ответственности с изъятием доходов и институциональным закреплением доказательственной базы.

Испанское право также предусматривает ответственность за участие в преступных организациях и группах, разграничивая более устойчивые и структурированные объединения и менее организованные формы. Типично разделение на «организацию» (устойчивость, структура, распределение ролей) и «группу» (меньшая устойчивость), что влияет на квалификацию и санкции [7]. Такая градация позволяет охватывать спектр коллективной пре-

ступности — от устойчивых сетей до временных объединений, включая транснациональные схемы, где структура может быть распределенной, но сохранять устойчивость.

2. *Англо-американская традиция: «сговор», «рэкетирство» и широкие инструменты конфискации.*

Американская модель противодействия организованной преступности опирается на сильные федеральные механизмы, нацеленные на нейтрализацию криминальных «предприятий». Центральное место занимает доктрина enterprise и законодательство RICO, позволяющее привлекать к ответственности лиц, связанных с предприятием через «паттерн» рэкетирской активности — совокупность взаимосвязанных преступных эпизодов [6]. В отличие от континентальных подходов, где «преступная организация» часто определяется через устойчивость и иерархию, в США акцент смещен на повторяемую модель преступного поведения и функциональную связь субъекта с предприятием, которое может существовать как формальная структура или неформальная сеть. Важным элементом выступает conspiracy (сговор): ответственность возможна уже за соглашение о преступлении при наличии хотя бы одного акта реализации, что усиливает превентивный потенциал пресечения на ранних стадиях. Системообразующую роль играет конфискация: изъятие преступных активов нередко сопоставимо с лишением свободы или превосходит его по значимости. Институт сделок о признании вины и сотрудничестве облегчает раскрытие и доказывание структуры объединений, однако порождает дискуссии о рисках процессуального давления и фактического «торга» правами обвиняемых.

Британская практика характеризуется инструментальным сочетанием норм об участии в преступной деятельности, сговоре, пособничестве и развитых режимов конфискации доходов преступного происхождения (Proceeds of Crime) [11]. Существенное значение имеют составы, охватывающие содействие преступной активности, легализацию доходов и вовлеченность в планирование либо подготовку преступлений. Отличительной чертой является приоритет финансовых расследований: даже при сложностях доказывания лидерства или членства государство стремится лишить преступные сети экономической основы. Дополнительно применяются превентивные ограничения (запреты на действия, контакты, перемещения), реализуемые в административно-судебных процедурах и дополняющие уголовно-правовые меры.

3. *Постсоциалистические и восточноевропейские правовые порядки: близость к «сообществу» и «организованной группе» как ключевым категориям.*

Постсоциалистические и восточноевропейские правовые порядки обычно различают: (1) «организованную группу» как форму соучастия в конкретном преступлении и (2) «преступное сообщество/организацию» как более устойчивое, нередко иерархичное объединение с распределением функций и координацией. В ряде стран «банда» (устойчивая вооружённая группа, ориентированная на нападения) сохраняется как самостоятельный состав наряду

с нормами о преступной организации; при этом содержание и границы этих конструкций заметно варьируют.

Нормы о «преступной организации» часто охватывают не только насилие, но и экономическую организованную преступность, коррупционные сети и криминальный контроль рынков. Главная сложность — доказывание «устойчивости» и «иерархичности» без чрезмерно широкого толкования; поэтому суды опираются на совокупность индикаторов (длительность, лидер/координатор, роли, планирование, конспирация, дисциплина, общая касса, подчинение, ресурсная база и др.) [2, с. 553].

4. *Латинская Америка: криминализация участия в вооружённых и «территориальных» структурах.*

В ряде стран Латинской Америки общие нормы об организованных сообществах дополняются специальными составами, нацеленными на банды и вооружённые формирования, контролируемые территории и население. На фоне высокой преступности и влияния наркокартелей ответственность за участие в таких структурах нередко усиливается, особенно при наличии оружия, военизированной иерархии, территориального контроля, насилия и коррупционных связей. Специальное законодательство о борьбе с организованной преступностью и отмыванием доходов закрепляет расширенную конфискацию и особые режимы расследования (внедрение, защита свидетелей, «контролируемые поставки»). Одновременно сохраняется риск «милитаризации» уголовной политики и ослабления процессуальных гарантий, что подчёркивает зависимость эффективности от баланса репрессии и гарантий [3, с. 270].

Сопоставление зарубежных подходов к регулированию позволяет выделить ряд параметров, по которым различаются модели ответственности за бандитизм и за преступные сообщества (преступные организации):

1) Объект криминализации: «вооружённая банда» либо «преступная организация как предприятие». В юрисдикциях, где исторически доминируют вооружённые нападения и территориальное насилие, чаще формируется самостоятельный состав, ориентированный на банду/вооружённую группу. При приоритете противодействия «криминальному бизнесу» акцент смещается на организацию как устойчивую структуру, извлекающую доход из систематической преступной деятельности, в том числе без постоянного применения насилия.

2) Порог вмешательства: возможность пресечения на ранней стадии и необходимость доказывания конкретных эпизодов. Французская модель «объединения для подготовки преступлений» и англо-американская конструкция «сговора» расширяют возможности раннего вмешательства. Континентальные модели «преступной организации» также допускают привлечение за участие при доказанности устойчивости и преступных целей, однако судебная практика, как правило, требует достаточно определенных признаков организационной структуры, чтобы ограничить риск чрезмерного расширения уголовной репрессии.

3) Формализация критериев устойчивости и структуры. Часть правовых порядков закрепляет детализированные признаки (устойчивость, иерархия, распределение ролей, конспирация), другие используют более гибкие категории («предприятие», «паттерн» преступлений). Гибкость повышает адаптивность к сетевым формам организованной преступности, но может снижать предсказуемость правоприменения.

4) Санкционная политика и «экономическое обезоруживание». Во многих развитых моделях ключевую роль играют конфискация и финансовые расследования: лишение организации экономической базы зачастую эффективнее подрывает её устойчивость, чем изоляция отдельных участников. Наиболее выраженную ориентацию на изъятие активов демонстрируют Италия и США; опыт Великобритании подтверждает системообразующее значение конфискационных механизмов в противодействии организованной преступности.

5) Специальные процессуальные инструменты. Противодействие преступным организациям обычно сопровождается расширением следственных возможностей (прослушивание, контроль коммуникаций, внедрение, контролируемые закупки/поставки, защита свидетелей, стимулирование сотрудничества обвиняемых). Это повышает эффективность раскрытия, но требует развитого судебного контроля и гарантий прав участников процесса для минимизации злоупотреблений.

Итак, зарубежное уголовное законодательство демонстрирует устойчивую тенденцию: противодействие организованной преступности все чаще основывается не только на преследовании отдельных деяний, но и на криминализации участия в устойчивых криминальных структурах, рассматриваемых как самостоятельная угроза общественной безопасности и правопорядку. При этом «бандитизм» в узком смысле (вооружённая устойчивая группа, создаваемая для нападений) более типичен для систем, где исторически акцентировались насильственные формы групповой преступности. В государствах с развитой экономической криминализацией и ориентацией на «криминальное предпринимательство» фокус, напротив, смещается к преступной организации как «предприятию» либо устойчивой сети.

Наиболее результативные модели, по данным сравнительного анализа, обычно сочетают: (1) чёткие критерии разграничения преступной организации и простого соучастия; (2) возможность раннего пресечения посредством ответственности за организацию, участие и содействие; (3) развитые механизмы конфискации и финансового контроля; (4) процессуальные гарантии и судебный надзор, обеспечивающие законность применения специальных методов расследования. Такой баланс превентивности и правовой определённости позволяет эффективно дезорганизовывать преступные сообщества при сохранении стандартов справедливого правосудия.

Литература:

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (Заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000 г.) (с изм. от 31.05.2001 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.
2. Курмаева Н. А., Малышкин П. В., Асанова И. П. Сравнительно-правовой анализ норм о бандитизме в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 551–554.
3. Лымарь В. И. Сравнительно-правовой анализ законодательства об уголовной ответственности за бандитизм отдельных европейских стран // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2019 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 269–271.
4. Никонорова Ю. В. Современные подходы квалификации бандитизма в уголовном праве России и в зарубежном законодательстве // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 62–65.
5. Сулайманова Б. К. Законодательство зарубежных стран об ответственности за бандитизм // Наука и новые технологии. 2009. № 8. С. 207–210.
6. Congressional Research Service. RICO: A Sketch (CRS Report 96–950). Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/96-950> (дата обращения: 18.12.2025).
7. España. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal, Art. 570 bis. Boletín Oficial del Estado (BOE). URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444> (дата обращения: 18.12.2025).
8. German Law Journal. Criminal Involvement in Terrorist Associations — Classification and Fundamental Principles of the German Criminal Code Section 129a StGB. Cambridge University Press (German Law Journal). URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/criminal-involvement-in-terrorist-associations-classification-and-fundamental-principles-of-the-german-criminal-code-section-129a-stgb/C1CC47173A94EBD742476E3B2363B45C> (дата обращения: 18.12.2025).
9. Italia. Codice penale, Art. 416bis (Associazioni di tipo mafioso anche straniere). Gazzetta Ufficiale (официальный текст). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaArticolo?art.versione=9&art.idGruppo=34&art.flagTipoArticolo=1&art.codiceRedazionale=030U1398&art.idArticolo=416&art.idSottoArticolo=2&art.idSottoArticolo1=10&art.dataPubblicazioneGazzetta=1930-10-26&art.progressivo=0 (дата обращения: 18.12.2025).

10. République française. Code pénal, Article 4501 (Association de malfaiteurs). Legifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000051741799 (дата обращения: 18.12.2025).
11. United Kingdom. Serious Crime Act 2015, Section 45 (Offence of participating in activities of organised crime group). Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/45> (дата обращения: 18.12.2025).

Современные вызовы международному гуманитарному праву: новые конфликты и технологии

Сагарев Иван Юрьевич, студент;
Шевченко Дмитрий Александрович, студент
Научный руководитель: Савушкин Дмитрий Алексеевич, ассистент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье исследуются актуальные вызовы, стоящие перед системой международного гуманитарного права (далее — МГП). Анализируются проблемы, порожденные распространением «гибридных» конфликтов и операций в киберпространстве, развитием автономных систем вооружения, а также регрессом в сфере запрета определенных видов оружия. Цель работы — систематизировать основные угрозы эффективности МГП и обозначить потенциальные направления для его дальнейшего развития и адаптации. Статья основана на анализе современных доктринальных подходов, материалов экспертных дискуссий и докладов международных организаций.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, гибридные конфликты, искусственный интеллект, автономные системы вооружения, киберпространство, реформа МГП, вызовы современности.

Современные вооруженные конфликты претерпели значительные изменения, бросив вызов устоявшимся нормам и принципам международного гуманитарного права. Как справедливо отмечается в шестом докладе МККК «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов», система МГП сталкивается с необходимостью применения к реалиям, которые не были в полной мере предвидены его создателями [1].

Одним из наиболее сложных вызовов для МГП является феномен так называемой «гибридной войны», который характеризуется сочетанием традиционных и нетрадиционных методов, включая использование нерегулярных вооруженных формирований, кибератак, информационно-психологических операций и экономического давления [5].

Установление ответственности государства за действия негосударственных акторов или группы хакеров часто представляет собой сложную задачу, что позволяет сторонам конфликта уклоняться от ответственности за нарушение норм МГП. Ярким примером является сложность привлечения к ответственности за военные преступления в киберпространстве, где установление виновной стороны технически затруднено [4].

Также особого внимания заслуживает квалификация конфликта как такового. Сложность в разграничении международного вооруженного конфликта (МВК) и вооруженного конфликта немеждународного характера (ВКНХ) в «гибридных» условиях ведет к неопределенности в отношении того, какие именно нормы МГП подлежат применению.

Военные преступления, совершаемые в киберпространстве, требуют переосмысления традиционных по-

нятий МГП. Кибератака на критическую инфраструктуру (например, объекты здравоохранения или системы водоснабжения) может привести к последствиям, сопоставимым с последствиями от применения обычного оружия. Вопросы, связанные с квалификацией кибератаки как «нападения» в смысле МГП, определением гражданского объекта в цифровой среде и обеспечением защиты гражданских лиц от последствий таких операций, остаются предметом активных дебатов среди государств и экспертов [1]. Эскалация подобных инцидентов, как сообщается в новостях ООН, приводит к гуманитарным катастрофам и нарушению прав человека [3].

На фоне технологического прогресса наблюдается тревожная тенденция регресса в области контроля над вооружениями. Возрастающая опасность применения ядерного оружия, а также ослабление режимов, запрещающих противопехотные мины и кассетные боеприпасы, создают прямую угрозу гражданскому населению и подрывают достижения прошлых десятилетий. Договоры, которые спасли бесчисленное количество жизней, рискуют потерять свою эффективность [1].

Параллельно с этим сохраняются и усугубляются традиционные гуманитарные последствия конфликтов. Тысячи людей пропадают без вести, дети разлучаются с семьями, а гражданское население сталкивается с масштабными разрушениями и нехваткой основных средств к существованию. Все это создает необходимость признания широкого спектра потребностей пострадавших и неукоснительного соблюдения МГП, в частности, баланса между принципами гуманности и военной необходимости [3].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что международное гуманитарное право сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, обусловленных изменением характера современных вооруженных конфликтов. Эти системные вызовы требуют консолидированного ответа международного сообщества, направленного на адаптацию правовых рамок к современным реалиям при сохранении фундаментальных принципов МГП [1, 5, с. 15].

В качестве направлений для укрепления МГП можно предложить следующее:

1. Разработка мягко-правовых инструментов, таких как руководства по толкованию норм МГП применительно к новым технологиям и «гибридным» операциям.

Это способствовало бы выработке согласованного подхода к ключевым стандартам [6].

2. Усиление междисциплинарного диалога между юристами, разработчиками технологий, военными специалистами и политиками для выработки практических решений, обеспечивающих соответствие новых видов вооружений и тактики ведения войны нормам МГП [1].

Несмотря на всю сложность текущей ситуации, МГП сохраняет свой фундаментальный потенциал. Его дальнейшая эффективность будет зависеть от способности государств, международных организаций и гражданского общества к консолидации и нахождению консенсуса в вопросах защиты человеческого достоинства в условиях вооруженного насилия [4].

Литература:

1. Современные вызовы международному гуманитарному праву и фокус внимания молодых ученых [Электронный ресурс] // Международный Комитет Красного Креста (МККК). — 2025. — URL: <https://www.icrc.org/ru/article/sovremennye-vyzovy-mezhdunarodnomu-gumanitarnomu-pravu-i-fokus-vnimanija-molodykh-uchenykh> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Украина: Координатор ООН в стране осудил удар по автомобилю гуманитарной организации в Константиновке [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 2025. — URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/law-and-crime-prevention> (дата обращения: 24.11.2025).
3. Судан: в ООН призывают международное сообщество действовать безотлагательно, чтобы остановить «кровавые бои и зверства» [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 2025. — URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/law-and-crime-prevention> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Международный уголовный суд продолжает борьбу с безнаказанностью, несмотря на угрозы [Электронный ресурс] // Новости ООН. — 2025. — URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/law-and-crime-prevention> (дата обращения: 24.11.2025).
5. Вирко Н. А. Международное право: учебное пособие. — М.: Научная книга, 2009. — 100 с.

Право на благоприятную окружающую среду: от разъяснений Верховного Суда к правоприменительной практике

Сагарев Иван Юрьевич, студент;

Шевченко Дмитрий Александрович, студент

Научный руководитель: Панина Мария Александровна, преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются актуальные проблемы судебной защиты одного из основных конституционных прав человека — права на благоприятную окружающую среду. Научная новизна публикации заключается в комплексном анализе правоприменительной практики, сформированной на основе ключевых позиций Верховного Суда РФ. Авторы выявляют системные проблемы, сохраняющиеся в данной сфере, такие как сложность доказывания причинно-следственной связи, определение размера вреда и доступности правосудия для граждан. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные меры по совершенствованию механизмов судебной защиты, включая возможные изменения в процессуальное законодательство и практику оценки доказательств.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, судебная защита, экологический вред, постановления Верховного Суда РФ, возмещение вреда, доказательства, доступ к правосудию, экологические иски.

Право на благоприятную окружающую среду, закрепленное в статье 42 Конституции Российской Федерации [1], является неотъемлемым элементом правового

статуса личности. Ключевым механизмом обеспечения этого права выступает эффективная судебная защита, которая, несмотря на усилия законодателя и разъяснения

высших судебных инстанций, продолжает сталкиваться с серьезными проблемами. Значительным шагом в формировании единообразных подходов к разрешению экологических споров стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее — Постановление № 49) [2].

Одной из основных проблем, на решение которой было направлено Постановление № 49, является бремя доказывания в экологических спорах. Верховный Суд указал, что при рассмотрении дел о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, действует презумпция причинно-следственной связи между действиями (бездействием) причинителя вреда и наступившими негативными последствиями [2]. Это означает, что именно ответчик обязан доказать отсутствие своей вины или наличие обстоятельств непреодолимой силы. Тем не менее, на практике истцам (гражданам, общественным организациям) по-прежнему приходится сталкиваться с необходимостью предоставления сложных и дорогостоящих доказательств — результатов экспертиз, заключений специалистов, данных мониторинга, что зачастую является для них непосильной задачей. Как верно отмечает С. А. Боголюбов, «слабая доказательственная база — основной бич экологического правосудия» [3].

Другой критически важный аспект судебной защиты — определение размера вреда. Постановление № 49 детализировало применение такс и методик исчисления вреда, а также допустило возможность использования для этих целей проектов рекультивации и восстановительных работ. Однако пробелы сохраняются. В частности, при причинении вреда компонентам окружающей среды, для которых не утверждены специальные методики (например, почвам определенного типа или отдельным видам биоразнообразия), суды зачастую оказываются в затруднительном положении. Это приводит либо к отказу в удовлетворении иска, либо к взысканию явно неадекватных, символических сумм. Анализ судебной практики по делам, рассмотренным после 2017 года, показывает, что подобные случаи нередки, особенно в регионах [5, с.17].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018. — № 1.
3. Боголюбов С. А. Экологическое право: учебник для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 435 с.
4. Бринчук М. М. Экологическое право: учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2021. — 670 с.
5. Игнатьева И. А. Проблемы определения размера вреда окружающей среде в судебной практике // Экологическое право. — 2023. — № 2. — С. 15–22.

Отдельного внимания заслуживает проблема доступа к правосудию для граждан и их объединений. Верховный Суд в Постановлении № 49 подтвердил право общественных организаций обращаться в суд с исками о прекращении деятельности, причиняющей вред окружающей среде, даже если эта деятельность формально соответствует нормативам, но при этом права граждан нарушаются (п. 9 Постановления). Тем не менее, на пути таких исков стоят процессуальные барьеры. Суды нередко требуют от общественных организаций доказывать, что их уставные цели непосредственно связаны с конкретным предметом спора, что противоречит разъяснениям Верховного Суда. Например, суды могут отказать в принятии искового заявления от экологической организации, если в ее уставе указана общая цель «охрана окружающей среды», без прямой ссылки на конкретный вид нарушений (например, защита от загрязнения воздуха), что создает необоснованный формальный барьер [6, с. 92].

Для преодоления указанных проблем представляется необходимым: во-первых, закрепить на законодательном уровне упрощенный порядок доказывания по экологическим искам, возложив на ответчика обязанность не только опровергнуть презумпцию своей вины, но и предоставить все необходимые данные о своем воздействии на окружающую среду. Во-вторых, активнее внедрять в судебную практику назначение комплексных судебных экологических экспертиз за счет средств федерального бюджета в случаях, когда бремя их оплаты является непосильным для истца-гражданина. В-третьих, предусмотреть возможность использования в суде расчетных методов при их отсутствии, и внести изменения в процессуальное законодательство, прямо запрещающие судам отказывать в принятии исков от общественных экологических организаций по формальным основаниям, связанным с их уставной деятельностью.

Реализация этих мер позволит не только повысить эффективность судебной защиты права на благоприятную окружающую среду, но и будет способствовать укреплению конституционной законности и реализации принципа доступности правосудия.

6. Кичигин Н. В. Доступ к правосудию по экологическим делам: новеллы законодательства и проблемы правоприменения // Журнал российского права. — 2022. — № 8. — С. 87–99.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс»

Цифровые активы в международном частном праве: современные вызовы и пути решения

Сагарев Иван Юрьевич, студент;
Шевченко Дмитрий Александрович, студент
Научный руководитель: Брыкина Софья Александровна, ассистент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу современных вызовов, связанных с регулированием цифровых активов в международном частном праве. Рассматриваются проблемы квалификации цифровых активов, определения применимого права, юрисдикции, признания и исполнения иностранных судебных решений. Особое внимание уделяется анализу международных документов, в частности Принципов УНИДРУА по цифровым активам и частному праву, а также судебной практике различных государств.

Ключевые слова: цифровые активы, международное частное право, блокчейн, смарт-контракты, УНИДРУА, применимое право, юрисдикция.

Стремительное развитие технологии распределенного реестра (DLT) и глобальное распространение цифровых активов коренным образом трансформируют финансовые и правовые ландшафты. Отсутствие единообразных подходов к квалификации, передаче и защите прав на цифровые активы порождает значительную правовую неопределенность, которая сдерживает инвестиции и инновации в цифровой экономике [1,2].

Фундаментальным вопросом, от решения которого зависит применение всего спектра гражданско-правовых норм (о собственности, залоге, наследовании, insolventcy), является квалификация цифрового актива. Мировая практика демонстрирует два основных подхода: в США суды и регуляторы пытаются подвести цифровые активы под действующие категории, такие как «ценная бумага» или «товар». Ключевым инструментом служит тест Хауи, неоднозначное применение которого к криптоактивам создает риски для инвесторов и препятствует развитию рынков [1]. Аналогичный подход, предполагающий применение законодательства о ценных бумагах к токенизированным активам по аналогии, исторически использовался и в других странах до принятия специального регулирования [3].

Ряд стран, включая Россию, Германию, Люксембург, Швейцарию, а также Европейский союз в целом, избрали путь создания специального законодательства для цифровых финансовых активов [3]. Этот подход направлен на учет уникальных характеристик DLT, таких как децентрализация и использование смарт-контрактов.

Особого внимания заслуживает эволюция английского права. В 2024 году Высокий суд Англии и Уэльса

в знаменитом деле *D'Aloia v Persons Unknown* [2024] EWHC 2342 (Ch) после детального анализа подтвердил, что криптовалюта (в данном случае Tether) constitutes property (является формой собственности) [2]. Данный вывод был сделан на фоне рассмотрения в парламенте законопроекта Property (Digital Assets etc) Bill, который предлагает закрепить цифровые активы в качестве «третьей формы» собственности наряду с вещами владения (choses in possession) и исками (choses in action) [2,4]. Принятие этого законопроекта, ожидаемое в 2025 году, не только устранил неопределенность, но и позволит общему праву развиваться с учетом специфики цифровых активов, не будучи скованным ложными аналогиями с традиционными категориями имущества [2].

Децентрализованная архитектура блокчейн-сетей делает классические коллизионные привязки, в первую очередь *lex rei sitae* (закон места нахождения вещи), малопригодными. Цифровой актив не имеет физического местонахождения, его «место» — абстракция [2]. В ответ на эту проблему Принципы УНИДРУА по цифровым активам и частному праву (май 2023 г.) предлагают новаторский «водопадный» (waterfall) метод определения применимого права [4]. В первую очередь подлежит применению право государства, которое, во-первых, явно указано в самом цифровом активе, а если такое указание отсутствует — указано в системе (например, блокчейне), в которой этот актив учтен. Если второй подход неприменим — рассматривается связь с эмитентом актива (при его наличии) [4]. Такой подход стимулирует создателей платформ и активов заранее определять применимое право, повышая предсказуемость.

Трансграничный характер активов крайне осложняет их защиту в суде и исполнение решений. В деле *Piroozzadeh v Persons Unknown* (2023) биржа Binance успешно аргументировала, что она функционирует подобно банку: активы депозиторов не сегрегированы, и у клиента возникает лишь договорное требование к бирже, а не вещное право на конкретные токены. Это ставит под сомнение возможность предъявления вещных исков к биржам [2]. Однако в деле *D'Aloia* суд постановил, что если бы истец смог проследить путь украденных токенов непосредственно на счет биржи, то у биржи было бы достаточно оснований знать о мошенничестве, чтобы нести ответственность за вывод средств [2].

В громком деле *Tulip Trading* ставился вопрос о том, несут ли разработчики ядра Bitcoin и майнеры обязанности по заботе (*duty of care*) перед владельцами криптовалюты, особенно в ситуациях, требующих вмешательства в код (например, для восстановления доступа). Хотя дело было урегулировано до суда, оно обозначило для участников рынка риски возможного признания таких обязанностей [2].

Преодоление правовой фрагментации требует комбинированных усилий на международном и национальном уровнях. Во-первых, следует рассмотреть вопрос о между-

народной гармонизацией материального права. Принципы УНИДРУА представляют собой наиболее комплексный на сегодняшний день инструмент. Они предлагают единообразные подходы к признанию вещных прав, контролю, кастидиальной деятельности, передаче прав и последствиям несостоятельности кастодиана [2,4].

Во-вторых, участники рынка могут снижать риски, разрабатывая лучшие практики (*best practices*) самостоятельно, используя стандартизированные смарт-контракты с встроенными юридическими условиями и четко определяя применимое право в своих системах, как это поощряется Принципами УНИДРУА [1,4].

Правовое регулирование цифровых активов находится в динамичном процессе становления. Противоречия между традиционными правовыми институтами и новой технологической реальностью преодолеваются через симбиоз международной гармонизации (Принципы УНИДРУА), развития национального законодательства (подходы Великобритании, ЕС, США) и формирования смелой судебной практики. Только сочетание этих элементов позволит создать стабильную, предсказуемую и инновационно-ориентированную правовую среду, необходимую для устойчивого развития глобальной цифровой экономики.

Литература:

1. Navigating Legal Challenges in the Digital Asset Space: Insights from Steve Wang // Caldwell. 2024
2. Digital Assets and Private Law // UNIDROIT. 2023
3. Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4
4. Global FinTech Series: 2024 review and 2025 outlook | Digital asset disputes // Norton Rose Fulbright. 2025

Административно-правовые механизмы обеспечения качества и безопасности продовольственной продукции

Садчиков Евгений Олегович, студент магистратуры
Донецкий государственный университет

В условиях усложнения производственно-сбытовых цепочек и роста объёма оборота пищевой продукции исследование административно-правовых механизмов обеспечения её качества и безопасности обусловлено необходимостью оценки эффективности государственного контроля и надзорных процедур на всех стадиях обращения.

Качество и безопасность пищевых продуктов напрямую связаны с охраной здоровья граждан, что закреплено в Конституции РФ как одно из основных прав. В ч. 2 ст. 7 провозглашено право каждого на охрану здоровья, ст. 41 возлагает на государство обязанности по финансированию федеральных программ в сфере здравоохранения, развитию государственных, муниципальных и частных

систем здравоохранения и обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия [1].

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет охрану здоровья как систему мер политического, экономического, правового, социального, медицинского и санитарно-противоэпидемического характера, направленных на профилактику заболеваний, укрепление здоровья, продление активной жизни и оказание медицинской помощи [2].

Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» закрепляет обеспечение санитарной безопасности как гарантию охраны здоровья [3]. Установлены требования к пищевым продуктам и технологиям их производства: продукция обязана удовле-

творять физиологические потребности человека и не причинять вред здоровью; товары, не соответствующие санитарно-эпидемиологическим нормам и представляющие опасность, подлежат изъятию из оборота либо уничтожению.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации определяет стратегическую цель как обеспечение населения безопасной сельскохозяйственной, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием [4]. Для достижения этой цели требуется контроль соответствия продукции агропромышленного комплекса, включая импорт, а также её транспортировки, хранения, переработки и реализации требованиям нормативных правовых актов.

Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» раскрывает качество как совокупность характеристик, удовлетворяющих потребности человека в пище при обычных условиях использования, а безопасность — как состояние обоснованной уверенности в отсутствии вреда для здоровья нынешнего и будущих поколений. Обязанности по обеспечению качества и безопасности возлагаются как на государство, так и на изготовителей и иных участников оборота, которые должны внедрять программы производственного контроля, охватывающие все технологические процессы [5].

Н. И. Волкова отмечает, что практика показала недостаточную результативность производственного контроля у части производителей вследствие субъективных и объективных факторов, включая реорганизации и банкротства компаний [6, с. 89].

Контроль включает проверки соблюдения требований законодательства, экспертизы и исследования продукции, оценку условий производства, перевозки и хранения, выявление причин заболеваний, связанных с употреблением пищи, и применение мер административной ответственности за нарушения.

С 2010 г. соответствующие требования закрепляются в технических регламентах Таможенного союза. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» определяет безопасность как состояние, исключающее недопустимый риск вредного воздействия на здоровье человека и будущие поколения, и раскрывает вредное воздействие как влияние неблагоприятных факторов, связанных с контаминантами и загрязнителями, создающими угрозу жизни и здоровью [7].

Мониторинг представляет собой систему наблюдения, анализа и оценки качества пищевых продуктов, их соответствия обязательным требованиям, а также состояния питания и здоровья граждан. Он осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях и включает сбор и обработку данных, доведение информации до заинтересованных органов публичной власти и подготовку предложений по реализации государственной политики здорового питания и предотвращению оборота некачественной и опасной продукции.

Повышение результативности управления качеством обусловило принятие Стратегии повышения качества пищевой продукции в РФ до 2030 года, в которой отмечается несовершенство правовых и организационных механизмов и наличие на рынке продукции, включая фальсификат, не отвечающей потребностям населения и влияющей на здоровье [8]. Регулирование дополняется актами субъектов РФ, устанавливающими меры по обеспечению качества и безопасности продукции, при этом во многих регионах специальные нормы отсутствуют, что формирует неоднородность практики; порядок контрольно-надзорной деятельности определяется на федеральном уровне, а на региональном уровне применяются стимулирующие инструменты, включая добровольную маркировку, создание уполномоченных организаций и учреждение премий качества с информированием потребителей о характеристиках продукции.

А. И. Мордвинцев отмечает, что одновременно реализуются организационные меры: стратегическое планирование через разработку и исполнение региональных государственных и ведомственных программ за счёт средств бюджета субъекта; защита прав потребителей; повышение конкурентоспособности; внедрение инноваций и международных стандартов менеджмента качества и безопасности; формирование условий для выпуска безопасной продукции [9, с. 56].

Эффективное обеспечение качества и безопасности пищевых продуктов предполагает постоянный мониторинг показателей продукции и состояния здоровья населения, а также системное информирование граждан через СМИ и сеть «Интернет» о рисках, связанных с употреблением продукции, содержащей ГМО, пищевые добавки и иные вещества, влияющие на здоровье, с одновременным развитием добровольной сертификации, внедрением международных стандартов управления качеством и проведением просветительских и консультационных мероприятий; в субъектах РФ для координации взаимодействия органов власти, федеральных структур, производителей и научных организаций создаются экспертно-совещательные органы, деятельность которых охватывает анализ качества и безопасности, подготовку мер по пресечению оборота фальсифицированной и небезопасной продукции, совершенствование нормативной базы и лабораторной инфраструктуры и информирование населения, при этом их полномочия целесообразно унифицировать на федеральном уровне путём систематизации и закрепления в ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов» перечня форм участия субъектов РФ.

Несмотря на расширение правового регулирования и применение мер административно-правового воздействия, сохраняются случаи фальсификации продовольствия, включая замену молочных жиров растительными. По результатам лабораторных исследований Россельхознадзора в июле 2025 г. нарушения выявлены в мясной и молочной продукции восьми российских производи-

телей из реестров экспортеров и Таможенного союза: в продукции ООО «Комбинат Дубки» установлено наличие незаявленных компонентов (включая ДНК птицы и сою), что повлекло временное ограничение экспорта, а в товарах АО «Останкинский МПК» и ООО «МПК Потапино» обнаружены запрещённые вещества, антибиотики и микроорганизмы [10].

Система исследований Роспотребнадзора по санитарно-химическим и санитарно-микробиологическим показателям позволяет выявлять несоответствия, отслеживать частоту, уровни и динамику загрязнения продовольственного сырья и готовой продукции, что служит профилактике заболеваний и укреплению здоровья населения. Дополнительное значение имеет административная ответственность, установленная гл. 14 КоАП РФ, предусматривающая санкции за продажу товаров ненадлежащего качества, нарушение требований технических регламентов и выпуск в обращение продукции, не соответствующей обязательным нормам [11].

В Доктрине продовольственной безопасности отсутствует прямое указание на необходимость обеспечивать качество и безопасность пищевых продуктов; акцент сделан на требовании соответствия продукции законодательству о техническом регулировании, что придаёт приоритет нормам Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», который определяет порядок установления требований к качеству и безопасности пищевой продукции, регламентирует контрольно-надзорные процедуры и предусматривает ответственность за их нарушение [12]. Согласно ст. 2 указанного закона безопасность продукции и связанных с ней процессов определяется как со-

стояние отсутствия недопустимого риска причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, окружающей среде, а также жизни и здоровью животных и растений.

При том что здоровье граждан зависит и от безопасности, и от качества пищи, регулирование по модели технического регулирования гарантирует лишь право на безопасность, исключая право на качество из числа обязательных гарантий. Указанный подход диссонирует с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 41, ч. 2 ст. 55), запрещающей издание законов, умаляющих права и свободы, и не согласуется с Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [13], в котором права на качество и на безопасность определены как самостоятельные и равнозначные.

Подтверждение соответствия осуществляется в формах сертификата либо декларации и ограничивается минимально необходимыми требованиями технических регламентов. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [14] сохранил принцип добровольности применения документов по стандартизации.

Таким образом, административно-правовые механизмы обеспечения качества и безопасности продовольственной продукции опираются на конституционную гарантию охраны здоровья и реализуются через нормы специального федерального законодательства, предусматривающие установление обязательных требований к продукции и процессам, производственный контроль у изготовителей, государственный санитарный и ветеринарный надзор, мониторинг качества и состояния здоровья населения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 15. — Ст. 1447.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 14. — Ст. 1650.
4. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 4. — Ст. 319.
5. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 2. — Ст. 150.
6. Организация федерального государственного ветеринарного надзора в регионах России: учебное пособие / Н. И. Волкова, Д. А. Померанцев, Ю. В. Пашкина, А. А. Алиев, С. А. Смолькина, В. В. Сочнев. — Н. Новгород: НГСХА, СПб: ФГБОУ ВО СПГУВМ / «БИКАР», 2020. — 188 с.
7. Решение Комиссии Таможенного союза ЕврАзЭС от 09.12.2011 № 880 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.12.2025).
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р «Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.12.2025).
9. Стратегическое планирование регионального развития: учебное пособие / под ред. А. И. Мордвинцева; Волгоградский институт управления. — Волгоград: РАНХиГС, 2022. — 111 с.

10. Россельхознадзор выявил несоответствия в мясной и молочной продукции 8 российских производителей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://fsvps.gov.ru/> (дата обращения: 17.12.2025).
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
12. Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 52. — Ст. 5140.
13. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
14. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 27. — Ст. 3953.

Задержание транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, направленная на ограничение имущественных прав

Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент;
Коршунова Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются особенности задержания транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, направленная на ограничение имущественных прав; даются функциональные характеристики данной меры.

Ключевые слова: задержание транспортного средства, транспортное средство, административное правонарушение, ограничение.

Формирование и развитие общества, равно как и государства, неразрывно связаны с правовыми ограничениями, которые представляют собой совокупность правовых норм и мер, направленных на регулирование общественных отношений с целью предотвращения противоправной деятельности и поддержания баланса интересов граждан и государства [4]. В качестве одного из таких инструментов выступает задержание транспортного средства. Оно является существенным механизмом административного права, призванным обеспечить эффективное ведение дел об административных правонарушениях.

Основным нормативным актом, регламентирующим задержание транспортного средства, является Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). В ст. 27.13 дается правовая основа задержания транспортного средства, цель задержания; указываются лица, уполномоченные принимать решения о задержании и его прекращении, о возврате транспортного средства. В данной статье также даются требования к оформлению протокола о задержании транспортного средства [1].

Задержание транспортного средства представляет собой правомерное ограничение имущественных прав владельца или пользователя, в связи с совершением им административного правонарушения. Практическая значимость этой меры проявляется в возможности обеспе-

чения явки нарушителя, сохранения доказательной базы и своевременного рассмотрения дела, однако, при этом вызывает вопросы законность и пропорциональность ее применения, что отражается в судебной практике. Поэтому изучение и совершенствование правовых основ задержания транспортного средства необходимо для повышения эффективности административного процесса и защиты общественного порядка.

Согласно ст. 27.13 КоАП РФ административное задержание транспортного средства характеризуется следующими особенностями:

1. Цель задержания — обеспечение производства по делу об административном правонарушении, предотвращение дальнейших правонарушений или уклонения от административного наказания.

2. Основания для задержания — наличие достаточных оснований полагать, что транспортное средство использовалось при совершении административного правонарушения, либо при наличии иных обстоятельств, предусмотренных действующим законодательством (например, нарушение правил остановки).

3. Срок задержания — конкретный срок не устанавливается, Действующее законодательство лишь устанавливает, что ТС может храниться на специализированной стоянке с момента составления протокола и возвращается незамедлительно после устранения причины задержания, а в ряде случаев после уплаты штрафа [1].

4. Процедура оформления — обязательное составление протокола задержания с указанием причин и времени и передаче его владельцу или лицу, управлявшему транспортным средством.

5. Право на обжалование — лицо, чье транспортное средство задержано, имеет право обжаловать действия должностных лиц в установленном законом порядке.

6. Возврат транспортного средства — после устранения оснований для задержания и по решению уполномоченного должностного лица транспортное средство должно быть возвращено владельцу без необоснованных проволочек.

7. Особенности применения — задержание возможно только в случаях, прямо предусмотренных КоАП РФ и должно выполняться с учетом принципов законности и соразмерности.

Основные категории административных правонарушений, при которых применяется задержание ТС:

1. Нарушения ПДД (статьи 12.1, 12.2, 12.5 КоАП РФ и другие).

2. Нарушения, касающиеся эксплуатации ТС.

3. Нарушения экологического законодательства.

4. Нарушения таможенного законодательства.

Исходя из сказанного, административное задержание транспортного средства характеризуется как:

– пресекательная мера, т. к. применяется для пресечения правонарушения и предотвращения последующих, и в то же время обеспечительная мера, которая позволяет выяснить все обстоятельства правонарушения, оформить необходимые материалы и обеспечить надлежащее рассмотрение дела в отношении виновных лиц [5];

– временное ограничение, т. к. транспортное средство находится на специализированной стоянке с момента составления протокола до устранения оснований для задержания или по решению суда;

– публичное административно-правовое ограничение, т. к. применяется в рамках публично-правовых отношений государственными органами и является инструментом административного воздействия;

– имущественное ограничение, т. к. затрагивает право собственности или хозяйственного управления, ограничивая возможность распоряжаться и использовать транспортное средство в период задержания.

В связи с этим, можно сказать, что административное задержание транспортного средства имеет следующие функциональные характеристики:

– во-первых, административное задержание транспортного средства предусмотрено в действующем законодательстве и обладает императивным характером, т. к. применение анализируемых мер не допускается произвольно и может осуществляться исключительно в соответствии с нормами права;

– во-вторых, административное задержание транспортного средства связано с возможностью обеспечения посредством государственного принуждения, т. к. реализация данных правовых ограничений направлена на защиту публичного интереса и обеспечение законности;

– в-третьих, в административном праве меры административного принуждения делятся на четыре основные группы:

1) меры административного предупреждения, которые направлены на предупреждение правонарушений;

2) меры административного пресечения, которые применяются для немедленного прекращения противоправных действий;

3) меры административно-процессуального обеспечения, которые обеспечивают производство по делам об административных правонарушениях;

4) административное наказание, которое применяется как взыскание за совершенное правонарушение [3].

КоАП РФ относит задержание транспортного средства и запрещение его эксплуатации к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях;

– в-четвертых, административное задержание транспортного средства связано с ограничением определенных гражданских прав и возможностей реализовать законные интересы, т. к. правовые ограничения фактически сужают степень свободы субъекта в использовании им прав и свобод, вводя запреты, обязанности или регламентацию поведения.

Итак, административное задержание транспортного средства направлено на достижение социального регулирования, защиты прав и свобод других лиц, общественного порядка, безопасности и общественно значимых интересов. Причем данная мера не применяется произвольно, она должна быть оправданной и соразмерной совершенному нарушению.

Стоит отметить, что в российском законодательстве санкции за преступления и административные правонарушения в области безопасности дорожного движения не предусматривают изъятия транспортного средства у владельца. В связи с чем, лица, в отношении которых применяется такая мера как задержание транспортного средства, считают, что они подверглись необоснованному наказанию.

Однако, с точки зрения Конституционного Суда РФ, изъятие материальных объектов собственности в качестве процессуальной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях ограничивает право собственника лишь в части владения, пользования и распоряжения имуществом и не приводит к переходу права собственности к государству, поэтому такое изъятие производится без судебного решения, что не препятствует его обжалованию в суде [2].

Таким образом, задержание транспортного средства — это временная мера процессуального характера, применяемая для обеспечения надлежащего рассмотрения дела об административном правонарушении, она ограничивает права собственника транспортного средства исключительно в части владения, пользования и распоряжения им без перехода права собственности к государству.

В своей сути задержание транспортного средства представляет собой пресекательную меру; временное, пуб-

личное административно-правовое и имущественное ограничение, сочетающее в себе оперативность пресечения правонарушения, направленное на обеспечение эффективности административного производства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 116-О URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26012017-n-116-o/> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Административное право: учебник для вузов / под общей редакцией А. В. Зубача. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 530 с.
4. Исаев В. М. Административно-правовое регулирование задержания и запрещения эксплуатации транспортного средства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2011. — 35 с.
5. Соколов А. Ю. Задержание транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. // Вестник СГАП. — 2012. — № 1(83). — С. 80–84.

Защита персональных данных работника в условиях цифровизации: баланс интересов и пределы контроля работодателя

Серова Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Якушенко Светлана Михайловна, старший преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются актуальные проблемы защиты персональных данных работников в контексте внедрения современных цифровых технологий контроля со стороны работодателя. Рассматриваются правовые аспекты применения видеонаблюдения, биометрических систем и отслеживания геолокации. Исследуется конфликт между правом работника на частную жизнь и законными интересами работодателя по обеспечению безопасности. Проводится анализ судебной практики и юридических последствий нарушений законодательства о персональных данных.

Ключевые слова: *персональные данные, трудовое право, цифровизация, видеонаблюдение, биометрия, геолокация, право на частную жизнь, конфликт интересов, защита прав работника.*

В эпоху повсеместной цифровизации трудовые отношения претерпевают кардинальные изменения. Работодатели все активнее внедряют технологические решения для оптимизации бизнес-процессов, контроля за качеством выполнения трудовых функций и обеспечения безопасности. Видеоконтроль, системы биометрической идентификации и GPS-трекинг становятся обыденностью во многих организациях. Однако эти инновации порождают острый правовой и этический конфликт, ставя во главу угла вопрос о пределах вмешательства в частную жизнь работника.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами:

1. Технологический прогресс: Новые способы контроля появляются очень быстро, а законы не успевают за ними меняться, из-за чего возникают пробелы и неясности в регулировании.
2. Изменение формата труда: Массовый переход на удаленную работу и сочетание офиса с работой из дома размывает границы между работой и личной жизнью, что усложняет решение вопроса о допустимости контроля [11, с. 44].
3. Рост правосознания работников: Сотрудники становятся более осведомленными о своих правах, что при-

водит к увеличению числа трудовых споров, связанных с обработкой их персональных данных.

Таким образом, исследование баланса между правом работодателя на контроль и правом работника на неприкосновенность частной жизни является одной из наиболее значимых и перспективных задач современной науки трудового права.

Цель данной статьи — проанализировать правовые рамки использования цифровых средств контроля, выявить критерии их законности и предложить пути гармонизации интересов сторон трудового договора.

Правовую основу защиты персональных данных работника составляют Конституция РФ (ст. 23, 24) [1], глава 14 Трудового кодекса РФ [2] и Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [6].

Однако общие нормы не всегда дают прямой ответ на вопросы, связанные с применением конкретных технологий. Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе трех ключевых технологий контроля через призму принципа пропорциональности и сложившейся судебной практики, а также в разработке практических рекомендаций для работодателей.

Законность видеонаблюдения напрямую зависит от цели установки и соблюдения процедур.

Законные цели: Контроль сохранности имущества, обеспечение производственной безопасности, фиксация нарушений трудовой дисциплины.

Незаконные цели: Скрытое наблюдение, контроль в местах отдыха (раздевалки, комнаты приема пищи), тотальный контроль без конкретной цели.

Скрытое видеонаблюдение, установка камер в местах отдыха (раздевалках, столовых) и тотальный контроль без конкретной цели запрещены в силу следующих правовых норм:

1. Частное пространство работника защищено ст. 23 Конституции РФ.

2. Работодатель обязан уведомлять работников о видеонаблюдении (ст. 22, 68 ТК РФ); ведение скрытого наблюдения недопустимо.

3. Принцип соразмерности контроля закреплён в ст. 5 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»: допустимо только то наблюдение, которое необходимо для достижения конкретной, законной цели.

Данные ограничения подтверждаются и судебной практикой, согласно которой вмешательство в личную жизнь работника, а также наблюдение без уведомления признаются незаконными.

Логическая аргументация и судебная практика: Ключевым условием законности является уведомление работников о ведении видеонаблюдения под роспись. Локальный нормативный акт должен четко определять цели, места установки камер и порядок доступа к записям. Суды при рассмотрении споров оценивают, в первую очередь, пропорциональность контроля заявленной цели.

Пример из практики: В Определении Московского городского суда от 10.08.2017 г. по делу № 33–31346/17 суд признал увольнение работника законным, поскольку работник был уведомлен о видеонаблюдении, а его целью был контроль за соблюдением кассовой дисциплины [7].

К биометрии относятся сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека. Согласно ст. 11 ФЗ-152, их обработка возможна только с письменного согласия субъекта.

Дискуссионный аспект: может ли работодатель принудить сотрудника предоставить биометрические данные? Как отмечает Л. А. Чиканова, «согласие работника должно быть не только письменным, но и свободным, конкретным и информированным» [12, с. 95]. Принуждение к даче такого согласия недопустимо, если обработка биометрии не является обязательной в силу закона. Работодатель обязан предложить альтернативный способ идентификации (например, пропуск-карту).

В соответствии с ч. 1 ст. 86 Трудового кодекса РФ, работодатель вправе обрабатывать биометрические персональные данные работника только с его письменного согласия. В случае отказа работника использовать биометрические данные (например, при доступе к рабочим помещениям), работодатель обязан предложить альтерна-

тивный способ идентификации, не связанный с обработкой биометрии, например, использование пропуск-карты/.

Пример из практики: в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 26.04.2018 № 33–8473/2018 суд поддержал работника, отказавшегося предоставить отпечатки пальцев, указав на отсутствие у работодателя права требовать их в безальтернативной форме.

Контроль местоположения работников (например, водителей, курьеров) должен быть напрямую связан с выполнением их трудовой функции.

Логическая аргументация: Законность такого контроля зависит от того, является ли он неотъемлемой частью должностных обязанностей, прописанных в трудовом договоре или должностной инструкции [8].

Законно: отслеживать геолокацию служебного автомобиля в рабочее время для оптимизации маршрутов.

Незаконно: отслеживать геолокацию личного телефона офисного работника или продолжать трекинг после окончания рабочего дня.

В основе проблемы лежит фундаментальный конфликт: безопасность компании vs право на приватность.

Ведение дискуссии: Поиск баланса — это установление четких границ допустимого. Универсальным критерием выступает принцип пропорциональности, который требует, чтобы вводимая мера контроля была целесообразной, необходимой и соразмерной степени вмешательства в частную жизнь работника [9, с. 15].

Несоблюдение законодательства о персональных данных влечет за собой серьезные риски:

1. В КоАП РФ статьёй 13.11 предусмотрен целый ряд существенных штрафов в сфере административного права.

2. Нормы гражданского права позволяют работнику затребовать компенсацию за моральный вред, опираясь на статьи 151 и 1101 ГК.

3. Согласно статье 137 Уголовного кодекса, незаконный сбор персональных данных влечёт уголовную ответственность.

4. Общественное негативное освещение в СМИ может существенно навредить деловой репутации компании.

В современную цифровую эпоху критично обеспечить эффективную защиту персональных данных в процессе регулирования трудовых отношений.

1. Принцип соразмерности следует считать ключевой основой законности использования цифровых средств контроля.

2. Для обеспечения прозрачности обработки данных, работодателю рекомендуется закрепить соответствующие процедуры в локальных нормативных документах.

3. Интересным направлением будущих исследований является развитие законодательства относительно новых видов контроля с применением искусственного интеллекта для оценки результативности труда.

В центральном противоречии рассматриваемой темы сочетаются требования по обеспечению безопасности предприятия и защите права на личное пространство. Решение этого конфликта предполагает четкое очерчивание границ

приемлемых мер контроля. Для выработки подходов опираются на принцип пропорциональности, который предполагает, что меры надзора должны строго соответствовать целям безопасности, быть необходимыми и соразмерными ограничениям, накладываемым на права работников.

Для практического применения этого принципа предлагается следующий механизм:

1. Разработка «Карты законности цифрового контроля».

Этот инструмент в виде чек-листа или таблицы поможет работодателю определить пределы своей компетенции и разграничить допустимые и недопустимые методы сбора данных.

2. Внедрение детализированного Локального нормативного акта (ЛНА).

Чтобы минимизировать риски, работодателю следует разработать и утвердить единый ЛНА, например, «Положение об использовании систем цифрового контроля и обработке персональных данных работников». Предлагается включить в него следующие разделы:

1. Цели и основания: Четкое обоснование введения контроля (например, «для предотвращения хищений товарно-материальных ценностей», «для обеспечения безопасности на производстве»).

2. Виды и порядок контроля: Детальное описание используемых технологий, мест установки камер, перечень должностей, подпадающих под контроль.

3. Регламент доступа и хранения: Указание круга лиц, имеющих доступ к данным, порядка их использования (только в служебных целях) и конкретных сроков хранения с последующим уничтожением.

4. Права и обязанности сторон: Закрепление обязанности работодателя уведомить работника и права работника на ознакомление с собранной о нем информацией.

Риски для работодателя при несоблюдении баланса.

Несоблюдение законодательства о персональных данных влечет за собой серьезные риски:

1. Административная ответственность: В соответствии со статьёй 13.11 КоАП РФ предусматривается наложение существенных административных штрафов.

2. Гражданская ответственность: Сотрудник наделён правом подачи иска о возмещении морального вреда на основании статей 151 и 1101 Гражданского кодекса РФ.

3. Уголовная ответственность: Незаконное получение персональных данных карается уголовно по статье 137 УК РФ.

4. Репутационные риски: Общественный резонанс может существенно подорвать репутацию организации.

В условиях цифровой эпохи охрана конфиденциальных данных в трудовой сфере требует интегрированного и тщательно выстроенного регуляторного механизма.

1. Ключевой доктринальный принцип законности цифрового контроля — это соблюдение принципа пропорциональности.

2. Рекомендуется, чтобы работодатели разработали прозрачную политику обработки персональных сведений, отражённую в локальных нормативных актах с учётом всех важных деталей.

3. Для эффективного развития правоприменительной практики важно тщательное изучение законодательства в отношении новых способов контроля, например, с использованием искусственного интеллекта для анализа производительности труда.

Основная проблема выбора связана с глубоким противоречием между потребностью организации в обеспечении безопасности и стремлением работников к защите личной жизни. Для достижения баланса требуется издать нормативный акт, определяющий рамки приемлемого поведения. При этом ключевым ориентиром служит принцип соразмерности: меры контроля должны быть обусловлены конкретными целями и ограничены по объёму и степени вмешательства в персональные данные сотрудников.

Только при гармоничном соблюдении этих условий возможно построение справедливых и эффективных трудовых отношений в цифровую эпоху. Перспективным направлением для дальнейших исследований является анализ правового регулирования новых форм контроля, таких как использование искусственного интеллекта для анализа продуктивности.

Таблица 1. Карты законности цифрового контроля

Вид контроля	Что можно отслеживать (Компетенция работодателя)	Что нельзя отслеживать (Превышение компетенции)	Обязательное условие
Видеонаблюдение	Качество обслуживания клиентов, соблюдение техники безопасности, сохранность имущества.	Места отдыха, личные разговоры, скрытое наблюдение без законных оснований.	Уведомление под роспись и наличие ЛНА с указанием целей и мест.
Биометрия	Доступ в помещения с особым режимом (если требуется по закону или для безопасности).	Использование как единственный способ учета рабочего времени без альтернативы.	Свободное письменное согласие работника и наличие альтернативного способа идентификации.
GPS-трекинг	Местоположение служебного транспорта в рабочее время для выполнения должностных обязанностей.	Местоположение личного телефона/автомобиля, отслеживание в нерабочее время.	Прямая связь с трудовой функцией, закреплённая в трудовом договоре или ЛНА.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
7. Определение Московского городского суда от 10.08.2017 г. по делу № 33–31346/17 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Трудовой кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями). — М.: Проспект, 2024. — Ст. 86.
9. Архипов В. В. Принцип пропорциональности в регулировании трудовых отношений в цифровую эпоху // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 15–18.
10. Гусов К. Н. Трудовое право России: Учебник / под ред. К. Н. Гусова. — М.: Проспект, 2021. — 640 с.
11. Лютов Н. Л. Дистанционный труд: опыт и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 44–52.
12. Чиканова Л. А., Серегина Л. В. Правовое регулирование защиты персональных данных работника: современные вызовы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 95–108.

Совершение преступлений несовершеннолетними лицами. Анализ проблематики через психолого-педагогический и правовой аспекты

Смирнов Александр Викторович, преподаватель
Вологодский кооперативный колледж

В статье автор исследует проблематику природы и динамики преступности среди несовершеннолетних лиц. В данной статье автор приходит к выводу о росте количества преступлений среди несовершеннолетних, а также приводит выводы и рекомендации по преодолению указанных в статье проблемных аспектов.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, противоправное поведение, преступная деятельность, законопослушное поведение.

Преступность несовершеннолетних представляет особую угрозу для общества, не только в связи с негативным влиянием на общий уровень общественного порядка и безопасности в стране, но и в связи с риском пополнения в ближайшем будущем общества лицами с устойчивой преступной направленностью. Необходимость комплексного подхода к данной проблеме, разработка более эффективных мер профилактики и противодействия преступности среди несовершеннолетних особенно остро назрела в настоящее время.

Рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, является одной из самых актуальных общественных проблем на данный момент.

Актуальность дискуссии по данной проблематике вновь была обозначена как приоритетная в 2025 году на уровне руководства Следственного Комитета Российской Федерации. По информации председателя Следственного комитета России Александра Бастрыкина, в 2025 году более 14 тыс. подростков совершили преступления, особенно отмечен рост подростковой преступности. [1]

Согласно официальным данным на конец 2024 года, опубликованным на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в Отчёте о составе осуждённых на месте совершения преступления за 12 месяцев 2024 года, общее количество несовершеннолетних осуждённых по всем составам УК РФ лиц, составило 11 944 человека. [2]

В СКР указали также на увеличение числа детей, не достигших к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности.

Кроме того, прослеживается «устойчивая динамика» роста числа детей, совершающих преступления в составе организованной группы или преступного сообщества. Всем известно, что, например, в последнее время мошенники все чаще превращают подростков в преступников-дропперов.

Стоит более подробно раскрыть определение понятия, используемого в криминологической практике, как «Дроппер» (сокращённо «Дроп»). Это подставное лицо, как правило, социально уязвимое, используемое для обналаживания или перевода нелегально полученных денежных средств, а также для прикрытия деятельности реальных криминальных элементов.

Подростковая преступность принимает рецидивный, устойчивый характер. Часто совершаемые подростками преступления выходят за пределы мелких хулиганств и становятся наиболее социально опасными: квартирные кражи, разбойные нападения, грабежи, влекущие за собой не только имущественный ущерб, но и причинение телесного вреда, насилие, операции с наркотиками, жестокие убийства, киберпреступления, финансовые преступления.

Правонарушения несовершеннолетних носят специфический характер, который проявляется в комплексе причин и мотивации формирования подобного поведения, некоторые особенности обусловлены личностными характеристиками.

Психолого-педагогический аспект совершения преступлений несовершеннолетними включает изучение причин противоправного поведения, особенностей личности несовершеннолетнего преступника и влияния окружающей среды на формирование противоправного поведения. Анализ этого аспекта важен для формирования эффективных мер профилактики преступлений среди несовершеннолетних.

Девиантное поведение несовершеннолетних, склонность к совершению преступлений, прежде всего, связаны с их личностными качествами, психологическими особенностями, проявляющимися в силу их возраста, отсутствием полной дееспособности. Такие личностные качества, как импульсивность, несдержанность, стремление быть «как все», приспособляемость к мнению большинства, внушаемость, ранимость и т. д., присущи многим, но все-таки далеко не все становятся преступниками.

Важно, эти личностные качества направить «в правильное русло», ведущее к созиданию, а не к разрушению личности. Своевременно поддержать, поощрить за приложенные усилия, не критиковать подростков за их своеобразное видение мира и, возможно, в чем-то не схожее с общепризнанными нормами поведения, помочь разобраться, чтобы появилась вера в собственные силы, стремление к успеху, мотивировать на преодоление жизненных трудностей и самостоятельное решение проблем.

Часто у подростков происходит деформация нравственных установок, искажённое представление о мо-

ральных понятиях, например, они смешивают «настойчивость» и «упрямство», «смелость», часто ими движет жажда авантюры, стремление к самоутверждению, и как результат, неоправданно рискованное поведение, ведущее к правонарушениям и преступлениям, так как любая противоправная деятельность подразумевает риск.

Незрелость и искажённое представление о системе правовых запретов в обществе, неспособность регулировать свои потребности приводят к тому, что следование антиобщественным формам поведения для несовершеннолетних представляется наиболее лёгким и удобным вариантом существования. И если рядом, в ближайшем окружении, оказываются мнимые авторитеты, как правило старшего возраста, с криминальным прошлым, то склонить на преступный путь неадаптированного к жизни ребенка не составляет особого труда.

Таким образом, ближайшее окружение несовершеннолетних играет огромную роль в формировании их личности.

И это окружение, прежде всего, — семья. Отрицательный пример родителей и других членов семьи оказывает большое влияние на проявление противоправного поведения детей. Довольно часто родители, совершая преступления, вовлекают в свою преступную деятельность и своих детей. Ребенок подсознательно копирует отрицательный пример взрослых, модель их поведения, пытается во всем им соответствовать.

В случаях, когда в семье жестокость — это норма, физическое и другие виды насилия являются постоянным средством воздействия, у детей озлобленность против родителей сохраняется на всю жизнь. Известны случаи жестоких убийств детьми и подростками своих родителей. Подросток ожесточается, сам становится циничным, эмоционально глухим, не считается с интересами и чувствами других людей — у него появляется ненависть к людям, и жертвой может стать абсолютно любой человек.

Отсутствие должного контроля семьи и образовательных учреждений за связями и временем несовершеннолетних, безнадзорность являются результатом более 90 % случаев преступлений, происходящих внутри семьи. Одна из главных причин в том, что в неблагополучной семье — дети предоставлены сами себе, нет должной заботы, любви и внимания.

Отсутствие эмоциональных контактов между членами семьи, неблагополучная эмоциональная атмосфера — важная причина беспризорности среди детей и подростков. Непоследовательность воспитания, отсутствие сознательного воспитательного воздействия на ребенка; хаотичность в воспитании из-за несогласованности родителей; отсутствие доверительных отношений в семье, вызывают у подростка реакцию в форме поведенческих нарушений: побег из дома, бродяжничество, суицид. Отсутствие контроля над поведением детей, аморальный образ жизни родителей, неполная семья затрудняют развитие способности ребёнка к самоутверждению в различных жизненных ситуациях.

Социальное неравенство, неравенство возможностей, доступных людям, принадлежащим к различным социальным группам, отсутствие у родителей возможности материально обеспечивать реально необходимые потребности детей, и между тем, желание детей быть богатыми и успешными при отсутствии возможностей, не пытаюсь и не прикладывая никаких усилий для достижения желаемого, также могут стать причиной их противоправного поведения.

Удовлетворяя свои потребности, многие подростки начинают получать нелегальные доходы, приобретать необходимые вещи и продукты в меру своих сил и возможностей, зачастую путем совершения преступлений.

В данном случае важно создать для несовершеннолетних определенную систему самореализации и трудоустройства, предоставляя подросткам возможность самым честным путем заработать необходимые финансовые средства.

Противоправное поведение несовершеннолетних обусловлено влиянием внешней социальной среды, подстрекательством на противоправные действия со стороны сверстников. В подростковом возрасте наиболее значимым для подростка является мнение сверстника, вследствие этого он легко поддается на уговоры. Соглашаясь, он уверен, что сможет самоутвердиться и заявить о себе. Часто в кругу сверстников несовершеннолетний находит поддержку и признание своего успеха, ощущение комфорта, которого ему так не хватает в семье, и беспрекословно выполняет все требования этой группы, даже если их действия идут в разрез с законом.

Чтобы ребенок не попал в криминальный мир, необходимо помочь ребенку адаптироваться среди своих одноклассников, в своей школе, в коллективе сверстников, не имеющем противоправных наклонностей, путем вовлечения ребенка в общественные мероприятия, выступления, концерты, походы и т. д. Для успешной жизни повышать у ребенка самооценку до нужного уровня и нормализовать ее, если вдруг, она окажется, слишком завышена. В данном случае важна работа учителей, воспитателей, психологов. Для поднятия своего рейтинга среди сверстников нередко подростки выкладывают в интернет видео, на которых запечатлены жестокие сцены истязания животных, избиения сверстников, издевательства над взрослыми в беспомощном состоянии и другие подтверждения противоправных действий, которые впоследствии могут быть использованы как источники доказательственной информации об их виновности в совершении данных конкретных преступлений.

Деструктивный контент в сети Интернет, в СМИ, культивирование насилия, жестокости, демонстрация

фильмов, телепередач, доступность интернет ресурсов со стандартами антиобщественного поведения, нормализующими жестокость, также являются причиной криминализации молодежи. Современный подросток не имеет положительных примеров для подражания, идеалов, к которым он мог бы стремиться. В связи с тем, что у него не сформированы свои принципы поведения, он перенимает их у более «сильной» личности, даже если эту личность он видит на экране в жестоких криминальных сценах. В общественном мнении имеет место популярная точка зрения, о том, что фильмы должны быть нацелены на формирование и воспитание в ребенке лучших человеческих качеств, таких как: любовь к своим близким, честность, справедливость, доброта, участие, бескорыстность, сострадание, и так далее. Зачастую, с неуспеваемости по учебе, отстраненности от общественной жизни в школе, отстранения от семьи, знакомство с группой лиц, имеющих криминальные взгляды, и начинается противоправная деятельность детей.

Для формирования законопослушного поведения также необходимо обеспечить постоянную внеучебную занятость с позитивной направленностью для несовершеннолетних. Но не все семьи могут оплачивать дополнительные занятия. Должны быть доступны бесплатные спортивные секции, должны бесплатно предоставляться помещения, где можно заниматься музыкой, развивать свои художественные навыки, где можно научиться делать что-то полезное своими руками, должны быть бесплатные кружки по интересам, студии и так далее.

Задача государства и семьи — создать с учетом индивидуальных особенностей ребенка и внешних обстоятельств условия для ребенка, в которых он будет ощущать свою значимость, нужность, защиту, сможет проявить позитивную самостоятельность и активность, моральную стойкость. Все это будет способствовать гармоничному развитию личности и стремлению к саморазвитию, и тогда, снизится риск совершения противоправных действий среди несовершеннолетних.

Правовое регулирование предупреждения и профилактики преступности, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи, — одно из основных направлений и приоритетных задач государственной политики современной России, что определено, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. [3]

Главное помнить и делать всё во исполнение важнейшего принципа: «Дети — это наше будущее». И главное в этом аспекте — создать все условия, чтобы дети в будущем стали законопослушными гражданами, с самым высоким уровнем правового сознания, с полным неприятием противоправных моделей поведения.

Литература:

1. Криминальный подросток. — Текст: электронный // rg.ru: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html> (дата обращения: 18.12.2025)..

2. Отчёт о составе осуждённых на месте совершения преступления за 12 месяцев 2024 года, опубликованным на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79%20item=8946&item=8946> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 03.07.2021, «Собрание законодательства РФ», 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351

Страхование ответственности владельцев беспилотных транспортных средств: новые вызовы

Смирнова Полина Юрьевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу правовых и страховых вызовов, возникающих в связи с внедрением беспилотных транспортных средств (БТС) в контексте модели гражданско-правовой ответственности. В ней рассматривается неполнота и фрагментарность действующей нормативной базы России в отношении беспилотных транспортных средств, анализируются ключевые программные документы и выявляются пробелы в регулировании. Центральной проблемой признается необходимость адаптации института обязательного страхования гражданской ответственности (ОСАГО) к условиям использования беспилотных транспортных средств.

Ключевые слова: беспилотные транспортные средства, БТС, владелец транспортного средства, обязательное страхование ответственности владельца беспилотного транспортного средства, ОСАГО, страховой полис, производитель программного обеспечения, взыскание убытков, гражданско-правовая ответственность, страховая сумма, страховая выплата.

Развитие транспорта является фундаментальным для современной цивилизации. Мы находимся на пороге новой технологической революции, где беспилотные транспортные средства становятся все более распространенными, как в России, так и по всему миру. Эта трансформация напрямую связана с прогрессом в области искусственного интеллекта, который находит применение в самых разных сферах жизни. Появление и внедрение автономного транспорта на дорогах общего пользования ставит перед нами серьезный вызов: необходимо срочно адаптировать нормативно-правовую базу, регулиующую дорожное движение, к условиям повсеместной цифровизации.

Данный вид транспорта ставит перед мировыми правовыми системами задачу регулирования неодушевленных объектов, принимающих самостоятельные решения. Россия активно формирует нормативную базу для беспилотных транспортных средств (БТС), но действующее законодательство пока лишь устанавливает рамки для экспериментов, не определяя единый правовой статус транспортных средств такого вида. Главная черта БТС — их самостоятельность, достигаемая благодаря адаптивным системам искусственного интеллекта, обеспечивающим безопасное взаимодействие с внешним миром.

Первоочередным шагом в исследовании современного правового поля использования беспилотных транспортных средств (БТС) является обращение к положениям Венской конвенции о дорожном движении (1968 г.) [2]. Данный международный акт устанавливает фунда-

ментальное требование: каждое транспортное средство или автопоезд, находящиеся в движении, должны иметь водителя. Конвенция служит основой для унификации правил дорожного движения на глобальном уровне, направленных на обеспечение безопасности. Однако, анализ российского законодательства, регламентирующего дорожное движение, выявил отсутствие прямого указания на обязательное наличие водителя за рулем, а также отсутствие законодательного запрета на применение систем автоматизации вождения. В свете этого, в Российской Федерации уже предпринимаются активные шаги по интеграции беспилотных транспортных средств в дорожное движение. Ключевыми документами, определяющими это направление, являются: Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств (Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 N° 724-р) [5] и Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 N° 309 [6]. Эти нормативные акты формулируют цели внедрения беспилотных транспортных средств. Вопрос о том, кто несет гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный беспилотным транспортным средством (БТС), решается через институт обязательного страхования гражданской ответственности владельца БТС.

Институт обязательного страхования гражданской ответственности направлен на защиту прав потер-

певших на возмещение вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортных средств иными лицами. В России закон обязывает всех водителей иметь страховку гражданской ответственности — это полис ОСАГО. Если человек владеет автомобилем и собирается на нем ездить, вам обязательно нужно оформить ОСАГО. Такое требование для обычных граждан прописано в законе № 40-ФЗ от 25.04.2002 [7].

Согласно статье 1079 Гражданского кодекса РФ [8], владельцы БТС несут ответственность за причиненный ими вред, даже если в инциденте участвовала программа, управляющая автомобилем. Заместитель министра транспорта России Д. Баканов подчеркнул [3], что вопрос ответственности является ключевым и требует тщательной проработки в готовящемся Федеральном законе «**О высокоавтоматизированных транспортных средствах**». Актуальность вопросов правового регулирования допуска беспилотных транспортных средств на дороги общего пользования ясна. Очевидно, что находящееся в движении беспилотное транспортное средство является источником повышенной опасности, управление которым основано на технологиях искусственного интеллекта. При этом невозможность установления полного контроля пользователя над автоматизированной системой, вероятность возникновения сбоя в последней могут привести к возникновению вреда, что и будет являться следствием проявления вредоносных свойств ВАТС. Ожидается, что законодательство будет адаптироваться к развитию беспилотного транспорта, включая вопросы тарификации, фиксации ДТП и статуса владельца и ответственности. Сложность определения субъектов, чья вина может быть установлена при эксплуатации ВАТС, широко освещается в научных трудах [1]. Особую актуальность приобретает вопрос о том, кто несет ответственность за причиненный вред: владелец ВАТС, разработчик программного обеспечения, производитель или пользователь (водитель, диспетчер).

Законодательство также нуждается в адаптации к особенностям эксплуатации беспилотных летательных аппаратов, ожидаются изменения в ОСАГО с новыми тарифами и порядком оформления ДТП. **Беспилотные летательные аппараты (БПЛА/дроны):** Страхование ответственности оператора дрона перед третьими лицами обязательно для аппаратов весом свыше 150 граммов. Текущая методика расчета страховой суммы (от веса) приводит к недостаточным лимитам (например, 1000 рублей для дрона в 250 граммов). Создание эффективной и справедливой системы обязательного страхования БТС сопряжено с преодолением ряда фундаментальных правовых

и технических противоречий. С появлением беспилотных транспортных средств возникает фундаментальная проблема: утрачивается четкая связь между водителем и его ответственностью. Действующее законодательство обязывает владельца ТС страховать и несет ответственность за причиненный вред при использовании автомобиля [4].

Для беспилотных транспортных средств (БТС) понятие «использование» многозначно, а риск вреда возникает из-за взаимодействия Программного обеспечения, аппаратных компонентов, данных и операторов, а не только неосторожности водителя. Это требует пересмотра страховых моделей и учета новых рисков (сбой ПО, кибератаки, ошибки сенсоров).

Процедура установления вины в случае ДТП с участием БТС становится значительно сложнее. Стандартные методы оформления происшествий, включая упрощенный порядок (европротокол) при отсутствии разногласий, неприменимы, если в происшествии участвует беспилотное транспортное средство. Обязательным становится изъятие и проведение экспертизы данных с бортовых систем регистрации. Это делает невозможным оперативное урегулирование на месте происшествия и создает зависимость от специализированных экспертных организаций. Стоимость страховки должна основываться на реальных показателях безопасности конкретной модели БТС, а не на общих, абстрактных рисках. Владелец беспилотного транспортного средства имеет право взыскать ущерб с виновного лица, владелец (затем-страховщик) должен иметь возможность обратиться с регрессным требованием к виновному субъекту, в частности, производителю программного обеспечения. Важно, чтобы владелец транспортного средства при страховании имел возможность отказаться от навязываемых услуг. Эффективность обязательного страхования зависит от страховщиков (управление рисками, информирование потребителей, внутренний контроль) и государства (регулирование, надзор, финансовая стабильность).

Внедрение беспилотных транспортных средств (БТС) видоизменяет существующую модель страхования гражданско-правовой ответственности владельца транспортного средства. В настоящее время необходимо подробное урегулирование вопросов ответственности и страхования ответственности владельцев беспилотных транспортных средств. Важно взаимодействие различных специалистов, таких как юристы, инженеры, эксперты по управлению рисками при разработке конкретных требований и норм. Такой междисциплинарный и межотраслевой подход открывает новые перспективы для исследований в области права, связанного с данными технологиями.

Литература:

1. Березина Е. А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств. // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69). С. 41–55.

2. Правовое регулирование использования беспилотных транспортных средств в Российской Федерации // <https://cyberleninka.ru> URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-ispolzovaniya-bespilotnyh-transportnyh-sredstv-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>
3. Завершается подготовка федерального закона о высокоавтоматизированных транспортных средствах // Министерство Транспорта Российской Федерации URL:<https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10704?clckid=a7165c30>
4. О разъяснении положений федерального законодательства по вопросу обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // <http://www.admintzr.ru> URL:http://www.admintzr.ru/prokuror-razyasnyet/?ELEMENT_ID=5225
5. Акт правительства Российской Федерации «Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // <https://www.garant.ru/>. — 2020
6. Акт правительства Российской Федерации «Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. N 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств»» // <https://base.garant.ru/>. — 2022 г. — с изм. и допол. в ред. от 27.03.2025.
7. Закон Российской Федерации «Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»» // <https://www.consultant.ru/>
8. Закон Российской Федерации «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) Ст. 1097

Методические и тактические особенности проведения прокурором проверок в целях реализации приоритетных направлений деятельности на современном этапе

Солопов Владислав Викторович, студент;
Евсеев Данил Евгеньевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Соблюдение установленного правопорядка на территории Российской Федерации всегда являлось одним из ключевых элементов в обеспечении стабильности общества и государства. Для реализации данного условия необходимо соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение действующих на ее территории законов. В рамках выполнения этой задачи важнейшим органом является прокуратура Российской Федерации, за которой закреплены соответствующие полномочия.

Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в различных направлениях, а также уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями [1]. Эта деятельность реализуется посредством осуществления соответствующими прокурорами прокурорского надзора и прокурорских проверок.

Для наиболее эффективной организации работы нижестоящих прокуроров Генеральная прокуратура издает Методические рекомендации, в которых закрепляет методику прокурорского надзора в различных направлениях. Так под методикой прокурорского надзора понимается совокупность методов, приемов, применяемых прокурорами в целях выявления нарушений законов и способству-

ющих им обстоятельств, установления лиц, совершивших правонарушения и способствовавших им, причиненного противоправными деяниями вреда, а также устранения и предупреждения нарушения законов в будущем, привлечения к ответственности виновных и возмещения вреда [2, с.77].

При этом в рамках прокурорского надзора осуществляются прокурорские проверки, методики проведения которых также закрепляются в Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры.

Под методикой прокурорской проверки будем понимать комплекс научно обоснованных рекомендаций по наиболее эффективному организации, подготовке, производству действий, направленных на выявление нарушений исполнения законов в той или иной сфере, а также оценке полученных результатов и выбору адекватных мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения [3, с.13].

В теории часто определение понятия прокурорского детерминируют через проверку, однако это не совсем верно, и для того, чтобы разграничить эти термины обратимся к научной литературе.

Так, Шайхлисламов Э. Р. и Ганеев Т. Ф. определяют прокурорский надзор как обособленный самостоятельный вид государственной деятельности, функции

прокуратуры не могут осуществлять никакие другие государственные, а также коммерческие, общественные органа, организации, предприятия, учреждения, должностные лица или частные граждане. Он реализуется от имени государства и значимость данного положения состоит в том, что прокурор осуществляет свои должностные обязанности лично, выступает представителем и защитником общественных интересов не от лица каких-либо органов муниципального самоуправления, субъектов представительной, исполнительной и судебной власти, а их всех совокупности. Таким образом, в процессе своей деятельности прокурор приводит интересы отдельных субъектов, юридических, должностных и физических лиц в соответствии с интересами государства [4, с.205].

В свою очередь Ергашев Е. Р. и Фирсова А. А. дают определение прокурорской проверки, которая, по их мнению, представляет собой правовое средство прокурора, представляющее собой совокупность взаимосвязанных интеллектуальных, организационных, технических, управленческих действий, проводимых в установленный законом срок при наличии сведений о фактах нарушения закона и направленных на выявление нарушений закона, виновных лиц и привлечение их к установленной законом ответственности [5, с. 181].

Исходя из анализа вышеуказанных понятий, можно сделать вывод о том, что прокурорский надзор выступает содержанием, а прокурорская проверка — формой реализации надзора. Для их разграничения обратимся к актам, издаваемым Генеральной прокуратурой.

Приказ Генеральной прокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» закрепляет ряд приоритетных направлений прокурорского надзора:

- защита закрепленных в Конституции Российской Федерации прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, социальное обеспечение, трудовых, жилищных, избирательных и иных социальных и политических прав и свобод человека и гражданина;

- в сфере экономики сосредоточить усилия на надзоре за исполнением законов о собственности, земле, предпринимательской деятельности, бюджетного, налогового, банковского, таможенного, антимонопольного законодательства;

- с учетом экологической обстановки в каждом регионе наладить эффективный надзор за исполнением законов об охране природы и рациональном использовании ее ресурсов [6] и т. д.

Из вышеперечисленных обратимся к надзору за исполнением законов об охране природы и рациональном использовании ее ресурсов, для осуществления которого есть детализирующий в данной сфере Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» [7], в котором Генеральный про-

курор РФ ориентирует нижестоящих прокуроров при организации работы осуществлять следующее:

- незамедлительно организовывать проверки информации о нарушении законов, требующей вмешательства прокурора. При выявлении данных, свидетельствующих об устойчивых негативных тенденциях в этой сфере, включать в план работы прокуратуры соответствующие надзорные мероприятия;

- проводить тщательные проверки законности и обоснованности принятия решений о ликвидации, сокращении территории природно-заповедного фонда или об ослаблении его режима;

- регулярно проверять исполнение природоохранного законодательства при строительстве и эксплуатации объектов размещения, обработки, сортировки, переработки, обезвреживания и утилизации отходов. Добиваться прекращения функционирования несанкционированных объектов размещения отходов производства и потребления, рекультивации загрязненных земель, ликвидации объектов накопленного вреда и т. д.

Более же частные случаи описываются в Методических рекомендациях. Так, например, по рассматриваемому направлению прокурорского надзора Генеральная прокуратура Российской Федерации издала «Методические рекомендации по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления» [8].

Рассматриваемый документ содержит положения о правовом регулировании обращения с отходами производства и потребления, объекты прокурорского надзора за исполнением законов об обращении с отходами производства и потребления, типичные нарушения законов в данной сфере и т. д. В рамках статьи нас больше всего интересует содержание пункта 5 «Методика осуществления надзора за исполнением законов об обращении с отходами производства и потребления» в результате изучения которого мы видим, что идет акцент именно на проведение соответствующих проверок «при проведении проверок важно учитывать установленное действующим законодательством разграничение полномочий по управлению и надзору (контролю) в области обращения с отходами производства и потребления между органами государственной власти Российской Федерации, ее субъектами и органами местного самоуправления».

«В первую очередь проверке подлежит информация об уклонении от проведения проверок и о непринятии территориальными органами исполнительной власти, осуществляющих функции по оказанию государственных услуг, контролю и надзору в установленной сфере деятельности мер по устранению правонарушений при обращении с отходами производства и потребления».

Анализ вышеуказанных организационно-распорядительных документов говорит о том, что надзор организуется через проверки и это демонстрируется тем, что Генеральный прокурор ориентирует проверять и оценивать законность деятельности поднадзорных объектов.

Литература:

1. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.02.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. — N 8. — ст. 336; Собрание законодательства Российской Федерации, 2025. — N 6. — ст. 408.
2. Агутин А. В. Общая методика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений экстремистской направленности: понятие и содержание / А. В. Агутин. — Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 6. — С. 73–78.
3. Методика и тактика проведения прокурорской проверки / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Н. В. Кулик [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. — 240 с. — Текст: непосредственный.
4. Шайхлисламов Э. Р., Ганеев Т. Ф. «Сущность современного прокурорского надзора» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук» 2023. С. 204–206 с.
5. Ергашев, Е. Р. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки / Е. Р. Ергашев, А. А. Фмрсова. — Текст: непосредственный // Российский юридический журнал. — 2013. — № 1 (88). — С. 180–184.
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 07 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (ред. от 10.09.2024) // журнал Законность, 2008. — N 32; 2024. — N 10.
7. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» (ред. 25.11.2022). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Методические рекомендации по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления (утв. Генпрокуратурой России 28.12.2018 N 74/3–34–2018). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Роль и полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса: современное состояние и дискуссионные вопросы

Урмагамбетова Айша Байзаковна, специалист
МФЦ Калининского района г. Санкт-Петербурга

В статье анализируются правовой статус, полномочия и актуальные проблемы реализации функций прокурора в ходе досудебного производства по уголовному делу. На основе норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и научных позиций раскрывается двойственная природа роли прокурора как субъекта, осуществляющего уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов расследования. Особое внимание уделено трансформации этих полномочий после судебно-правовой реформы и выделения следственного аппарата в самостоятельную структуру. Автор рассматривает существующие в науке дискуссии и практические проблемы прокурорского надзора, предлагая пути оптимизации взаимодействия прокурора с органами предварительного расследования для обеспечения законности и прав участников процесса.

Ключевые слова: прокурор, досудебное производство, предварительное расследование, прокурорский надзор, уголовное преследование, полномочия прокурора, УПК РФ.

Введение

Прокурор традиционно занимает центральное место в системе уголовного судопроизводства России, выступая гарантом законности на всех его стадиях. Особую значимость его деятельность приобретает в досудебном производстве, где закладываются основы будущего судебного разбирательства, формируется доказательственная база

и обеспечиваются права лиц, вовлеченных в орбиту уголовного процесса. Однако роль прокурора на этом этапе претерпела существенную эволюцию, особенно после реформы 2007 года, что породило в теории и на практике ряд дискуссионных вопросов относительно объема и содержания его полномочий. Целью данной статьи является комплексный анализ процессуального положения прокурора на досудебных стадиях, выявление проблем в реали-

зации его надзорных и обвинительных функций, а также формулирование предложений по повышению эффективности его деятельности.

1. Правовая природа и функции прокурора в досудебном производстве Согласно статье 37 УПК РФ, прокурор определяется как должностное лицо, уполномоченное от имени государства осуществлять уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Эта лаконичная формулировка закрепляет двойственную, синтетическую функцию прокурора.

С одной стороны, он является субъектом уголовного преследования, что сближает его с позицией стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). С другой стороны, он выполняет надзорную функцию, которая носит властно-распорядительный характер в отношении органов расследования. Эта двойственность нередко становится предметом научных споров. Некоторые исследователи указывают на недостаточную четкость законодательного определения, создающую теоретическую неопределенность. Другие, напротив, рассматривают функции прокурора как комплекс взаимосвязанных мер, направленных на единую цель — обеспечение законности.

Исторически роль прокурора в расследовании была более руководящей. До реформы следователи входили в систему прокуратуры, и прокурор мог давать им прямые указания по ходу расследования. Создание самостоятельного Следственного комитета РФ изменило эту модель. В настоящее время полномочия прокурора по отношению к следователю носят преимущественно надзорный характер, в то время как непосредственное руководство следствием осуществляет руководитель следственного органа. Это перераспределение полномочий было направлено на создание системы сдержек и противовесов, однако на практике породило вопросы о балансе между ведомственной независимостью следствия и эффективностью прокурорского надзора.

2. Система полномочий прокурора: содержание и реализация

Полномочия прокурора на досудебной стадии детализированы в части 2 статьи 37 УПК РФ и носят всеобъемлющий характер, охватывая все этапы — от проверки сообщения о преступлении до утверждения обвинитель-

ного документа. Их можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям.

Надзор на стадии возбуждения уголовного дела. Прокурор уполномочен проверять законность приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Он обращает внимание на соблюдение сроков, полноту проверки и обоснованность принятых решений (возбудить дело или отказать). При выявлении фактов, указывающих на признаки преступления в действиях должностных лиц (например, фальсификация материалов проверки), прокурор вправе вынести мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании.

Надзор в ходе предварительного расследования. Это наиболее широкий блок полномочий, включающий:

1. Контроль за законностью следственных действий: Прокурор следит, чтобы действия, ограничивающие конституционные права граждан (обыск, арест), проводились на законных основаниях, и немедленно проверяет каждый случай их проведения без судебного решения. Важнейшим полномочием является признание доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением УПК РФ (ч. 3 ст. 88 УПК).

2. Дача указаний дознавателю: Прокурор может давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий, а также давать согласие на обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения.

3. Участие в судебном контроле: Прокурор участвует в судебных заседаниях при рассмотрении ходатайств об избрании мер пресечения (заключения под стражу, домашний арест), их продлении или отмене, а также при рассмотрении жалоб на действия следователя и дознавателя.

4. Реагирование на нарушения: Прокурор вправе требовать устранения нарушений федерального законодательства, а в отношении дознавателя — отстранить его от расследования при нарушении УПК РФ.

5. Контроль решений о приостановлении и прекращении дела: Прокурор истребует и проверяет законность и обоснованность решений следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела, принимая по ним свое решение.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых полномочий прокурора

Полномочие	Цель реализации	Процессуальное значение
Проверка сообщений о преступлениях	Обеспечить неукоснительное соблюдение порядка ввода информации в уголовный процесс	Предотвращение сокрытия преступлений от учета и необоснованных отказов
Признание доказательств недопустимыми	Исключить из доказательственной базы сведения, полученные с нарушением закона	Ключевая гарантия соблюдения прав личности и обеспечения качества предварительного расследования
Утверждение обвинительного заключения	Осуществить финальную, комплексную проверку всего досудебного производства	Выступает фильтром, не допускающим некачественно расследованные дела в суд
Возврат уголовного дела для доп. расследования	Устранить выявленные недостатки, препятствующие рассмотрению дела в суде	Инструмент обеспечения полноты, всесторонности и объективности расследования

Полномочия по окончании предварительного расследования.

Завершающей и ключевой стадией участия прокурора является проверка поступившего с обвинительным документом уголовного дела. Прокурор обязан тщательно изучить материалы, убедившись в законности и обоснованности всего производства, достаточности и допустимости доказательств, правильности квалификации, соблюдении прав обвиняемого. По результатам проверки он принимает одно из следующих решений:

— Утвердить обвинительное заключение (акт, постановление) и направить дело в суд.

— Вернуть дело для производства дополнительного расследования, пересоставления обвинительного документа или устранения иных недостатков.

3. Актуальные проблемы и дискуссионные вопросы

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, реализация прокурорских полномочий сталкивается с рядом системных проблем.

— Баланс между надзором и ведомственной самостоятельностью следствия. После выделения Следственного комитета прямая подчиненность следователя прокурору исчезла. Требования прокурора об устранении нарушений теперь могут быть оспорены руководителем следственного органа, а разногласия разрешаются через сложную процедуру обращения к вышестоящим руководителям, вплоть до Генерального прокурора РФ (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). Это, с одной стороны, защищает независимость следователя, но, с другой, может приводить к затягиванию устранения существенных нарушений.

— «Посредническая» роль прокурора. В научной литературе отмечается, что прокурор в современной модели оказался в роли «среднего звена» между следствием и судом. Суд, обнаружив препятствия для рассмотрения дела (ст. 237 УПК РФ), возвращает его не следователю, а прокурору. Однако процессуальные возможности прокурора для самостоятельного устранения этих недостатков ограничены, что ставит вопрос об эффективности такого механизма.

— Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля. Расширение судебного контроля на досудебной стадии (санкционирование арестов, обысков) закономерно. Однако преимущество прокурорского надзора,

как отмечают исследователи, заключается в его инициативности, оперативности и постоянстве. Прокурор может реагировать на нарушения быстрее и по более широкому кругу вопросов, не дожидаясь судебного заседания или жалобы участника процесса. Оптимальным представляется не противопоставление, а взаимодополнение этих форм контроля.

Заключение и перспективы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что прокурор остается центральной фигурой в системе обеспечения законности на досудебных стадиях уголовного процесса. Его полномочия образуют разветвленную систему надзорных и распорядительных средств, позволяющих влиять на качество предварительного расследования от начала и до конца. Однако историческая трансформация, отдалившая прокурора от непосредственного руководства следствием, требует постоянного поиска новых, более гибких форм эффективного взаимодействия.

Перспективы развития института, на наш взгляд, связаны не с возвращением прокурору утраченных руководящих функций:

— совершенствованием процедур взаимодействия со следственными органами, в том числе путем установления более четких и кратких сроков разрешения прокурорских требований и разногласий.

— повышением качества ведомственного контроля внутри следственных органов, что позволило бы прокурорскому надзору сосредоточиться на стратегических вопросах законности и защиты прав граждан.

— активным использованием современных технологий для дистанционного надзора за соблюдением процессуальных сроков и законностью отдельных действий, что повысит оперативность реагирования.

Таким образом, эффективность прокурора на досудебной стадии определяется его способностью адаптировать свой надзорный потенциал к меняющейся системе правоохранительных органов, оставаясь при этом независимым гарантом верховенства закона и баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // <https://cons.id-suenco.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=517477&dst=1000000001&cacheid=ADB534777F81C4AA4D348B4CCB4FDCB2&mode=splus&rnd=0.8577263631574689#CddDc5VoLLURz8jK>
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // <https://cons.id-suenco.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=497787&dst=1000000001&cacheid=316CA1F97E4BA26792499C8D4BD1427A&mode=splus&rnd=0.8577263631574689#bCEEc5Vgpf9LiOyF2>
3. Рыжаков, А. П. Субъекты (участники) уголовного процесса / А. П. Рыжаков. — Москва: дело и Сервис, 2013. — 320 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2022 г. // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418165/706990b7e01a8935009a2b291fa07a40a548cfed/

5. Королев Г. Н. Проблемы взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа в досудебном производстве // Перспективы развития и проблемы процессуальной деятельности государственных органов, обеспечивающих в пределах своих полномочий исполнение законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве: сборник трудов научно-практической конференции / под общ. ред. С. Д. Белова. Н. Новгород, 2011. С. 36.
6. Королев Г. Н. Проблемы взаимодействия прокурора и руководителя следственного органа в досудебном производстве // Перспективы развития и проблемы процессуальной деятельности государственных органов, обеспечивающих в пределах своих полномочий исполнение законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве: сборник трудов научно-практической конференции / под общ. ред. С. Д. Белова. Н. Новгород, 2011. С. 36.
7. Бурынин С. С. Конкуренция процессуального контроля и прокурорского надзора за деятельностью следственных органов // Российский следователь. 2020. № 20. С. 25–28.
8. Бабенко С. Реализация процессуальных полномочий прокурора в досудебном производстве // Законность. 2019. № 12. С. 39–41.
9. Богословская Е. В. Меры прокурорского реагирования по устранению нарушений разумного срока уголовного преследования // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы. Курск: Университетская книга, 2019. С. 63–64.
10. Халиулин А. Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 84–96.
11. Ергашев Е. Р. О современных проблемах прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-problemah-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov-organami-osuschestvlyayuschimi-predvaritelnoe-sledstvie/viewer>

Защита прав субъектов налоговых правоотношений

Фрейман Алексей Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Ленева Ирина Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Проблематика данного научного исследования заключается в изучении осуществления защиты прав субъектов налоговых правоотношений в Российской Федерации.

Налоговый кодекс Российской Федерации заложил основу становления нового законодательства и принципы защиты прав налогоплательщиков. Однако регулирование налоговых отношений не привело к снижению налоговых споров. Напротив, принятие Налогового кодекса РФ повлекло появление новых категорий судебно-арбитражных дел, а также привело к увеличению количества исков, что обусловлено расширением прав налогоплательщиков и гарантий их защиты. В Российской Федерации защита прав налогоплательщиков закреплена на конституционном уровне: согласно ст. 2 Конституции РФ [1], признание, соблюдение и защита прав и свобод человека — обязанность государства.

В рамках статьи рассмотрены теоретические аспекты налоговых правоотношений и их характерные отличия. Выделены права на защиту субъектов налоговых правоотношений согласно Налоговому кодексу Российской Федерации. Проанализированы актуальные проблемы налогового администрирования, приводящие к необходимости защиты прав субъектов налоговых правоотношений. Рассмотрены основные методы, средства и способы защиты прав субъектов налоговых правоотношений, доступных им в соответствии с российским законодательством. Проанализированы преимущества административных и судебных способов защиты прав субъектов налоговых правоотношений.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, налогообложение, субъекты налоговых правоотношений, защита прав, права субъектов налоговых правоотношений, налоговое законодательство

К субъектам налоговых правоотношений, чьи права подлежат защите, относятся налогоплательщики (физические лица, организации), плательщики сборов и страховых взносов, налоговые агенты, представители налогоплательщиков (адвокаты, бухгалтеры, уполномоченные лица).

Правовой основой защиты выступает Налоговый кодекс РФ (НК РФ) [2], ст. 21 которого гарантирует налогоплательщикам комплекс прав (на информацию, обжалование, защиту интересов и др.), а ст. 22 закрепляет административную и судебную защиту прав налогоплательщиков. В главах 19–20 регламентируется обжалование

актов налоговых органов и действий их должностных лиц. Правовыми средствами защиты прав налогоплательщика в сфере налоговых правоотношений является совокупность используемых инструментов и приемов, предусмотренных нормами налогового права и направленных на защиту нарушенных прав. Основными чертами правового средства защиты прав налогоплательщика являются:

— преимущественно документарная форма выражения;

— сложная правовая структура средства защиты, которая имеет две составляющие: материальные и юридические требования субъекта защиты к налоговому органу и процедуру реализации средств защиты.

Основные способы защиты прав субъектов налоговых правоотношений:

1. Административный (внесудебный) порядок. Он предполагает обращение с жалобой в вышестоящий налоговый орган, вышестоящему должностному лицу налогового органа. Особенности административного порядка заключаются в следующем: жалоба подается в письменном виде через налоговый орган, чьи действия обжалуются; срок рассмотрения — до 30 дней (в отдельных случаях до 45 дней); обязательна предварительная подача жалобы до обращения в суд.

Виды жалоб, которые может подать субъект налоговых правоотношений:

— апелляционная (на не вступившие в силу решения о привлечении к ответственности);

— обычная (на вступившие в силу акты, действия/бездействие должностных лиц).

2. Судебный порядок. Для организаций и индивидуальных предпринимателей судебный порядок реализуется через арбитражные суды, для физических лиц — через суды общей юрисдикции.

Выделим основания для обращения в суд субъектов налоговых правоотношений:

— непринятие мер по жалобе в административном порядке;

— несогласие с решением вышестоящего налогового органа;

— прямое нарушение прав актами/действиями налоговых органов.

Сроки подачи заявления:

— в арбитражный суд — в течение трех месяцев с момента, когда стало известно о нарушении (ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации);

— в суд общей юрисдикции — в сроки, установленные Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации.

Налогоплательщики — это организации и физические лица, которые должны платить налоги, а налоговые агенты — это лица, которые должны собирать, удерживать и перечислять налоги в соответствующий бюджет [3].

Налогоплательщик вправе оспорить:

— акты налоговых органов ненормативного характера;

— решения о привлечении к налоговой ответственности;

— действия или бездействие должностных лиц (например, несвоевременное возвращение излишне уплаченных налогов);

— требования об уплате налогов, пеней, штрафов.

Решения налоговых органов и их последующие действия в налоговых отношениях с принятием или без принятия мер могут быть обжалованы в суде или вышестоящем налоговом органе.

Налогоплательщики и налоговые чиновники имеют право подать апелляцию.

Процедура судебного разбирательства состоит из следующих стадий:

— подачи заявления (в бумажном или электронном виде);

— принятия к производству (суд проверяет соответствие формы и содержания требованиям закона);

— рассмотрения дела (срок — до трех месяцев со дня поступления заявления);

— вынесения решения (признание акта действительным или недействительным; признание действий/бездействия незаконными; отказ в удовлетворении требований);

— исполнения решения (немедленно, если не установлен иной срок).

Типичные нарушения прав налогоплательщиков:

— необоснованное доначисление налогов и штрафов;

— нарушение сроков проведения налоговых проверок;

— неправомерный арест имущества;

— отказ в предоставлении налоговых вычетов;

— разглашение налоговой тайны (ст. 102 НК РФ).

За неисполнение обязанностей по обеспечению прав налогоплательщиков должностные лица могут быть привлечены к ответственности: дисциплинарной, административной (штрафы по КоАП РФ) или уголовной (например, по ст. 183 УК РФ за разглашение налоговой тайны — штраф до 1 млн руб. или лишение свободы до 7 лет).

Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ за 2024 год. Согласно данным отчета, количество решений арбитражных судов первой инстанции по заявлениям налогоплательщиков об оспаривании действий (бездействий) и решений налоговых органов по налоговым проверкам, а также процент удовлетворяемых заявлений несколько снизились по сравнению с показателями предыдущих четырех лет. Количество решений, принятых арбитражными судами первой инстанции в 2024 году, составило 5844. При этом в пользу налогоплательщиков было принято 1682 решения, то есть 29 %. Для сравнения: в течение 2020–2023 гг. количество обращений налогоплательщиков в арбитражные суды первой инстанции составляло около 6200–6800, а процент удовлетворенных заявлений колебался на уровне 34–37 %.

С 1 января 2025 года налогоплательщики могут подавать жалобы в налоговые органы в упрощенном порядке

(ст. 140.1 НК РФ), что значительно сокращает срок их рассмотрения (до семи рабочих дней).

Жалоба для рассмотрения в упрощенном порядке может быть направлена только по телекоммуникационным каналам связи или через личный кабинет налогоплательщика в электронной форме в порядке, утвержденном приказом ФНС России от 02.09.2024 № ЕД-7-9/693@ [4].

При подаче жалобы нужно указать на необходимость ее рассмотрения в порядке, установленном ст. 140.1 НК РФ. В этом случае жалоба направляется в налоговый орган, чьи акты, действия (бездействие) обжалуются. В течение семи рабочих дней налоговый орган либо удовлетворит жалобу налогоплательщика, либо перенаправит ее в вышестоящий налоговый орган для рассмотрения в общем порядке.

Не рассматриваются в упрощенном порядке жалобы на решения, вынесенные в соответствии со ст. 101 и 101.4 НК РФ.

Защита прав субъектов налоговых правоотношений:

1. Досудебный этап: тщательно оформляйте жалобу, прикладывайте подтверждающие документы, соблюдайте сроки подачи, используйте право на участие в рассмотрении жалобы [5].

2. Судебный этап: подготовьте правовое обоснование требований, соберите доказательства нарушения прав, рассмотрите возможность привлечения специалиста (юриста, налогового консультанта).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.12.2025).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.12.2025).
3. Актуальные вопросы административного и финансового права. Вып. 4 // МГИМО(У) МИД России, каф. административного и финансового права. — Москва : МГИМО-Университет, 2006.
4. Приказ ФНС России от 02.09.2024 № ЕД-7-9/693@. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/15364030/ (дата обращения: 20.12.2025).
5. Мигда, Н. С. Способы защиты прав налогоплательщиков / Н. С. Мигда, И. Е. Некрасова, Е. Ю. Васильева, А. М. Жевец // Современная школа России. Вопросы модернизации. — 2021. — № 3–2 (36). — С. 241–244.
6. Крохина, Ю. А. Экспертиза налоговой реконструкции — перспективный способ защиты прав налогоплательщиков / Ю. А. Крохина // Адвокатская практика. — 2022. — № 4. — С. 8–13.

Юридическая ответственность за неуплату налогов

Фрейман Алексей Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Ленева Ирина Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу юридической ответственности за неуплату налогов в России. Рассматриваются теоретические и практические аспекты данной проблемы. В работе охватываются принципы налогообложения и виды налоговой ответственности. Актуальность исследования связана с тем, что одним из приоритетных направлений в нало-

Также регулярно отслеживайте изменения в налоговом законодательстве, сохраняйте всю документацию по налоговым операциям, фиксируйте факты нарушений (переписку, акты, протоколы).

Меры, способствующие осуществлению защиты прав:

- цифровизация процессов, доступная субъектам налоговых правоотношений. Это подача жалоб и заявлений в электронном виде, онлайн-участие в судебных заседаниях;
- усиление роли досудебного урегулирования споров;
- повышение прозрачности действий налоговых органов;
- развитие механизмов превентивной защиты (разъяснения, профилактические проверки).

Защита прав субъектов налоговых правоотношений — важнейший элемент справедливой налоговой системы. Связь административного и судебного механизмов позволяет оперативно реагировать на нарушения, обеспечивать баланс интересов государства и налогоплательщиков, повышать доверие к налоговой администрации.

Для эффективной защиты своих прав налогоплательщикам необходимо знать свои права и обязанности, грамотно использовать предусмотренные законом процедуры, своевременно обращаться за юридической помощью при сложных спорах [6].

Только системный подход к реализации гарантий, закрепленных в НК РФ и Конституции РФ, способен обеспечить реальное соблюдение прав участников налоговых правоотношений.

говой сфере является борьба с нарушениями, поскольку от неуплаты гражданами налогов причиняется существенный вред государству и обществу в целом.

Обязанность каждого гражданина платить законно установленные налоги и сборы закреплена в ст. 57 Конституции Российской Федерации. Но на практике зачастую лица стремятся уклониться от исполнения возложенной на них обязанности путем совершения каких-либо налоговых правонарушений либо налоговых преступлений, последние из которых представляют собой особую опасность для общества и государства. В основном именно за счет налоговых поступлений формируются бюджеты различных государств, поэтому, когда юридические лица умышленно уклоняются от исполнения своей обязанности, возложенной на них законодательством, они оказывают негативное воздействие на экономику страны в целом, подрывая ее потенциал.

Не случайно в порядке административного судопроизводства судами Российской Федерации рассмотрено свыше 4 млн 800 тыс. дел — судебная нагрузка по этой категории возросла более чем вдвое.

Эта тенденция связана с возобновлением работы налоговых органов по обращению в суды, которая была приостановлена в 2023 году. В результате количество дел о взыскании с граждан налогов и сборов увеличилось почти в три раза — с 1,5 млн дел в 2023 году до более 4 млн — в 2024-м.

В порядке административного судопроизводства судами Российской Федерации удовлетворено 67 % требований об оспаривании нормативных правовых актов и 47 % требований об оспаривании решений, действий и бездействия органов власти и должностных лиц.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с уплатой налогов и (или) сборов и отношения ответственности за неисполнение данной обязанности в базовых (регулятивных) отраслях и административном праве.

Правонарушение — это виновно совершенное противоправное деяние, причиняющее вред интересам общества, государства и личности, за которое предусматривается определенное обществом наказание.

Под понятием «юридическая административная ответственность за несоблюдение налогового законодательства» понимается комплекс государственных мер воздействия, применяемых к нарушителю в качестве наказания в случае нарушения установленных на законодательном уровне налоговых требований. Законодательной базой в налоговой сфере выступают такие нормативно-правовые акты, как Налоговый кодекс Российской Федерации [1], различные федеральные законы, регулирующие порядок уплаты какого-либо конкретного налога, акты министерств и ведомств, письма от ФНС (Федеральной налоговой службы) и так далее. В качестве нарушителей налогового законодательства, к которым может применяться соответствующая юридическая административная ответственность, могут выступать как физические

лица в возрасте от 16 лет, так и юридические лица (акционерные общества, товарищества, производственные кооперативы и так далее).

Ответственность — это необходимость принятия к правонарушителю заранее предусмотренных государством санкций в установленном порядке.

Налоговое правонарушение — это виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом Российской Федерации (НК РФ) установлена ответственность.

Вина — общеправовое понятие, и оно должно быть единым для всех юридических наук. Очень часто вину определяют как психическое отношение к совершаемому деянию и его последствиям. А. В. Пинчук отмечает, что «вина — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям» [2, с. 110–114].

Налоговый Кодекс содержит только определение понятия форм вины — умысла и неосторожности, но само легальное определение вины как таковое отсутствует, что можно признать одним из недостатков нормативно-правового акта. Это относится и к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в котором также отсутствует легальное определение вины. Иногда вину определяют как «психическое отношение уже к совершенному деянию», что не совсем точно, так как получается, что субъект уже совершил деяние, а потом устанавливает к нему определенное психическое отношение. Конструкции составов правонарушений различаются по своей структуре, и поэтому психическое отношение в одних случаях необходимо установить только к деянию (для формальных составов), а в других — как к деянию, так и к последствиям (для материальных составов налоговых правонарушений) [3, с. 127–130].

В сфере налогообложения в Российской Федерации предусмотрены следующие виды юридической ответственности:

1. Налоговая ответственность наступает за совершение налоговых правонарушений, которые определены в НК РФ. Основная мера ответственности — это налоговая санкция в виде денежного взыскания (штрафа). Примеры налоговых правонарушений и санкций (глава 16 НК РФ): нарушение срока постановки на учет в налоговом органе, непредставление налоговой декларации (расчета) в установленный срок, грубое нарушение правил учета доходов и расходов и объектов налогообложения, неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора).

2. Административная ответственность применяется к должностным лицам организаций за нарушения законо-

дательства о налогах и сборах, которые не являются преступлениями. Виды нарушений и наказаний (в основном штрафы) регулируются КоАП РФ, в частности главой 15. Примеры: нарушение сроков представления сведений для налогового контроля, непредставление (несвоевременное представление) бухгалтерской отчетности, нарушение порядка работы с наличными средствами и порядка применения контрольно-кассовой техники.

3. Уголовная ответственность наступает за налоговые преступления, которые являются наиболее серьезными нарушениями и определены в Уголовном кодексе РФ (УК РФ), например в ст. 198 и 199. Уголовная ответственность применяется, когда сумма неуплаченных налогов достигает крупного или особо крупного размера. Примеры налоговых преступлений: уклонение от уплаты налогов и сборов физическим лицом (ст. 198 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и сборов организацией (ст. 199 УК РФ), неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ), сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов (ст. 199.2 УК РФ).

4. Дисциплинарная ответственность применяется работодателем к своему работнику (например, главному бухгалтеру, руководителю) в соответствии с Трудовым кодексом РФ за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, повлекшее за собой налоговые правонарушения для организации. Мерами являются замечание, выговор, увольнение.

В КоАП РФ закреплены следующие составы налоговых правонарушений:

— нарушение срока постановки на учет в налоговом органе (ст. 15.3);

— нарушение срока представления сведений об открытии и закрытии счета в банке или иной кредитной организации (ст. 15.4);

— нарушение сроков представления налоговой декларации (ст. 15.5). В одном из своих определений Конституционный Суд РФ указал, что «налоговая декларация является основным документом налоговой отчетности, непредставление в установленный срок которого ставит под угрозу эффективное осуществление налогового контроля и своевременное обнаружение фактов несвоевременного, неполного или неправильного исполнения налоговой обязанности» [4].

— непредставление (несообщение) сведений, необходимых для осуществления налогового контроля (ст. 15.6);

— нарушение порядка открытия счета налогоплательщику (ст. 15.7);

— нарушение срока исполнения поручения о перечислении налога или сбора (взноса) (ст. 15.8);

— грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, в том числе к бухгалтерской (финансовой) отчетности (ст. 15.11).

О. С. Федорова, О. Е. Анিকেева, А. В. Брызгалин считают, что, хотя глава 16 Налогового кодекса и носит название «Виды налоговых правонарушений», не все правонару-

шения, которые в ней содержатся, можно назвать налоговыми. Налоговые правонарушения в одну группу объединяет, прежде всего, объект посягательства. В широком смысле — это экономические отношения, а в более узком (в зависимости от состава налогового правонарушения) — отношения по взиманию, уплате и сбору налогов. Явно не на данные группы отношений посягает правонарушение, предусмотренное ст. 128 НК РФ (неявка либо уклонение от явки без уважительных причин лица, вызываемого по делу о налоговом правонарушении в качестве свидетеля). Непосредственно не посягает на данные отношения и отказ эксперта, переводчика или специалиста от участия в проведении налоговой проверки, дача заведомо ложного заключения или осуществление заведомо ложного перевода (ст. 129 НК РФ). Непосредственно не посягает на налоговые правоотношения и такое деяние, как несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, на которое наложен арест (ст. 125 НК РФ). Указанные разновидности правонарушений посягают на налоговые процессуальные отношения, связанные с расследованием налогового правонарушения [5, с. 7–87]. В УК РФ такие правонарушения помещены в главу о преступлениях против правосудия. Вполне понятно, что налоговые органы, органы предварительного следствия не осуществляют непосредственно правосудие, но в данном случае термин «правосудие» употребляется в его широком значении, а не в узком. Это непосредственный объект данных правонарушений. Законодатель поместил их в главу о налоговых правонарушениях, исходя из соображений юридической техники, экономии текста нормативного правового акта, не став выделять для данных правонарушений отдельную главу. Впрочем, данные правонарушения излишне помещены в НК РФ, их необходимо исключить из Налогового кодекса РФ и поместить в КоАП [6].

Основные составы правонарушений:

— неуплата или неполная уплата сумм налога (ст. 122 НК РФ);

— несвоевременное представление налоговой декларации (ст. 119 НК РФ);

— грубое нарушение правил учета доходов и расходов (ст. 120 НК РФ).

Предусмотрены размеры штрафов:

— за неуплату налога изза занижения базы — 20 % от неуплаченной суммы (при неумышленном нарушении), 40 % — при умышленном;

— за просрочку декларации — 5 % за каждый полный/неполный месяц просрочки (минимум 1000 руб., максимум 30 % от суммы налога);

— за грубое нарушение учета — от 10 000 до 30 000 руб. (в зависимости от периода).

Пени начисляются за каждый день просрочки по ставке:

— для организаций — 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ (при просрочке до 30 дней), далее — 1/150;

— для физлиц — 1/300 ключевой ставки ЦБ РФ.

Дискуссия о правовой сущности налоговой ответственности и ее институциональной самостоятельности давно

ведется в научной среде и в исследованиях по данной теме. Налоговая ответственность является видом финансово-правовой ответственности. Н. М. Артемов, С. П. Бортников рассматривают налоговую ответственность в качестве вида административной ответственности, другие авторы обосновывают тезис о необходимости разграничения финансовой и налоговой ответственности, характеризуя последнюю как имеющую более административно-карательный характер [7, с. 180–194.].

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.12.2025).
2. Пинчук, А. В. Субъективная сторона и квалификация преступлений / А. В. Пинчук // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам XXXIV международной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 мая 2020 года. Том 5 (33). — Новосибирск : ООО «Сибирская академическая книга», 2020. — С. 110–114.
3. Егиазарян, Л. Р. Ответственность налогового агента / Л. Р. Егиазарян // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: Электронный сборник статей по материалам CLXXVI студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск, 06 ноября 2023 года. — Новосибирск : ООО «Сибирская академическая книга», 2023. — С. 127–130
4. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2023 г. № 3286-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Адонина Евгения Тимофеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации». — <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=794552#j3z5w5V8BwmNMeID1> (дата обращения: 20.12.2025).
5. Брызгалин, А. В. Налогообложение доходов физических лиц и страховые взносы: сложные вопросы исчисления и уплаты / А. В. Брызгалин, О. С. Федорова, О. Е. Анисеева // Налоги и финансовое право. — 2022. — № 9. — С. 8–107.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (часть I). — Ст. 1.
7. Артемов, Н. М. Сравнительно-правовой анализ отношений налоговой ответственности за налоговые, финансовые и административные правонарушения / Н. М. Артемов, С. П. Бортников // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 15 (11). — С. 11–22.

Подведем итог: юридическая ответственность за неуплату налогов — комплексный институт, сочетающий финансовые, административные и уголовные меры воздействия. Ее главная цель — не наказание как таковое, а обеспечение фискальной дисциплины и наполнение бюджета.

Соблюдение налогового законодательства — не только юридическая обязанность, но и элемент деловой репутации, позволяющий избежать серьезных правовых и финансовых рисков.

Проблемы и перспективы судебной защиты прав предпринимателей в системе антимонопольного регулирования Российской Федерации

Хажметов Эльдар Мусабиевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автор исследует комплекс теоретических и практических проблем судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей в сфере антимонопольного регулирования Российской Федерации.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, судебная защита, права предпринимателей, конкуренция, Федеральная антимонопольная служба, арбитражный процесс, доминирующее положение, антиконкурентные соглашения, доказывание в антимонопольных спорах, экономический анализ, цифровые рынки, правовая неопределенность, санкционная политика, судебный контроль.

Современная система антимонопольного регулирования в Российской Федерации представляет собой сложный комплекс организационно-правовых средств, направленных на предупреждение, выявление и пресе-

чение нарушений конкурентного законодательства, защиту прав субъектов предпринимательской деятельности и обеспечение функционирования добросовестной конкуренции как ключевого института рыночной экономики.

В условиях усиливающейся динамики экономических процессов, цифровизации рынков, трансформации моделей корпоративного поведения и усложнения механизмов воздействия на конкурентную среду возрастает потребность в корректировке судебной формы защиты прав участников рынка. Судебный контроль над актами антимонопольных органов, а также над действиями хозяйствующих субъектов, влияющими на конкуренцию, становится центральным элементом обеспечения баланса интересов государства и бизнеса, а также ключевым инструментом восстановления нарушенных прав предпринимателей. Однако существующая практика выявляет ряд существенных проблем, связанных как с системой норм антимонопольного законодательства, так и с механизмами судебной защиты.

Вопросы судебной защиты в сфере антимонопольного регулирования невозможно рассматривать вне контекста общей структуры правовых основ конкуренции. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», а также связанные с ним акты, включая положения Гражданского кодекса, Кодекса административного судопроизводства, Арбитражного процессуального кодекса и Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», формируют нормативную основу разрешения споров между антимонопольным органом и предпринимателями. Особое значение в этом механизме имеет форма судебного контроля за решениями и предписаниями Федеральной антимонопольной службы, поскольку именно эти акты затрагивают экономические интересы предпринимателей, определяют пределы их рыночного поведения и нередко становятся причиной существенных финансовых последствий.

Одной из ключевых проблем судебной формы в антимонопольной сфере является наличие значительного дисбаланса в процессуальных возможностях сторон. Антимонопольный орган, выступая в суде в качестве административного истца либо заинтересованного органа, обладает существенными ресурсами, включая свободу сбора доказательств, доступ к информации, закрытой для участников рынка, а также к специализированным методикам оценки конкурентной среды. Предприниматели же оказываются в положении, когда им необходимо не только опровергнуть выводы ФАС России, но и доказать обоснованность экспертных заключений, применяемых методик и логики правоприменения. Это создает ситуацию, когда спор между предпринимателем и антимонопольным органом по сути превращается в спор между равным и монополично сильным участником, что существенно снижает эффективность судебной защиты. Судебные органы в таких делах придают значительный вес выводам антимонопольного органа, что формально связано с его публичным статусом и *presumed expertise*, однако фактически приводит к снижению состязательности процесса.

Не менее существенной является проблема доказывания в делах о нарушении антимонопольного зако-

нодательства. Статья 16 ФЗ «О защите конкуренции» содержит запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, местного самоуправления и иных органов, осуществляющих функции данных органов. Иными словами, запрещается вести любые согласованные действия государственных учреждений в отношении друг друга или каких-либо хозяйствующих субъектов, если таковые соглашения могут привести к ограничению или недопущению конкуренции. Далее в статье раскрываются конкретные виды возможного ограничения, например, раздела товарного рынка или ограничению к нему доступа.

Для того, чтобы выявить нарушения антимонопольного законодательства в отношении данной нормы, следует изучить акт государственного органа и решить вопрос о возможности нанесения ущерба конкуренции данным актом. Антимонопольная служба России периодически издаёт различные рекомендации, в которых сообщаются указания касательно ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции». Например, рекомендация ФАС РФ по существенным условиям соглашений, заключаемых органами власти с производителями продовольственных товаров, в которой содержится ряд указаний на наиболее приемлемые условия заключения соглашений между исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и хозяйствующими субъектами о снижении и поддержании цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, основываясь на одноимённом постановлении Правительства. В этом документе содержится ряд положений, которые должны содержаться в соглашениях. Так, данные акты должны включать обязательные условия обеспечения конкуренции и не должны содержать положений, приводящих к различным негативным для рынка последствиям: необоснованному установлению различных цен (тарифов) на один и тот же товар, а также положений, создающих для хозяйствующих субъектов возможность устранения конкуренции.

Однако правонарушения в этой области антимонопольного права нередки, и случаи частого нарушения антимонопольного законодательства встречались не только сегодня, но и на этапе становления современной правовой системы России. Судебная практика демонстрирует, что критерии установления доминирующего положения, выявления соглашений или согласованных действий, оценки товарных границ рынка или влияния на конкуренцию нередко не обладают достаточной степенью определенности. Оценка доминирования требует сложного экономического анализа: определения товарного рынка, анализа барьеров входа, степени взаимозаменяемости товаров, оценки эластичности спроса и предложения. В условиях, когда суды не обладают собственными экономическими инструментами, они вынуждены опираться на заключения экспертов или на выводы антимонопольного органа.

Однако экспертиза в антимонопольных делах представляет собой высокоспециализированный вид анализа, что порождает риск формирования закрытого экспертного круга, лояльного административным структурам. Предприниматели сталкиваются с необходимостью самостоятельно обеспечивать экономическое моделирование, что требует значительных финансовых затрат и высокой квалификации специалистов. Другая проблема связана с недостаточно четким разграничением полномочий суда и антимонопольного органа. В литературе обращается внимание на то, что «антимонопольный орган не вправе предписывать исключить из договора условия, предусмотренные законом для данной категории договоров» и «не вправе формулировать конкретные условия договоров». В контексте указанных рассуждений необходимо отметить, что, с одной стороны, антимонопольный орган по своему статусу является органом исполнительной власти и не вправе подменять собой судебные инстанции, выносить решения по существу гражданско-правового спора. Однако, с другой стороны, представляется, что антимонопольный орган вправе и даже обязан применять нормы гражданского законодательства в целях защиты конкуренции, прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и потребителей.

Судебные инстанции, пересматривая решения ФАС России, не всегда определяют пределы допустимой проверки: ограничиваются ли они правовой проверкой или могут вмешиваться в оценку экономических обстоятельств, определяемых антимонопольным органом. Арбитражные суды зачастую избегают глубокого анализа экономических аспектов дела, мотивируя это отсутствием необходимых компетенций. В результате судебная защита предпринимателей становится формальной, а наличие судебного контроля не гарантирует объективной оценки обстоятельств дела.

Не меньшее значение имеет проблема неопределенности и чрезмерной широты антимонопольных запретов. Формулировки, содержащиеся в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», включая запреты на недобросовестную конкуренцию, ограничение конкуренции, злоупотребление доминирующим положением или заключение антиконкурентных соглашений, нередко имеют оценочный характер. Это позволяет органам правоприменения расширительно трактовать понятия «ограничение конкуренции», «ущерб интересам других хозяйствующих субъектов» или «угроза ограничения конкуренции». Судебная практика, вместо того чтобы конкретизировать содержание указанных категорий, в большинстве случаев лишь подтверждает выводы антимонопольного органа, не формируя единообразных критериев. В результате предприниматель оказывается в си-

туации высокой правовой неопределенности, не имея возможности заранее прогнозировать, будет ли то или иное его действие признано нарушающим конкурентное законодательство.

Серьезную проблему создает и отсутствие в российском праве полноценной доктрины экономического анализа правоприменения, известной в зарубежной практике как *effects-based approach*. Российская модель сочетает элементы формального анализа и анализа последствий, однако суды и антимонопольные органы по-прежнему склонны опираться на формальные признаки нарушения. Так, наличие соглашения между хозяйствующими субъектами автоматически может рассматриваться как ограничение конкуренции без исследования его реальных экономических эффектов. Это резко снижает предсказуемость регулирования и создает дополнительные риски для предпринимательской деятельности.

Таким образом, современная система судебной формы защиты прав предпринимателей в сфере антимонопольного регулирования сталкивается с комплексом проблем, связанных как с нормативным регулированием, так и с практикой применения закона. Неопределенность правовых норм, дисбаланс процессуальных возможностей сторон, недостаточная компетентность судов в вопросах экономического анализа, несформированность устойчивых критериев оценки доминирования и согласованных действий, отсутствие эффективных частноправовых механизмов восстановления нарушенных прав — все это формирует среду, в которой предпринимательская деятельность сопровождается повышенными юридическими рисками. Для повышения эффективности судебной защиты предпринимателей необходима дальнейшая модернизация законодательства, направленная на конкретизацию ключевых понятий антимонопольного права, внедрение методологически обоснованных экономических критериев оценки поведения на рынке, а также развитие судебной экспертизы в области конкуренции. Кроме того, следует укреплять гарантии процессуального равенства, обеспечивать возможность предпринимателям в полной мере реализовывать свое право на судебную защиту и формировать сбалансированную модель взаимодействия государства и бизнеса в сфере конкурентного регулирования. Только при условии устранения обозначенных проблем и создания предсказуемой, стабильной и рационально обоснованной системы защиты прав предпринимателей антимонопольное регулирование сможет выполнять свою ключевую функцию — обеспечивать развитие добросовестной конкуренции, поддерживать эффективное функционирование рыночных механизмов и стимулировать экономический рост.

Литература:

1. Белоусов А. Л. Правовые проблемы осуществления предпринимательской деятельности: Учебное пособие / Саратов: Вузовское образование, 2017. [С. 86.]

2. Аблямитов Р. Ш. Механизм защиты прав и законных интересов предпринимателей в сфере антимонопольного регулирования // Вопросы управления. 2015. № 6 (18). С. 24–253.
3. Истомин В. Г. Особенности защиты прав и законных интересов участников отношений, складывающихся в сфере антимонопольного регулирования // Вопросы управления. 2015. № 4 (16). С. 253–260.
4. Нельговский И. Е. Проблемы доказывания нарушений антимонопольного законодательства, предусмотренных статьей 16 Закона о защите конкуренции РФ // Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. С. 29–31.
5. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434
6. Баласян Б. Г. Антимонопольные ограничения свободы определения условий гражданско-правового договора // Актуальные проблемы частного и публичного права. Часть первая: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием); г. Волгоград, 26 апреля 2023 г. С. 8–9.

Актуальные проблемы при проведении государственных и муниципальных закупок и рекомендации по их решению

Хасанов Вилдан Юрисович, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье автор исследует конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок. Выявляет проблемные аспекты в данной сфере и предлагает пути решения на основании анализа основных положений и концепций о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, начальная (максимальная) цена контракта, аукцион, котировка, техническое задание, торги.

В статье исследуются теоретические основы конкурентных способов проведения государственных и муниципальных закупок. Выявляются проблемные аспекты в данной сфере и предлагаются пути решения на основании анализа основных положений и концепций о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, закупки товаров и услуг для муниципальных и государственных нужд могут проводиться неконкурентным или конкурентным способом. В случае проведения закупки неконкурентным способом, организация заключает контракт с единственным поставщиком, а во втором случае, при закупке конкурентным способом — заключение контракта происходит в результате торгов.

В ст. 24 данного Федерального закона закреплено, что конкурентные способы могут быть открытыми и закрытыми. При открытом конкурентном способе информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной системе извещения об осуществлении закупки. При закрытом конкурентном способе информация о закупке сообщается путем направления приглашений принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) ограниченному кругу лиц, которые способны осу-

ществить поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, являющихся объектами закупок [1].

Так, конкурентными способами являются:

1) конкурсы (открытый конкурс в электронной форме, закрытый конкурс, закрытый конкурс в электронной форме);

2) аукционы (открытый аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, закрытый аукцион в электронной форме);

3) запрос котировок в электронной форме.

Рассмотрим подробнее представленные конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок.

Суть электронного аукциона (далее — ЭА) в том, что побеждает участник, предложивший наименьшую цену после поэтапного снижения. Все заявки анонимны. Это самый распространенный способ проведения закупок, который используется для закупок товаров, работ, услуг, включенных в Распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 № 471-р «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)», а также любых других, если заказчик не выбрал иной способ [2].

Ключевые особенности электронного аукциона:

1) две части заявки: первая (формальная) и вторая (с конкретным предложением);

2) «Аукционное снижение» — участники в реальном времени снижают цену;

3) срок подачи заявок — не менее 7 дней для (начальной (максимальной) цены контракта (далее по тексту — НМЦК) до 3 млн руб., 15 дней — для НМЦК свыше 3 млн руб.

Открытый конкурс (далее — ОК), в котором побеждает участник, предложивший лучшие условия исполнения контракта по критериям, установленным в документации. Цена — лишь один из критериев. Обычно ОК используется в сложных закупках, инновационных, исследовательских работ, где важны качество, квалификация, функциональные характеристики. Когда цена не является определяющим фактором.

Отметим особенности открытого конкурса:

- 1) оценка по неценовым критериям (квалификация, опыт, качество технического решения);
- 2) возможность проведения предварительного отбора (для долгосрочных сложных проектов);
- 3) срок подачи заявок — не менее 15 дней.

Конкурс с ограниченным участием (далее — КО) — это разновидность открытого конкурса, но с дополнительным предварительным отбором участников на соответствие особым требованиям. Обычно КО применяется в сложных закупках, специализированных или инновационных товаров, работ, услуг, где необходим особый уровень квалификации (например, работы на объектах культурного наследия, авиаперевозки).

Обычно конкурс с ограниченным участием проводится в два этапа — отбор допущенных по особым требованиям и проведение конкурса среди них.

Запрос котировок (далее — ЗК), суть которого заключается в том, что в нем побеждает участник, предложивший наименьшую цену за стандартизированные товары, работы, услуги. Упрощенная и быстрая процедура. ЗК применяется при закупках небольших объемов с НМЦК не более 500 тыс. руб. и годовой объем таких закупок не должен превышать 10 % доходов заказчика или 100 млн руб. Также для закупок отдельных товаров (например, лекарств) из установленного перечня (до 500 тыс. руб.).

Ключевые особенности запроса котировок заключаются в следующем:

- 1) срок подачи заявок — не менее 5 рабочих дней;
- 2) заявка состоит только из ценового предложения и согласия;
- 3) запрещено проводить, если есть проект или смета [1].

Рассмотрим проблемы и представим рекомендации по их решению при проведении государственных и муниципальных закупок конкурентными способами.

Во-первых, электронный аукцион — самый популярный способ, который сводит отбор к минимизации цены, однако это приводит к демпингу и рискам неисполнения контракта, поставкам товаров низкого качества, что также приводит к тому, что добросовестные постав-

щики с качественным товаром и услугой не могут конкурировать с демпингующими участниками.

В связи с чем считаем необходимым начать стимулирование неценовых критериев и борьбу с демпингом, а именно необходимо расширение сферы обязательного применения конкурсов для сложных, инновационных и наукоемких закупок вместе с разработкой четких, измеримых методик оценки качества.

Согласно ч.1 ст.30 Федерального закона от 05.04.2013г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» заказчики обязаны осуществлять закупку у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее, чем двадцать пять процентов совокупного годового объема закупок.

Считаю, что для исполнения социально значимых мероприятий, в том числе приобретение жилья для обеспечения жильём детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей, граждан, состоящих в очереди на получение жилья, закупки должны проходить без каких-либо преимуществ (в том числе субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций). Закупки на реализацию масштабных проектов по развитию приоритетных отраслей экономики, социальной сферы, культуры, спорта, образования, исполнение Указов Президента, национальные проекты.

В совокупности выставление со стороны заказчика преимуществ для потенциальных участников аукциона и определение победителя, где в приоритете наименьшая цена контракта, приводит к частому ненадлежащему качеству выполнению работ со стороны подрядчиков, затягивание в сдаче объектов или поставке товаров, услуг.

Во-вторых, существует проблема при составлении некоторыми заказчиками технического задания «под конкретного поставщика», в котором представлены избыточно детализированные или уникальные требования, блокирующие других участников, этот аспект ведет к нарушению принципов честной конкуренции, завышению бюджетных расходов.

Например: зачастую определение подрядчика на строительство объектов делается под конкретную организацию, которая заранее оформляет земельный участок, а наличия земли является обязательным условием технического задания.

Предлагаем обязательную публикацию технических заданий и проектов контрактов на стадии планирования для общественного обсуждения, а также внедрение искусственного интеллекта для контроля, что позволит проводить автоматический анализ закупочной документации на признаки «заточенности», выявление аномальных ценовых предложений и картельного сговора (такие системы уже тестируются ФАС России).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать выводы о том, что основной вектор решения проблем лежит

в области дальнейшей цифровизации, повышения профессионального уровня заказчиков и смещения фокуса с цены на стоимость жизненного цикла и качество. Реформы должны быть системными: ужесточение контроля и ответственности должно сочетаться с упрощением про-

цедур для добросовестных участников. Важную роль играет развитие искусственного интеллекта для анализа больших данных в сфере закупок, что позволит перейти от точечного контроля к управлению рисками в масштабах всей системы.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — ст. 1652.
2. Распоряжение Правительства РФ «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» от 21.03.2016 № 471-р (ред. от 31.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 13. — ст. 1880.

Дипломатический статус города Куйбышева в годы Второй мировой войны

Хахлютина Юлия Олеговна, студент

Научный руководитель: Очкасова Ирина Валериановна, старший преподаватель
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

В статье автор исследует дипломатический статус города Куйбышева (ныне — Самара) в годы Второй мировой войны, процессы принятия важных международных решений, а также организацию эвакуации из Москвы состава Наркомата иностранных дел и дипломатов зарубежных стран, размещение и формат их работы в Куйбышеве в правовом ключе.

Ключевые слова: дипломатический статус, Куйбышев, запасная столица, Вторая мировая война, эвакуация, международные отношения.

В этом году наше государство, да и все мировое прогрессивное человечество отмечает 80-летие со дня победы над фашизмом. Обращаясь к этой теме, невозможно не вспомнить про город, который стал «запасной столицей» страны и сосредоточил в себе множество посольств, эвакуированных граждан, заводов и театров. Про некогда достаточно тихий и негустонаселенный город, который с приходом тяжелого времени стал тылом для всего государства. Невозможно не вспомнить про Куйбышев, которому 25 января 1991 года Указом Президиума Верховного Совета СССР было возвращено историческое название — Самара.

В связи с ухудшением ситуации на Западном фронте и угрозой захвата Москвы, 15 октября 1941 года Государственный комитет обороны принимает Постановление № 801 «Об эвакуации столицы СССР Москвы», которое подписывает лично И. В. Сталин. Уже 16 октября 1941 года основной состав Наркоминдела во главе с заместителем наркома А. Я. Вышинским и члены дипломатического корпуса были эвакуированы в город Куйбышев. Небольшая часть дипломатов во главе с В. М. Молотовым осталась в Москве. [1, с. 36–37]

Переезд в Куйбышев стал неожиданным и волнительным для самих сотрудников НКВД. Сохранились некоторые воспоминания об этом событии ветеранов дипло-

матической службы М. И. Иванова и В. М. Бережкова. Так о переезде вспоминал М. И. Иванов: «Будучи на работе, услышал в кабинете заведующего отделом телефонный звонок. Звонил заместитель наркома. Он приказал немедленно покинуть НКВД и отправиться на Савёловский вокзал для выезда из Москвы. Мы с женой быстро собрались. С большим трудом добрались до вокзала. Нашли наш поезд. Утром 16 августа 1941 г. мы покинули Москву и отправились в Куйбышев» А вот как описывает те же события секретарь и переводчик наркома В. М. Бережков: «Утром 16 октября я, как обычно, пришёл в 9 часов на работу и занялся текущими делами. Около 11 часов утра раздался телефонный звонок, и всем было передано распоряжение немедленно собрать дела и самые необходимые личные вещи и отправиться на Казанский вокзал. У подъезда Наркомата на Кузнецком мосту выстроились покрытые брезентом грузовики. Падал снег. Сотрудники носили в машины папки с бумагами». [2, с. 113]

Вместе с сотрудниками НКВД из Москвы были вывезены архивы для обеспечения их сохранности и неприкосновенности. 6 ноября уже начался Куйбышевский период Наркомата иностранных дел. Было проведено заседание в стенах Театра оперы и балета, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, где выступил с традиционным докладом А. Я. Вы-

шинский, возглавлявший дипломатический корпус в Куйбышеве. На следующий день, 7 ноября 1941 года в городе прошел военный парад, стремящийся показать наличие сильной армии на Средней Волге и в целом повысить боевой настрой людей, произвести впечатление на иностранных дипломатов. Произвести впечатление удалось: в этот же день, 7 ноября 1941 года Вашингтон сообщает Москве, что начинает осуществлять поставки вооружения, транспорта и провизии СССР по ленд-лизу.

Московская битва нанесла первый сильнейший удар по агрессору как в политическом, так и в военном отношении. Ее предпосылки и ее итоги активно анализировались в Лондоне, Вашингтоне, Токио, Анкаре, обсуждались они дипломатическим корпусом и в Куйбышеве. Этот результат был обусловлен активной дипломатической деятельностью нашего государства. Так, на межсоюзной конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. представители Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Бельгии, Югославии, Польши, Греции, Норвегии, Люксембурга внимательно, но с недоверием выслушали выступление посла СССР в Англии И. Майского, который говорил о готовности СССР отразить фашистское наступление на Москву. [3, с. 2–3]

Сотрудников НКВД разместили в здании бывшего Куйбышевского коммунистического университета, работа была напряженной, изнуряющей. Работали днем и часть ночи, потому что боялись пропустить звонок от Сталина, который работал по ночам. Однако потом условия размещения стали более комфортными, в аудиториях, где проживали сотрудники, стали строить перегородки, а уже по приезде в город иностранных дипломатов, недалеко от посольства Швеции, расположенного по адресу: улица Фрунзе, 159, был открыт «Гастроном». В срочном порядке местными властями были выделены 20 особняков в центре города для размещения дипломатов, однако не все дипломатические корпуса были довольны новым местом проживания: так, например, послы Японии, расположенные в особняке на улице Чапаевской, 91, жаловались на отсутствие отопления, а английский дипломатический корпус, размещавшийся по адресу: улица Куйбышева, 151, был возмущен наличием в их особняке тараканов. [4, с. 185]

Также образ Куйбышева часто отражался в зарубежной прессе, причем мнения о нём были биполярными. Отмечали великолепную советскую организованность, но при этом отнюдь не все журналисты были в восторге от самого города. Так, в «Washington post» появилась статья про Куйбышев, где его характеризовали как «идеальный, но безжизненный».

В том же «Washington post» в 1942 году была опубликована заметка «Ночная жизнь Куйбышева» Эдди Гилмора, где американский журналист очень живописно характеризовал куйбышевские пейзажи: «Ночь очень долгая в Куйбышеве — альтернативной столице СССР, потому что солнце рано ускользает на запад за свинцовую Волгу. Но ночная жизнь крайне ограничена. Центр ночной ак-

тивности — «Гранд отель», где собираются журналисты, дипломаты, солдаты. Это серое здание выходит на главную улицу города, фасадом на реку. В отеле играют американские мелодии, но, по правде сказать, семеро музыкантов превосходят своим числом танцующих дам. Вы можете заказать себе прекрасную еду за 4–5 долларов: хлеб, масло, ягненка, цыпленка, гуся, баранину, осетра, сельдь, великолепные супы, выпечку, чай, пиво и водку.

Уличная жизнь в Куйбышеве — это смесь льда, Азии, Европы и переполненных улиц. Профессиональная сцена включает два балета — один местный и один из Москвы. Музыка великолепна, игра актеров очень хороша, но костюмы очень скромные». [5, с. 5]

В период с 19 по 20 октября 1941 г. в город прибыли сотрудники 12 посольств и шести миссий: Афганистана, Болгарии, Великобритании, Греции, Ирана, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, Тувы, Югославии, Японии, а также представительства Комитета национального освобождения Франции. 1 августа 1942 г. была открыта миссия Бельгии, которая представляла и интересы Люксембурга. Появились диппредставительства Мексики и Канады, миссии Австралии и Кубы. Всего прибыло 300 иностранных граждан (включая жён и детей, переводчиков, поваров и шофёров). В Москве осталась лишь часть сотрудников наиболее крупных посольств, которые осуществляли связь коллег из Куйбышева с оставшимся в столице руководством страны. Интенсивным и многоплановым было взаимодействие с посольствами Великобритании и США. Через послов этих стран решались ключевые задачи формирования антигитлеровской коалиции, согласовывались даты встреч на высшем уровне. Именно в Куйбышеве заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский получил 22 декабря 1941 г. официальное письмо американского посольства, с сообщением о том, что конгресс США 11 декабря 1941 г. объявил о состоянии войны между США и Германией. 18 марта 1942 г. американцы обратились через Вышинского с предложением установить прямую радиотелефонную связь между Вашингтоном и Москвой, в мае 1942 г. она заработала. 22 июня 1942 г. началась эксплуатация советской авиалинии «Куйбышев — Тегеран», существенно разгрузившая американский воздушный «трансиранский коридор», проложенный через советскую Джульфу и Иран. Совместно с британцами и американцами в Куйбышеве готовились материалы к состоявшейся в конце сентября — начале октября 1941 г. англо-американской миссии в Москву лорда Бивербрука и А. Гарримана, к встрече с И. В. Сталиным министра иностранных дел А. Идена 16–22 декабря 1941 г. Некоторые государственные деятели (в частности, лидер республиканской партии США Уэнделл Уилки) стремились задержаться в Куйбышеве, чтобы на месте «прощупать» реальные возможности СССР противостоять гитлеровской Германии. Именно так объяснил У. Уилки И. Сталину в ходе их встречи 23 сентября 1942 г. свою просьбу вернуться в США через Сибирь. Такое разрешение было получено. С руководителями военных миссий США и Ве-

ликобритании шли переговоры по ленд-лизу, отработывались проекты маршрутов по доставке военных грузов. Был, в частности, согласован вопрос о поставке военных самолётов через Персидский залив по маршруту Басра (Ирак) — Абадан (Иран). В этих пунктах предусматривались сборка и окончательное комплектование поставляемых воздушным путём через Африку американских истребителей. Шёл конкретный разговор о номенклатуре поставок вооружения Красной Армии и стратегических материалов для советской оборонной промышленности. После назначения президентом Рузвельтом нового посла США (Уильям Стэндли прибыл в Куйбышев 4 апреля 1942 г.) в СССР начали прибывать большие объёмы американской военной помощи.

Итогом «куйбышевского этапа» дипломатической деятельности 1941-1943 гг. стало восстановление утраченных в предвоенные годы контактов на высшем уровне с Великобританией и США, а также совместная подготовка и подписание соответствующих соглашений о военно-политическом союзе, заложивших, в том числе, основы послевоенного миропорядка. Отодвинув на второй план серьёзные политические разногласия, советская дипло-

матия вовлекла в антигитлеровскую борьбу эмигрантские правительства стран, оккупированных Германией, оказав им не только политическую поддержку, но и предоставив возможность сформировать собственные вооружённые силы на советской территории. Разумеется, далеко не всё сложилось так, как хотелось. Наглядный пример — предательство генерала Андерса, который увёл в Иран сформированную и вооружённую Советским Союзом польскую армию в разгар Сталинградской битвы. С помощью дипломатических и политических средств удалось не допустить вступления в войну против нашего государства Японии, а также нейтрализовать те силы в Афганистане, Иране и Турции, которые стремились к союзу с Германией.

Подводя итог, необходимо отметить огромный вклад Куйбышева в развитие международных отношений и поддержку дипломатических связей в период 1941–1945 годов. Судя по количеству принятых важнейших решений, по организации множества дипломатических миссий, а также в целом об обеспечении Куйбышевом международной активности СССР, можно сказать, что город был не «запасной» столицей, а действующей, и очень ответственно, добросовестно и самоотверженно выполнил эту роль.

Литература:

1. Небезин В. А. «Банкетная хроника» А. Я. Вышинского: из повседневной жизни советских дипломатов в Куйбышеве (1941–1942 гг.) // Журнал «История: факты и символы». 2021. 3(28). С.36–37 // [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/banketnaya-hronika-a-ya-vyshinskogo-iz-povsednevnoy-zhizni-sovetskih-diplomatov-v-kuibysheve-1941-1942-gg> (дата обращения: 15.03.2025)
2. Бережков В. М. 1987 Страницы дипломатической истории, Москва: Международные отношения, 616 с.
3. Красов С. И. Куйбышев дипломатический (1941 год) // Московский журнал международного права. 2002. 3. С.173–178. // [Электронный ресурс] <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2002-3-173-178> (дата обращения:15.03.2025)
4. Чернявский С. И. О работе Наркомата иностранных дел СССР в Куйбышеве (1941–1943) // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(4). С. 178–198.
5. Gilmore Eddie. Kuibyshev nightlife. Washington Post. 1941. December 6. P. 5// [Электронный ресурс] https://archive.org/details/per_washington-post_1941-12-06_23914/page/n1/mode/2up (дата обращения: 17.03.2025)

Особенности государственной регистрации объектов недвижимости и прав на них в Российской Федерации, Бразилии и Китае

Хвостова Екатерина Андреевна, студент

Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье проводится сравнительно-правовой анализ систем государственной регистрации объектов недвижимости и прав на них в Российской Федерации, Бразилии и Китае. Исследуются исторические и правовые особенности каждой из моделей, их эволюция, ключевые принципы и современное состояние. Особое внимание уделяется различиям в подходах к регистрации: конститутивный характер регистрации в России, декларативная система на основе регистрации титулов в Бразилии, а также централизованная и разрешительная модель в Китае, тесно связанная с государственным планированием. Также в статье рассматриваются процедурные аспекты, роль цифровизации и влияние регистрационных систем на стабильность гражданского оборота. На основе проведённого анализа делается вывод о том, что выбор модели регистрации определяется историческими, правовыми и социально-экономическими особенностями каждой страны.

Ключевые слова: государственная регистрация объектов недвижимости, государственная регистрация прав собственности на объекты недвижимости, ЕГРН, кадастровый учет, право Бразилии, право Китая.

Государственная регистрация прав на недвижимость является ключевым элементом гражданского оборота, гарантируя его стабильность, правовую охрану прав собственников и обеспечивая достоверность информации о правовом режиме объектов. Несмотря на общую цель — создание прозрачной и надежной системы учета прав, системы регистрации прав на недвижимость в разных странах имеют свои исторические и правовые особенности. В настоящем докладе проводится сравнительный анализ систем государственной регистрации прав на недвижимость в Российской Федерации, Федеративной Республике Бразилия и Китайской Народной Республике.

Прежде всего необходимо уточнить, что, говоря об основных теоретических аспектах особенностей государственной регистрации объектов недвижимости и прав на них в Российской Федерации, следует обозначить несколько основных категорий, которые находят свое отражение в рамках действующего российского законодательства: регистрация объектов недвижимости, регистрация перехода прав на объекты недвижимости и регистрация сделок с недвижимостью.

Процесс исторического развития данной отрасли сопровождался глубокими преобразованиями в системе ее правового регулирования. Советский период, упразднивший частную собственность на землю и основные средства производства, свел регистрацию к техническому учету (инвентаризации) для целей планирования и распределения. Как отмечает доктор юридических наук Е. А. Суханов, «в условиях господства государственной собственности и планового распределения имущества необходимость в гражданско-правовой регистрации прав на недвижимость просто отсутствовала» [6].

С началом рыночных реформ, в 1990-е годы, возникла насущная потребность в создании правовых основ для оборота недвижимости. Отправной точкой стал Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР», провозгласивший разнообразие форм собственности. Однако ключевым актом стал Федеральный Закон РФ от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Закон ввел основополагающий принцип: право возникает с момента государственной регистрации. В 1998 г. Постановлением Правительства РФ № 219 были утверждены правила ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРН). Многие научные деятели считали принятие данного закона знаковым событием, но они обнаружили главный недостаток — разрыв между регистрацией прав и учетом объектов.

Для преодоления указанного разрыва был принят Федеральный Закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости». Была создана единая

база описания объектов (кадастр) и прав (ЕГРП). Эффект был неоднозначным. Как констатирует российский правовед, специалист в области гражданского права П. В. Крашенинников, «объединение оказалось во многом формальным. Юридически это были два разных процесса, два разных реестра (хотя и в одной организации — Росреестре), что сохраняло бюрократические барьеры и длительные сроки».

Центральным звеном правового регулирования создания единой системы государственной регистрации недвижимости является Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ), вступивший в силу с 1 января 2017 года, ключевыми положениями которого являются: создание единого информационного ресурса — Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), объединяющего Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним и государственный кадастр недвижимости, также внедрение единой учетно-регистрационной процедуры в случае образования и создания объекта недвижимости и многие другие изменения, также необходимо отметить о закреплении возможности подачи документов в электронном виде, ведение реестра в цифровой форме.

В настоящее время ключевые нормы, регулирующие регистрацию прав на объекты недвижимости, содержатся в Гражданском кодексе РФ, Федеральном законе № 218-ФЗ от 13.07.2015 «О государственной регистрации недвижимости», а также в других законодательных актах, касающихся кадастрового учета и работы Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Этот закон устанавливает правовые рамки для ведения государственного кадастрового учета и регистрации прав на недвижимость в России, наделяет соответствующими полномочиями Росреестр и определяет принципы формирования, обновления и ведения Единого государственного реестра прав.

Регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним — это признание и подтверждение государством возникновения, изменения, перехода и прекращения прав на недвижимое имущество, ограничение прав и обременении имущества. Регистрация в России носит правоустанавливающий (конститутивный) характер. В соответствии с пунктом ст. 8.1 ГК РФ, права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН). Государственная регистрация права в ЕГРН является единственным доказательством существования зарегистрированного права.

Ключевым для понимания российской системы государственной регистрации недвижимости в Российской

Федерации заключается в четком разделении двух ключевых юридически значимых действий: постановки объекта недвижимости на кадастровый учет и регистрация прав на него. Это разграничение не техническая формальность, а глубокая теоретическая конструкция. Кадастровый учет объекта, по сути, является процессом определения и описания конкретного имущества для его участия в гражданском обороте. Его цель — описать или идентифицировать объект посредством внесения в реестр (ЕГРН) его уникальных характеристик. Как отмечал автор учебников по гражданскому праву В. П. Мозолин, «государственный кадастровый учет придает объекту недвижимости легальное существование для целей оборота, превращая индивидуально-определенную вещь из факта материального мира в факт юридический, облеченный соответствующими реестровыми характеристиками» [5].

Государственная регистрация права представляет собой удостоверение и признание субъективного гражданского права конкретного лица на уже индивидуализированный объект. Ее цель — официально подтвердить возникновение, переход, ограничение или прекращение вещного права.

В научной литературе эволюция взглядов на это соотношение напрямую коррелировала с развитием законодательства. Учёные критиковали искусственное и проблематичное разделение двух процессов, таких как регистрация прав на недвижимость и кадастровый учет, которые закреплены в разных законах (№ 122-ФЗ и № 221-ФЗ). Е. А. Суханов последовательно подчеркивал, что регистрация прав является первостепенной, а кадастровый учет — лишь подготовительным этапом. Он утверждал: «Государственная регистрация прав — это ключевой институт, порождающий права. Кадастровый учет лишь создает необходимую материальную основу, «легализуя» объект, но не создает никаких прав. Разделение этих процессов в разные административные процедуры порождает бюрократические сложности и правовую неопределенность» [7]. Аналогичную точку зрения высказывал российский ученый-цивилист В. В. Витрянский, который отмечал, что кадастровые сведения, не прошедшие государственную регистрацию прав, лишаются своего гражданско-правового статуса и приобретают исключительно информационно-статистический характер. Он настаивал на приоритете регистрации прав как юридического акта, непосредственно формирующего гражданский оборот [1].

Принятие ФЗ № 218-ФЗ, учредившего Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), было воспринято учеными как шаг к преодолению как теоретических, так и практических разногласий. Л. Ю. Михеева отмечает, что «ЕГРН — это не простое слияние баз данных, а воплощение идей об единой юридической судьбе объекта и прав на него. Внесение информации об объекте (первый раздел ЕГРН) создает его «юридическое тело», а внесение информации о правах (второй раздел ЕГРН) — его «юридический статус». Оба раздела одинаково важны для существования недвижимости в правовом поле» [4].

Законодатель, хотя и отказался от множественности законов, сохранил разделение процедур в рамках одного нормативного акта. Например, кадастровый учет все еще может осуществляться без одновременной регистрации права (например, при формировании нового земельного участка). Это указывает на то, что фундаментальное различие между определением объекта и подтверждением права на него остается концептуально неразрешенным, что, впрочем, соответствует принципам гражданского права. Эскандирова З. М., отмечает, что при государственной регистрации устанавливаются два факта, во-первых, факт наличие недвижимости (тип объекта, его название), во-вторых факт наличие права в отношении недвижимой вещи (реквизиты лица, к которому принадлежит право), а также наличие обременений [8]. Обременение объекта недвижимости представляет собой ограничение права собственности, которое не позволяет собственнику полноценно владеть, пользоваться или распоряжаться своим имуществом. Некоторые виды обременений: ипотека (объект находится в залоге у банка до полного погашения кредита), арест (налагается судом в связи с долгами собственника), сервитут (ограниченное право пользования чужой недвижимостью, право прохода или проезда), залог (недвижимость может быть заложена по договору займа), ограничения, установленные органами охраны памятников (соблюдение ограничений по использованию собственником, если объект является памятником архитектуры или культурного наследия).

Разграничение между регистрацией самого объекта недвижимости и регистрацией прав на него не является случайным историческим явлением, а представляет собой обоснованную с точки зрения правовой доктрины модель. Эта модель отражает фундаментальную двойственность недвижимости: она существует как физический объект и одновременно как объект абсолютного права. Российское законодательство эволюционировало от нежелательного административного разрыва этих понятий к их системному объединению в едином информационном ресурсе (ЕГРН), при этом сохраняя логическую и процедурную независимость каждого из действий. А. А. Иванов точно подмечает, что современная система не отменяет, а закрепляет это различие в рамках ЕГРН, стремясь к повышению процедурной эффективности при сохранении концептуальной ясности. Понимание этой дихотомии является краеугольным камнем для правильной юридической квалификации, разрешения споров и дальнейшего совершенствования правовой базы [2].

Сделки с недвижимостью занимают особое место в гражданском обороте. Для защиты интересов участников и обеспечения стабильности оборота установлены строгие правила, регламентирующие их заключение, оформление и государственную регистрацию. К таким сделкам относятся, например, купля-продажа, дарение, мена, аренда, ипотека, наследование, а также соглашения о выделении долей и разделе имущества.

Предлагается рассмотреть государственную регистрацию объектов недвижимости, прав на недвижимость и сделок с недвижимостью в Федеративной республике Бразилии (далее — Бразилия). Бразилия, как одна из крупнейших экономик мира и государство с уникальной правовой культурой, сочетающее португальский колониальные традиции и современное европейское влияние, представляет значительный научный и практический интерес. Бразильская система регистрации объектов недвижимости кардинально отличается от российской и основана на принципе регистрации титулов (торренс-система).

Регулирование осуществляется Гражданским кодексом Бразилии (Código Civil do Brasil, 2002) и Законом № 6.015/1973 «О публичных регистрах» (Lei dos Registros Públicos). Бразильская модель основана на децентрализованной системе регистров. Каждый муниципалитет имеет собственное Реестровое управление недвижимостью (Cartório de Registro de Imóveis), ведущее отдельные книги недвижимости. Регистрируется не право, а конкретный документ (титул), который является основанием для возникновения права (например, договор купли-продажи, дарения). Каждому объекту присваивается уникальный регистрационный номер в Книге регистрации недвижимости (Matrícula). Регистрацию ведут частные нотариальные конторы (Registradores de Imóveis), которые действуют в рамках государственной концессии на определенной территории. В российской литературе это получило название — «Актвая система». В рамках Актвой системы государство принимает на себя минимальные обязательства при оформлении сделок с недвижимостью. Его единственная функция, связанная с потенциальной ответственностью, — это официальная регистрация самого факта заключения договора между конкретными лицами. Государство лишь удостоверяется в подлинности сторон, заявленных в документе, и фиксирует точное время и дату регистрации.

Процесс регистрации сделок с недвижимыми объектами в Бразилии включает в себя следующие действия: для осуществления покупки сначала нужно получить специальный налоговый регистрационный номер кадастра Cadastro de Pessoa Física (далее — CPF). Без этого проведение сделки по купле-продаже невозможно. Для получения CPF нужно предоставить заявление и копию паспорта в Центральный Банк Бразилии. Также до покупки недвижимости покупатель обязательно должен взять Matrícula (справку — выписку из паспорта недвижимости, то есть это юридическая «биография» объекта недвижимости). В паспорте содержатся все технические характеристики недвижимости, ее план, параметры строения, история всех бывших и настоящих собственников этой недвижимости. Документальное оформление сделки заканчивается внесением нового владельца в единый государственный реестр недвижимости.

Таким образом, система регистрации объектов недвижимости в Бразилии обеспечивает высокую степень надежности, так как регистратор несет материальную от-

ветственность за ошибки, допущенные при проверке. Регистрация в Бразилии носит декларативный характер в том смысле, что она подтверждает и легитимирует уже существующее право, вытекающее из документа, но при этом без регистрации переход права не считается состоявшимся.

Государственная регистрация объектов недвижимости и прав на них в Китайской Народной Республике (далее — Китае) представляет собой централизованную и строго регламентированную систему, играющую ключевую роль в защите прав собственности и обеспечении стабильности оборота недвижимого имущества.

Вопрос частной собственности в Китае, особенно после недавних реформ, является предметом дискуссий из-за специфики политического устройства страны. Вступление в силу Гражданского кодекса КНР 1 января 2021 года стало значительным событием, впервые объединив и защитив в одном документе права на имущество, обязательства, личные права и наследство. Кодекс поставил защиту частной собственности на один уровень с государственной и коллективной. Хотя сам принцип защиты частной собственности существовал и ранее, последние реформы направлены на его детализацию и практическое применение. Ключевым шагом стала унификация системы регистрации недвижимости, создавшая Единый государственный реестр. Это нововведение повысило правовую определенность, систематизировало информацию об объектах, защитило от произвольных действий и упростило сделки, стимулируя рынок недвижимости.

Регистрация регулируется Законом КНР о вещных правах (Property Law of the PRC, 2007), Временным положением о регистрации недвижимости (2014 г.) и подзаконными актами Министерства природных ресурсов КНР. Также вопрос проведения сделок с недвижимым имуществом в этой стране регулирует «Гражданский кодекс Китая: Договор по Книге III». Данный правовой акт регулирует основные правила проведения сделок с недвижимостью в Китае, их виды и основные положения.

Рассматривая вопрос регистрации недвижимости в Китае, то до недавнего времени регистрация была раздроблена между разными ведомствами (земля, здания, лесные угодья и т. д.). С 2015 года проводится реформа, в результате которой созданы Единые бюро регистрации недвижимости при Министерстве природных ресурсов КНР, утверждённым приказом Государственного совета КНР от 24.11.2014 г. за № 656 и их местных подразделениях. Процедура строго формализована и носит разрешительный и конститутивный характер. Для регистрации права собственности, возникшего из сделки (например, купли-продажи), необходимо представить доказательство уплаты всех необходимых налогов. Регистратор оценивает законность сделки и ее соответствие общественным интересам. Стороны, желающие зарегистрировать право, должны предоставить доказательства своего права и необходимые документы, такие как адрес, границы и площадь объекта. Регистрация происходит только

по заявлению сторон, если иное не предусмотрено законодательством. Ведется единый реестр, отражающий права, обременения (ипотека, сервитуты) и другие ограничения. Система активно цифровизируется, и право собственности на недвижимость возникает исключительно после государственной регистрации. Китайская система регистрации тесно интегрирована с государственным планированием землепользования.

В отличие от России, где приобретается право собственности, в Китае правовое регулирование сделок с недвижимостью предполагает приобретение лишь права пользования. В соответствии с Законом о собственности КНР, принятым в 2007 г., для недвижимости действует система, при которой граждане приобретают только право пользования землёй под жилыми объектами на 70 лет. При этом сама конструкция квартиры, включая стены и внутреннюю отделку, является безусловной личной собственностью, подлежащей свободной продаже, дарению или наследованию. По прошествии 70 лет, гражданину необходимо будет покинуть свое жилье, либо начать платить аренду за ранее купленную на законных основаниях недвижимость. Приобретая недвижимость на вторичном рынке, а также при получении недвижимости в наслед-

ство или по договору дарения, срок пользования не обнуляется, а сохраняется от предыдущего владельца.

В результате исследования можно сделать вывод, что целью регистрации прав на недвижимость во всех трех государствах является укрепление стабильности гражданского оборота в сфере имущественных сделок. Российская модель, основанная на ГК РФ, представляет собой централизованную государственную систему с конститутивным эффектом, сочетающую в себе кадастровый учет и регистрацию прав в едином реестре (ЕГРН). Бразильская модель уникальна своей децентрализацией и работой частных регистраторов, действующих по системе Торренса, где основное внимание уделяется юридической чистоте цепочки титулов на конкретный объект. Китайская модель является наиболее молодой и централизованной, с ярко выраженной публично-правовой направленностью, где регистрация служит не только целям гражданского оборота, но и является инструментом государственного контроля и планирования. Таким образом, выбор конкретной модели регистрации определяется историческими традициями, особенностями правовой системы и степенью вмешательства государства в экономику и отношения собственности.

Литература:

1. Витрянский, В. В. Договор купли-продажи и его отдельные виды / В. В. Витрянский. — М.: Статут, 1999. — 89 с.
2. Иванов А. А. Вещное право: учебное пособие. СПб., 2020. С. 177
3. Крашенинников, П. В. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации недвижимости» / П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017. — 8 с.
4. Михеева, Л. Ю. Возникновение, прекращение и защита права собственности / Л. Ю. Михеева. — М.: Статут, 2018. — 102 с.
5. Мозолин, В. П. Право собственности в Российской Федерации в период перехода к рыночной экономике / В. П. Мозолин. — М.: Наука, 1992. — 128 с.
6. Суханов Е. А. Гражданское право: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. М., 2006. С. 325
7. Суханов Е. А. О современном состоянии и перспективах развития российского гражданского права // Журнал российского права. — 2010. — № 1. — С. 18–25.
8. Эскиндарова, З. М. Актуальность и практическая значимость государственной регистрации права на недвижимое имущество на современном этапе развития гражданского законодательства / З. М. Эскиндарова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 20 (206). — С. 349–352. — URL: <https://moluch.ru/archive/206/50413>.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (602) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 31.12.2025. Дата выхода в свет: 07.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.